Большой Катехизис реформатора церкви Мартина Лютера дал множеству читателей ясную картину христианской веры и помог им понять освежающее библейское слово лютеранской реформации.

В этой книге Лютер возвещает Слово Божие и нам. Когда мы читаем его объяснения к заповедям Божиим, кажется, что он жил в наше время и знал наши грехи. И как утешительно слово Евангелия, которое Лютер доносит до нас, разъясняя Апостольский символ веры! В комментариях к молитве "Отче наш" он учит нас правильно употреблять эту содержательную молитву и уповать на обетования Божии. Поучая о Крещении и Причащении, Лютер представляет нам установление Христово и содержащееся в таинствах прекрасное, божественное утешение. Всё это особенно важно в нынешнее время, когда нас пытаются вводить в заблуждение разные лжеучения и духи прелести. Нам необходимо очищение веры и учение, основанное на Библии. И здесь эта книга совершенно незаменима.

978-951-9318-69-1

Большой Катехизис

STLK

МАРТИН
ЛЮТЕР

БОЛЬШОЙ КАТЕХИЗИС

БОЛЬШОЙ КАТЕХИЗИС
д-ра Мартина Лютера

Перевод с немецкого Андрея А. Никитина

Главный редактор Маркку СЯРЕЛЯ

Редакторы В. К. Муштак, А. А. Никитин

Рецензент Курт Маркварт

Обложка Киммо Пяликкё

Издание второе

Финляндской Церкви Лютеранского Исповедания

STLK

Rajakatu 7, 15100 Lahti, Финляндия

2012

УДК-р 238
Лю794

Der große Katechismus, Deutsch. D. Martin Luther

Martti Luther, Iso katekismus (Venäjänkielinen), 2. painos

ISBN 978-951-9318-69-1 (sid)
ISBN 978-951-9318-70-7 (PDF)

Printed in Finland by Bookwell 2012

Содержание

БОЛЬШОЙ КАТЕХИЗИС МАРТИНА ЛЮТЕРА, РЕФОРМАТОРА ЦЕРКВИ

Датой начала Реформации можно считать 31 октября 1517 года, когда д-р Мартин Лютер прибил к дверям Замковой церкви в Виттенберге свои 95 тезисов. Днём рождения Лютеранской церкви можно считать 10 декабря 1520 года, когда Лютер публично сжёг папскую буллу и канонический закон и этим фактически порвал с папской церковью. Несмотря на то, что Лютер усердно проповедовал и во многих трудах своих разъяснял вопросы веры, должно было, однако, пройти некоторое время, прежде чем основы истинной веры были поняты и усвоены. По причине запущенности, царившей в папской церкви уже столетиями, церковь оказалась в исключительно плачевном состоянии, улучшения которого нельзя было достичь одним мановением руки. Это состояние упадка, равно как и настоятельную необходимость в преподавании основ вероучения, Лютер отметил в особенности, участвуя в визитации саксонских приходов и школ в 1527–1529 гг.

Для удовлетворения такой потребности в 1529 году были изданы Краткий и Большой Катехизисы Лютера. Они различны по форме, но совершенно едины в отношении вероучения. Оба предназначены для обучения основам христианской веры как простого народа, так и пасторов. Катехизис не был изобретением Лютера. Катехизическое обучение практиковалось в христианстве ещё в древности для подготовки детей или желающих принять крещение.

Лютеранская реформация вернулась к апостольскому учению и к согласной с ним церковной деятельности. "Ибо для истинного единства церкви христианской достаточно того, что в ней Евангелие проповедуется единогласно, по разумению чистому, и таинства преподаются согласно слову Божию" (Аугсбургское исповедание, Артикул 7). Где так поступали, там была истинная, древняя, апостольская церковь. Лютер также говорил: "Никто сие отрицать не может, что мы в чистоте и преизобилии служение проповедническое и слово Божие имеем, усердно преподаём и насаждаем, без всякого добавления учения нового, своего, человеческого, как и заповедал сие Христос и поступали апостолы и всё христианство. Мы ничего нового не изобретаем, но держимся неотступно старинного слова

Божия, каковым его имела церковь древняя, – будучи одной и той же церковью, которая одному и тому же слову Божию учит и верит. Потому снова порочат паписты Самого Христа, апостолов и всё христианство, когда они новыми и еретиками нас обзывают. Ибо не находят они у нас ничего, кроме одной лишь старины церкви древней, так что мы ей равны и с ней одна и та же церковь" (Wider Hans Wurst // Dr. Martin Luthers Sämmtliche Schriften. Groß Oesingen 1986–1987, Bd. XVII, 1324).

Лютер, таким образом, смотрел на Церковь не с точки зрения внешней исторической преемственности, а с точки зрения чистоты знаков Церкви, слова и таинств. При таком подходе лютеранская церковь была для Лютера не новой церковью, а продолжением древней апостольской церкви – церкви, которая ныне вышла, словно солнце, из туч папских лжеучений, за которыми она была скрыта все эти сумрачные столетия.

Приверженность древней церкви видна была также в проведении в жизнь преобразований и обновлении церкви. При этом Лютер охотно сохранял всё ценное из древнего и в делах свободного усмотрения. Это касалось, например, литургии, внутреннего убранства церквей и катехизической традиции.

Оба Катехизиса Лютера были приняты в число лютеранских символических книг и включены в "Книгу согласия", изданную в 1580 г.

Большой Катехизис является возвестием, проповедью в самом лучшем смысле слова. Ещё и сегодня Лютер ставит своего читателя перед Богом и словом Его в свойственной ему обстоятельной, энергичной и неподражаемой манере. Хотя читатель находит в его текстах обстановку XVI века, он не может не увидеть, что то же самое подходит и к нашему времени. Открываются грехи человеческие. Закон Божий настигает нашу совесть, так что читатель видит, что и сам он грешен перед Богом. Но что всего важнее, открывается также и милость Божия во Христе, и трепещущая совесть может услышать прекрасные, утешительные слова Евангелия. Таинства, установленные Христом, остаются верными, нерушимыми орудиями благодати, которыми Сам триединый Бог действует в Церкви Своей и на которых зиждется спасительная вера.

Воистину радостно читать проповедь Большого Катехизиса, затрагивающую самое сердце.

После того, как церковь STLK издала на русском языке Краткий Катехизис д-ра Мартина Лютера с объяснениями к нему (4-е издание вышло в 1995 г.), ныне нам доставляет великую радость выпуск в свет и Большого Катехизиса. Когда ныне реформатор церкви Мартин Лютер проповедует в Большом Катехизисе по-русски, я молюсь о том, чтобы Бог в милосердии Своём даровал этой книге Своё благословение, сообщив читателям уверенность в христианском учении и позволив им всячески устрояться духовно и возрастать в истинной вере.

г. Тампере, 31 октября 1995 г.

Маркку Сяреля

Во втором издании исправлены замеченные ошибки и технические погрешности.

г. Тампере, 31 октября 2011 г.

Маркку Сяреля

Предисловие переводчика

Данный перевод осуществлялся с немецкого текста изданий Die Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. Bd. II. Evangelische Verlagsanstalt GmbH., Berlin, 1978. Concordia Triglotta. St. Louis, 1923, и Concordia. Christliche widerholete einmütige Bekenntnis, Dresden, M.D.LXXX. Примечания основаны на материале примечаний из упомянутых изданий, с незначительными сокращениями или же добавлениями из других источников. В основном тексте в круглых скобках помещены (наряду с авторским текстом в скобках) переводы на русский язык отдельных слов и выражений (оставленных автором без перевода иноязычных слов и выражений или немецких слов и выражений, обсуждаемых автором, и т.п.); в квадратных скобках обычным шрифтом даны извлечения из параллельного латинского текста, а петитом – краткие пояснения и добавления, не содержащиеся в авторских текстах и сделанные для облегчения правильного понимания текста при чтении.

А. А. Никитин

БОЛЬШОЙ КАТЕХИЗИС

доктора Мартина Лютера

Предисловие доктора Мартина Лютера

Христианское, полезное и необходимое предисловие и верное, строгое наставление доктора Мартина Лютера всем христианам, но особенно всем пасторам и проповедникам о том, что надлежит им каждодневно усердно упражняться в Катехизисе, который есть краткое изложение и извлечение из всего Священного Писания, и постоянно его преподавать и т.д.

1 К тому, что мы так усердно занимаемся Катехизисом, и жаждем, и просим, чтобы и другие так же поступали, есть у нас немалые причины, так как мы видим, что, к сожалению, многие пастыри и проповедники в том ленивы и пренебрегают как служением своим, так и сим учением, иные от большой, глубокой своей учёности [позволяющей, как они воображают, воспарить их уму к более высоким материям], а иные от чистой лености и заботы о своем брюхе, кои к делу относятся не иначе как если бы они были пастырями или проповедниками лишь ради чрева своего и не должны были делать ничего, кроме как пользоваться благами, пока живы, к чему они привыкли под властью папства.

2 И хотя всё, о чем им надлежит учить и проповедовать, теперь они имеют пред собою в изложении столь обильном, ясном и простом в столь многих полезных книгах и, как их встарь называли, истинных Sermones per se loquentes, Dormi secure, Paratos и Thesauros ("Проповеди, сами за себя говорящие", "Спи спокойно", "Готовы" и "Сокровищница"), однако же они не настолько набожны и добросовестны, чтобы покупать такие книги или же, если даже оные у них и есть, не заглядывают в них и не читают их. Ах! Они суть совершенно мерзкие обжоры, лакеи чрева своего, коим пристало бы скорее свинопасами или псарями быть, нежели душ попечителями и пастырями.

3 И будучи теперь свободны от пустой, тягостной болтовни семи [Канонических] часов[1], они хотя бы то

лишь делали, что прочли бы вместо этого по утрам, в полдень и по вечерам листок или два из Катехизиса, молитвенника, Нового Завета или ещё что-нибудь из Библии и помолились бы молитвой "Отче наш" за себя и своих прихожан, дабы и те, в свою очередь, воздали хвалу и благодарность Евангелию, через которое они освободились от столь многих тягот и скорбей, и устыдились бы хоть немного оттого, что, совсем как свиньи и собаки, ничего более не сохранили от Евангелия, кроме такой праздной, вредной, постыдной, плотской свободы. *4* Ибо чернь, к сожалению, и без того слишком мало чтит Евангелие, и мы ничего особенного не добиваемся, хотя и прилагаем всё своё старание. Что же тогда будет твориться, если мы будем так же равнодушны и ленивы, как были под властью папства?

5 К сему добавляется ещё тот постыдный порок и тайный зловредный мор самоуверенности и пресыщенности, что многие считают Катехизис учением простым, ничтожным, которое они могут прочесть за один раз и тут же всё понять и узнать, забросить книгу в угол и вроде как стыдиться в неё снова заглянуть. *6* Более того, и среди дворянства находятся, похоже, иные негодники и скряги, кои утверждают, что отныне не нужны-де ни пастыри, ни проповедники, ведь сие всё есть в книгах, и можно самому сие познать, и допускают, чтобы приходы погибали и в запустенье приходили беспрепятственно, а пастыри и проповедники вдоволь терпели нужду и голод, как то и присуще сумасбродным немцам; ибо такой уж у нас, немцев, подлый народ, и приходится нам его терпеть.

7 Но вот что скажу я про себя. И я тоже доктор и проповедник, более того, я так же учён и сведущ, как только могут быть все те, кто столь дерзок и самоуверен; и всё же я поступаю, как дитя, которому преподаётся Катехизис, и читаю, и слово за словом вслух произношу по утрам и когда ещё есть у меня время, "Десять заповедей", Символ веры, 1"Отче наш", Псалтырь и т.д.; и ещё мне приходится ежедневно читать и заниматься, и всё-таки я не могу овладеть им так, как мне бы хотелось, *8* и приходится мне оставаться Катехизиса чадом и учеником, и охотно остаюсь таковым. А сии задаваки привередливые хотели бы от одного беглого прочтения мигом сделаться докторами превыше всех докторов, всё знать и понимать и ни в чём более потребности не ощущать. Что ж, сие ведь

тоже верный знак, что они пренебрегают и служением своим, и душами народа, да и того более, также и Богом и Словом Его, и незачем им падать, они уж и так слишком ужасно пали, а им бы нужно, пожалуй, стать детьми и начать учить азбуку, с которой, по их мнению, они уже давно покончили.

9 Вот почему прошу я таких лентяев толстобрюхих или святош самонадеянных, чтобы, ради Бога, дали они себя убедить и поверили, что в самом деле, в самом деле! они отнюдь не столь учёны и не такие великие доктора, как им кажется, и чтобы впредь не мнили, будто превзошли сию вещь [Катехизис] или, уж во всяком случае, достаточно её знают, хотя бы им и казалось, что они слишком хорошо ею владеют. Потому что, пусть бы даже они и воистину знали и понимали её в совершенстве (что, однако же, невозможно в жизни сей), то и тогда есть многая польза и выгода в том, что её читают и повторяют каждодневно в размышлениях и речах, а именно оттого, что Дух Святой присутствует в таком чтении, речах и размышлениях и дарует, к тому же, вновь и вновь всё больше света и благоговения, так что она всё более привлекательною представляется и всё лучше и лучше усваивается, как и обещает Христос в 18-й главе Евангелия от Матфея: "Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них".

10 Кроме того, сие есть чрезвычайно действенная помощь против дьявола, мира, плоти и всех злых мыслей, когда общаются со Словом Божиим, говорят и размышляют о нём, вот и первый псалом [Пс. 1,2] провозглашает блаженными тех, кто "о законе Его размышляет... день и ночь!" Несомненно, ты не приго-товишь против дьявола ни ладана, ни другого окуривания более сильного, чем если будешь общаться с Божиими заповедями и словами, говорить, петь и размышлять о них. Сие есть поистине та настоящая святая вода и тот знак, от коих он бежит и коими может быть изгнан.

11 Пожалуй, уже только сего одного ради надлежало бы тебе охотно читать, говорить, думать и рассуждать о таких вещах, если бы даже не было тебе от того никакой иной выгоды и пользы, кроме той, что сим ты можешь изгнать дьявола и злые мысли; ибо он не в силах ни слышать Слово Божие, ни выносить его, а Слово Божие – не как иной вздор пустой, вроде "Сказания о Дитрихе фон Берне" и т.д., но, как говорит Св. Павел (Рим. 1,16), "оно

есть сила Божия". Да, воистину сила Божия, которая дьяволу жгучую боль причиняет, а нас безмерно укрепляет, утешает и поддерживает. *12* Но что мне много говорить? Если бы мне пришлось перечесть всю пользу и благие плоды, кои творит Слово Божие, то где бы я взял столько бумаги и времени? Дьявола зовут мастером тысячи искусств. Но как же тогда назвать Слово Божие, которое сего мастера тысячи искусств изгоняет и изничтожает со всеми его искусствами и властью? Оно должно быть поистине мастером более ста тысяч искусств. *13* И что же, мы должны такой властью, пользой, силою и выгодой пренебрегать столь легкомысленно, особенно те из нас, кто желает быть пастырями и проповедниками? Тогда нужно не только не давать нам есть, но и травить нас собаками и закидывать конским навозом, ибо мы не только во всём том [слове Божьем] нуждаемся каждодневно, как в хлебе насущном, но и должны его иметь каждый день [как средство] против ежедневных и беспрестанных искушений и коварных ловушек сего искусника-дьявола.

14 И если сего не довольно, чтобы убедить нас читать ежедневно Катехизис, тогда должна нас вполне достаточно к тому принудить уже хотя бы одна только Заповедь Божия, которая [Втор. 6,7–8] настоятельно требует, чтобы о Заповедях Его думали и сидя, и идя дорогою, и ложась, и вставая, и чтобы, как постоянный знак и символ, имели бы их перед глазами и в своих руках. Без сомнения, не станет Он зря так строго заповедовать и требовать, но так как знает Он наши опасности и нужды, а также постоянный и яростный натиск и соблазн со стороны чертей, Он желает нас от сего предостеречь, вооружить и оборонить, словно добрым щитом против их "раскалённых стрел" и благим лекарством против их ядовитой, зловредной заразы и отравы.

15 О, какие же мы сумасшедшие, неразумные глупцы, что всё время приходится нам жить и ютиться среди таких могущественных врагов, как черти, и при сём мы пренебрегаем нашим оружием и защитой и ленимся на оные внимание обратить или о том подумать!

16 А что же ещё делают сии святоши пресыщенные, самонадеянные, не желающие и не любящие читать и учить Катехизис каждодневно, как не то, что ставят себя много учёнее Самого Бога со всеми Его святыми ангелами, пророками, апостолами и всеми христианами? Ибо, коль

Сам Бог не стыдится каждый день сему учить, не зная ничего лучшего для наставления, и всегда учит одному и тому же, и не назначает ничего нового или иного, и все святые ничего лучшего или иного, чему учить, не знают и выучить не могут, то разве же мы не самые ловкие молодцы, воображающие, что ежели однажды сие прочитали и услышали, то сие всё знаем и ничего больше нам не нужно ни читать, ни учить, и можем за один час выучить то, чему сам Бог не может научить, – Он, Который тому учит от начала до скончания мира, и все пророки вместе со всеми святыми сему учились и всё ещё остались учениками и далее должны ими оставаться?

17 Ибо, конечно, должно быть так, что тот, кто хорошо знает Десять Заповедей, должен знать и всё Писание, так что он мог бы во всех делах и случаях советовать, помогать, утешать, судить, решать как духовные, так и мирские дела и быть судьёй над всеми учениями, сословиями, духами, законами и чем бы то ни было ещё на свете. *18* А что такое весь Псалтырь, как не одни лишь размышления и упражнения по поводу Первой Заповеди? Но ныне истинно знаю я, что сии лентяи толстобрюхие и духи пресыщенные не понимают ни единого псалма, не говоря уж обо всём Священном Писании, но утверждают, что знают Катехизис, и пренебрегают оным, который есть краткое извлечение и выписка из всего Священного Писания.

19 Посему прошу я снова всех христиан, а особенно пастырей и проповедников, не рваться слишком рано в доктора и не мнить себя всезнающими (с зазнайством, как и с туго натянутым сукном, случается сильная усадка), а каждодневно и помногу в нём упражняться и постоянно им заниматься, и ещё со всем вниманием и тщанием оберегаться от ядовитой заразы такой самонадеянности или самомнения, постоянно продолжать читать, учить, учиться, думать и размышлять, не переставая, до тех пор, пока не убедятся и не уверятся они, что диавола до смерти доучили и стали учёнее Самого Бога и всех Его святых. *20* Если они проявят такое тщание, то я им скажу, да они должны и сами увидеть, какую пользу они получат, каких замечательных людей сотворит из них Бог, так что со временем они и сами должны как следует осознать, что чем дольше и больше они занимаются Катехизисом, тем меньше его знают и тем больше для них в нём того, что

изучать необходимо, и тогда впервые они, подобно алчущим и жаждущим, истинно почувствуют вкус того, чего теперь, от большого изобилия и пресыщения, они терпеть не могут. Да прибавит Господь к тому Своё благоволение! Аминь.

Краткое предисловие

Это предисловие основано на проповеди доктора Мартина Лютера от 18 мая 1528 года.

1 Проповедь сия составлена и предпринята с тем, чтобы она служила наставлением детям и простым людям, потому что исстари называется она по-гречески "Катехисмос", т.е. учение для детей, так что каждому христианину необходимо её знать, стало быть, *2* тот, кто её не знает, ко христианам причисляться и к таинству допускаться не может[2]; так же, как ремесленник, не знающий правил и приёмов своего ремесла, от него отстраняется и считается к нему неспособным. *3* Посему нужно дать молодым людям хорошо выучить те артикулы, кои к Катехизису, или детской проповеди, принадлежат, и усердно их в оных упражнять и натаскивать.

4 По той же причине каждый отец семейства обязан по меньшей мере раз в неделю опрашивать своих детей и слуг и проверять, что они о сём знают или учат, и, если не знают сего, со всей строгостью к тому склонять их. *5* Ибо я помню хорошо то время, более того, ещё случается такое каждодневно, что находятся невежественные, старые, преклонных лет люди, кои вовсе ничего не знали и не знают и поныне о сих вещах, однако же всё равно крещение принимают и к причастию идут и всем, что есть у христиан, пользуются, тогда как к причастию идущие должны бы, по справедливости рассуждая, больше знать и более полное понятие иметь об учении христианском, нежели дети и азбучники. *6* Однако для простого люда удовлетворимся мы тремя частями: Десять Заповедей, Символ веры, Отче наш, кои сохранились издревле в христианстве, но редко правильно преподавались и толковались, – до тех пор, пока и стар и млад, христианином называться и быть желающий, как следует

не поупражняется и не станет сведущим в них. Они же суть следующие:

Во-первых,

Десять Заповедей Божиих

1 1. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. *2* 2. Не
произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно (ибо
Господь Бог не оставит без наказания того, кто произносит
имя Его напрасно). *3.* 3. Помни день субботний, чтобы
святить его.

4 4. Почитай отца твоего и мать твою (да будешь
долголетен на земле). *5* 5. Не убивай. *6* 6. Не
прелюбодействуй. *7* 7. Не укради. *8* 8. Не произноси
ложного свидетельства на ближнего твоего. *9* 9. Не
пожелай дома ближнего твоего.

10 10. Не пожелай жены ближнего твоего, ни раба, ни рабы его, ни скота его, ничего из того, что есть у него.

Во-вторых,

Главные положения нашей веры

11 Верую в Бога Отца всемогущего, творца неба и земли.

12 И во Иисуса Христа, Его единородного Сына,
Господа нашего, зачатого от Духа Святого, рожденного от
Марии девы, страдавшего при Понтии Пилате, распятого,
умершего и погребенного, сошедшего во ад, в третий день
воскресшего из мертвых, вознесшегося на небеса и
сидящего одесную Бога, Отца всемогущего, откуда Он
придёт судить живых и мертвых. *13* Верую в Духа
Святого, единую святую христианскую Церковь, общение
святых, отпущение грехов, воскресение тела и жизнь
вечную. Аминь.

В-третьих,

14 Молитва [Господня], или "Отче наш", коей Христос учил.

Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя Твое. Да приидет царствие Твое. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И

прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас во искушение. Но избавь нас от лукавого. (Ибо Твое есть царство и сила и слава во веки) Аминь.

15 Сии суть необходимейшие артикулы, кои нужно сперва научиться повторять слово в слово, *16* и нужно детей приучить к тому, что, когда они встают по утрам, садятся за стол и вечером ложатся спать, они должны прочесть их вслух, и не давать им ни есть, ни пить, пока они их не произнесут. *17* Равно и каждый отец семейства обязан поступать со своими домашними, слугами и служанками, чтобы не держал он их у себя, если они того не знают либо учить не хотят. *18* Ибо никак нельзя терпеть, чтобы человек столь непросвещён и дик был и сего не учил, потому что в трёх частях сих кратко, доступно и наиболее просто изложено всё, что мы в Писании имеем; *19* ибо возлюбленные отцы Церкви или апостолы (кто бы ни были они) представили таким образом в сжатом виде то, что составляет учение, жизнь, мудрость и знание христиан, то, о чём они говорят и толкуют и чем занимаются.

20 Когда же три части сии усвоены, надлежит также уметь сказать о наших таинствах (кои установил Сам Христос) Крещения и Святого тела и крови Христовой, а именно, те слова, которыми Матфей [28,19 и д.] и Марк [16,15 и д.] в конце своих Евангелий описывают, как Христос прощается со Своими учениками и отсылает их.

О Крещении

21 Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа [Мат. 28,19]. Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет [Мар. 16,16].

22 Сего о Крещении довольно знать из Писания простому человеку; равно и о другом таинстве краткими простыми словами, а именно, из текста Св. Павла [1 Кор. 11,23–25]:

О таинстве [Причастия]

23 Господь наш Иисус Христос в ту ночь, в которую Его предали, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и, раздав ученикам, сказал: "Примите и ядите; сие есть тело Моё, которое за вас предаётся. Сие совершайте в Моё воспоминание!"

Так же и чашу после вечери и сказал: "Сия чаша есть новый завет в крови Моей, за вас изливаемой во оставление грехов. Когда только будете пить сие, совершайте сие в Моё воспоминание!"

24 Итак, имеется в целом пять частей всего учения христианского учения, которые постоянно преподавать надлежит, и требовать, и спрашивать от слова до слова. Ибо не полагайся на то, что молодёжь сие узнает и усвоит лишь из проповеди. *25* Когда части сии хорошо усвоены, можно затем в дополнение и подкрепление к оным предложить некоторые псалмы или гимны, по ним сложенные, и так вводить молодёжь в Библию и каждодневно вперёд двигаться.

26 Однако недостаточно лишь слово в слово сие усвоить и уметь повторять, но пусть молодёжь также ходит на проповеди, особенно во время, отведённое для Катехизиса, чтобы она слышала, как оный разъясняется и училась понимать, что содержит в себе каждая часть, так что могла бы оную наизусть прочесть так, как слышала, и ответить совершенно правильно, когда её спросят, так чтобы сие не проповедовалось без толку и без пользы. *27* Ибо для того мы так стараемся часто проповедовать Катехизис, чтобы оный молодёжи втолковывать не заумно и мудрёно, а кратко и наиболее просто, дабы он ими хорошо усвоен был и в памяти остался.

28 Посему хотим теперь мы вышеупомянутые положения Катехизиса одно за другим по порядку рассмотреть и возможно понятнее о них рассказать столько, сколько необходимо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Десять заповедей

Первая заповедь

Да не будет у тебя других богов.

1 То есть: лишь Меня Одного должен ты считать твоим Богом. Что сие значит и как сие понимать надобно? Что значит иметь Бога и что такое Бог? *2* Ответ: Бог означает то, от чего мы должны ждать всяческого блага и к чьей защите мы прибегаем во всех наших нуждах, так что иметь Бога есть не что иное как сердцем уповать на Него и верить Ему; как я часто говорил, одно лишь упование и вера сердца производят как Бога, так и идола. *3* Истинны вера и упование – значит, и твой Бог истинен; и наоборот, где упование ложно и неверно, там нет и Бога истинного; ибо они оба соединены вместе: вера и Бог. Итак (говорю я), на что сердце твоё уповает и полагается, то и есть, в сущности, твой бог.

4 А потому, стало быть, смысл заповеди сей в том, что она требует истинной веры и надежды сердца, не отходящего от истинного, Единого Бога, но неизменно преданного Ему Одному. И можно то же самое сказать так: "Смотри, чтобы только Я Один был твой Бог, и никогда не ищи другого; иначе говоря, если тебе недостаёт добра, то жди его от Меня и у Меня ищи, а когда терпишь горе и нужду, приди и склонись под Мою защиту. Я, Я одарю тебя обильно и вызволю изо всякой беды; пусть только сердце твоё не предаётся и не вверяется никому другому." *5* Сие должен я несколько проще объяснить, чтобы можно

было понять и постичь сие на примерах противопоставлений из жизни повседневной. Вот мнит иной, будто есть у него Бог и всё в достатке, когда имеет он деньги и собственность, и столь твёрдо и уверенно полагается на них и гордится ими, что никого ни во что не ставит. *6* Так вот, и он имеет бога, который называется маммона, то есть деньги и собственность, на которого он полагается всем сердцем и который есть самый обычный идол повсюду на земле. *7* Кто имеет деньги и собственность, тот чувствует себя уверенно, он весел и бесстрашен, как будто восседает посреди рая. *8* И наоборот, у кого нет ничего, тот сомневается и робеет, как будто он не знает о Боге. *9* Ибо очень мало найдётся таких, кто пребывал бы в добром расположении духа и не печалился и не жаловался бы, не имея маммоны; сие [страсть и любовь к деньгам] присуще натуре человека до самой могилы.

10 Стало быть, также и кто уповает и надеется на то, что у него есть большая учёность, ум, власть, покровительство, множество друзей и почёт, тот тоже имеет бога, но вовсе не того Бога истинного, Единого. И снова ты видишь при сём, как смелы, уверены и горды бывают люди от таких богатств и как отчаиваются, если их нет или они отобраны. Посему я и повторяю ещё раз, что верное объяснение пункта сего в том, что иметь Бога означает иметь нечто, чему сердце человеческое вверяется всецело.

11 Далее, посмотри, чем мы в своей слепоте занимались при папской власти. Если у кого болел зуб, то он постился в честь Святой Аполлонии[3]; ежели боялся, что добро сгорит от пожара, то выбирал в спасители Св. Лаврентия[4]; кто боялся чумы, тот давал обет Св. Себастиану или Св. Рохусу[5], и ещё бесконечно много таких мерзостей, когда каждый выбирал себе святого и молил и призывал его помочь в беде. *12* Сюда же относятся и те, что, как например, колдуны и чернокнижники, совсем уж переходят всякие границы и заключают союз с дьяволом, чтобы он дал им много денег или помог в любовных делах, сохранил их скот, вернул утраченное добро и т.д. Ибо все они препоручают своё сердце и возлагают своё упование

на что-то иное, нежели истинный Бог, а от Него ничего хорошего не ждут и ничего у Него не ищут.

13 Итак, теперь ты без труда можешь понять, чего и сколько требует заповедь сия, а именно, всего сердца человека и полного упования только на Бога и ни на кого другого. Ибо иметь Бога, как ты и сам легко можешь постичь, не значит, что Его можно схватить и удержать в руке, упрятать в кошелёк или запереть в ларец. *14* Но Он обретён, когда сердце Им завладевает и Его придерживается. *15* Но придерживаться Его сердцем есть не что иное, как всецело полагаться на Него. Посему Он желает отвратить нас от всего, что существует помимо Него, и привлечь к Себе, ибо Он есть единственное вечное благо. Как если бы Он говорил: "Чего ты прежде искал у святых или в уповании на маммону и прочее, всего того жди от Меня и почитай Меня Тем, Кто желает тебе помочь и щедро осыпать тебя всеми благами."

16 Ну вот, ты теперь знаешь, что такое истинное почитание и богослужение, угодное Богу, которое Он также заповедал исполнять под страхом вечного гнева Божия, а именно, чтобы сердце человеческое, кроме как в Нём, не знало никакого иного утешения и упования, не позволяло себя от него [утешения и упования Божия] отрывать, а, напротив, доверилось ему и презрело бы всё, что есть на земле. *17* Впрочем, наряду с сим ты без труда увидишь и рассудишь, что мир только и занимается ложным богослужением и идолопоклонством. Ибо никогда ещё не было народа столь нечестивого, чтобы он не устанавливал и не соблюдал какого-либо священнослужения; каждый возвеличивал особого бога, от которого ждал блага, помощи и утешения.

18 Так, язычники, возлагавшие свои надежды на власть и господство, делали высшим божеством своего Юпитера, иные, уповавшие на богатство, успех или на удовольствие и наслаждение, – Геркулеса, Меркурия[6], Венеру или других, беременные женщины – Диану или Лукину[7] и так далее, – каждый делал богом то, к чему влекло его сердце. Таким образом, в сущности, даже и во мнении всех язычников, иметь Бога означает не что иное, как уповать и

верить. *19* Но изъян здесь в том, что их упование ложно и неверно, ибо оно не обращено к единому Богу, кроме Которого воистину нет иного бога ни в небесах, ни на земле. *20* Посему язычники, по сути дела, превращают в идола свои собственные вымышленные представления и мечтания о Боге и уповают воистину на ничто. *21* Так обстоит дело со всяким идолопоклонством, ибо оно не только в том, что ставят некое изображение и ему поклоняются, но оно прежде всего в сердце, которое устремляется к совсем иному, ищет помощи и утешения у тварей, святых или чертей и не принимает Бога, не ждёт от Него столь великой благостыни, как та, что Он помочь желает, и также не верит, что всё благое, с ним случающееся, идёт от Бога.

22 Кроме того, есть ещё один ложный и ошибочный культ и высшее идолопоклонство, которым мы до сих пор занимаемся, который всё ещё правит в мире и на котором основаны все духовные состояния. Он принимает во внимание одну лишь совесть, ищущую помощи, утешения и блаженства в собственных деяниях, дерзающую требовать себе небес у Бога и подсчитывающую, сколько сделано подарков, соблюдено постов, отслужено месс и т.д., на то полагающуюся (и тем гордящуюся) так, словно она ничего не желает принимать в дар от Бога, но хочет сама заработать либо заслужить с преизбытком, как будто Он должен состоять у нас на службе и быть нашим должником, мы же Его сюзеренами. *23* Что же есть сие, как не превращение Бога в идола, более того, в "яблоневого божка"[8] и себя самого почитание и выставление богом? Но сие немного слишком мудрёно, не подходит для юных школьников.

24 Но да будет сие сказано и простым людям, чтобы они хорошо усвоили и запомнили смысл заповеди сей, что нужно надеяться только на Бога и только благое от Него предвидеть и ждать как от дарующего нам тело, жизнь, еду, питьё, пропитание, здоровье, защиту, мир и всё необходимое из преходящих и вечных благ, кроме того, охраняющего от несчастья и, если с нами что случится, спасающего и вызволяющего из беды; стало быть, Бог (как уже достаточно много говорилось) есть Тот Единственный,

от Кого мы получаем всё благое и Кто избавляет нас от всякого несчастья. *25* Оттого также, замечу, мы, немцы, с древних времён называем Бога (лучше и точнее, чем любой иной язык) словом Gott, от слова Gut (добро, благо)[9], как Того, Кто есть вечный родник, одним лишь благом переполненный, из коего всё изливается, что благим зовётся и является.

26 Ведь если даже нам иной раз и встречается много добра от людей, тем не менее, всё, что получаем по Его велению и распоряжению, мы от Бога получаем. Ибо нашим родителям и всем начальствующим, а сверх того и каждому в отношении ближнего его, дано повеление, чтобы они делали нам всяческое благо, так что мы его получаем не от них, а через них от Бога. Потому что создания Божий суть лишь рука, канал и орудие, посредством коих Бог дарует всё, подобно тому, как Он даёт матери грудь и молоко, чтобы напитать дитя, зерно и всяческие плоды земли для пропитания, из каковых благ никакое создание само ни одного сотворить не может. *27* Посему да не посмеет никто брать или давать что либо, если "сие не заповедано Богом, чтобы мы сознавали, что сие суть Его дары, и были Ему за то благодарны, как требует заповедь сия. Посему также таковые способы получения благ чрез твари Божий отвергаемы быть не должны, как нельзя и по дерзости своей искать иные пути и средства, нежели заповеданные Богом, ибо сие значило бы не от Бога принимать, а у себя самого искать.

28 Теперь пусть каждый сам рассудит, что заповедь сию надо ценить больше и выше всего и не принимать за шутку. Спроси и испытай своё собственное сердце хорошенько, и тогда наверняка узнаешь, предано ли оно только Богу Одному или нет. Если у тебя такое сердце, которое может ждать лишь добра от Него, особенно в беде и нужде, и при сём отстраняется от всего, что не есть Бог, тогда у тебя Единый истинный Бог. Наоборот, если оно предаётся чему-то иному, от чего надеется больше блага и помощи получить, нежели от Бога, и не бежит к Нему, а от Него убегает, когда ему приходится плохо, то у тебя другой бог, идол.

29 Для того, чтобы видно было, что Бог сие без внимания не оставляет, но за сим смотрит строго, прибавил Он к заповеди сей сначала грозные слова, а затем прекрасное, утешительное обетование, кои нужно также хорошенько повторять и убедительно втолковывать молодёжи, чтобы она их как следует усвоила и запомнила.

[Объяснение добавления к Первой заповеди]

30 ***Ибо Я Господь, Бог твой, ревнитель сильный, наказывающий за вину отцов детей до третьего и четвёртого рода ненавидящих Меня и благотворящий на тысячи родов любящим меня и соблюдающим заповеди Мои.***

31 Хотя слова сии ко всем заповедям относятся (о чём мы далее узнаем), они, однако, присоединены именно к сей, главной, заповеди, потому что важнее всего, чтобы у человека была в порядке голова; ибо где голова в порядке, там должна быть и вся жизнь в порядке, и наоборот. *32* Так что знай теперь из слов сих, как гневается Бог на тех, кто уповает на что-либо иное, кроме Него, и, наоборот, как добр и милостив Он к тем, кто всем сердцем только на Него полагается и в Него верует, так что гнев остаётся до четвёртого рода, или колена, а зато благодать и милость простирается на много тысяч, *33* чтобы не проходили так беспечно мимо и не полагались на случай, подобно невежественным сердцам, считающим, что сие большого значения не имеет. *34* Он такой Бог, который не оставит без наказания то, что от Него отвернулись, и не перестанет гневаться вплоть до четвёртого колена, до тех пор, пока они не будут совсем истреблены. Ибо Он желает, чтобы Его боялись, а не пренебрегали Им.

35 Сие Он также доказал во всех историях и сказаниях, как нам предостаточно показывает Писание, да и повседневный опыт хорошо ещё может тому научить. Ибо Он с самого начала истреблял совершенно идолопоклонство всякое, а из-за него и язычников, и иудеев, подобно тому как Он и сегодня повергает любой культ ложный, так чтобы, наконец, каждый, кто в нём

упорствует, истреблён был. *36* Посему, если и находятся и ныне высокомерные, могущественные и богатые спесивцы, Сарданапалы[10] и Фалариды[11], [превосходящие богатством даже персов], полагающиеся на свою маммону, не взирая на то, гневается ли Бог или же смеётся, совершенно уверенные, что выдержат Его гнев, то у них, однако, сие не выйдет, наоборот, прежде всяких ожиданий потерпят они крушение вместе со всем тем, на что уповали, как потерпели его и все прочие, кои чувствовали себя ещё увереннее и сильнее.

37 И как раз из-за таких тупых голов, кои воображают, потому что Бог созерцает и позволяет им крепко сидеть [на своём месте], что Он о сём не знает или не заботится, Он и должен разить и карать, так что Он не может сего забыть вплоть до их внуков, дабы каждый сим смутился и понял, что для Него сие не шутки. *38* Потому что и их тоже имеет Он в виду, когда говорит: "ненавидящих Меня", то есть упорствующих в своём непослушании и гордыне; того, что им проповедуют или говорят, они не желают слушать; если же их укоряют, дабы они образумились и исправились, прежде чем их постигнет кара, они бесятся и теряют рассудок, так что вполне заслуживают гнев Божий, как мы и теперь каждый день видим на примере наших епископов и князей.

39 Однако как ни страшны грозные слова сии, гораздо сильнее утешение в обетовании того, что придерживающиеся Одного лишь Бога должны быть уверены, что Он желает являть им Своё милосердие, то есть оказывать им только милость и благодеяние, не только им самим, но также и их потомкам до тысячи и многих тысяч поколений. *40* Сие должно бы, конечно, подвигнуть и побудить нас положиться сердцем на Бога со всем упованием, если бы мы желали всех преходящих и вечных благ, потому что Высшее Величество [Божие] даёт столь великое обетование, так сердечно привлекает и так много обещает.

41 Посему пусть сие каждый всерьёз примет, чтобы не считали, будто оно человеком сказано. Ибо для тебя оно значит либо вечное благословение, счастье и блаженство,

либо гнев, несчастье и горе вечное. Чего ещё ты получишь или попросишь большего, нежели Его столь милостивое тебе обетование, что Он твоим быть желает со всеми благами, оберегать тебя и помогать во всяких нуждах?

42 Однако, увы, беда в том, что мир ни во что из того не верит и не считает Словом Божиим, ибо видит, что уповающие на Бога, а не на маммону, живут в горе и нужде, а дьявол им противодействует и ставит препоны, так что у них нет ни денег, ни покровительства, ни почёта, да к тому же они еле в живых остаются; напротив, служащие маммоне имеют в глазах мира власть, покровительство, почёт и состояние и всяческий покой и довольство. По сей причине нужно понимать слова сии как направленные прямо против такой видимости и знать, что они не лгут и не обманывают, но подтвердятся непременно. *43* Подумай сам или спроси и скажи мне: те, кто всю свою заботу и усердие положил на то, чтобы накопить большое достояние и много денег, что же они в конце концов создали? И ты найдёшь, что они зря растратили старания и труд, или, если они даже и натаскали в кучу большие сокровища, всё равно оные рассеялись и разлетелись по воздуху, так что они сами так и не порадовались своему богатству, и не досталось оно наследникам в третьем колене.[12] *44* Примеров ты найдёшь предостаточно во всей истории, а также у старых, опытных людей; только смотри и примечай их. *45* Саул был великий царь, Богом избранный, и благочестивый муж; но когда он утвердился на троне и позволил сердцу своему отвратиться от Бога и положился на свою корону и власть, то погиб со всем, что у него было, так что даже никто из детей его не остался в живых. *46* Напротив, Давид был бедный, презираемый человек, преследуемый и гонимый, так что он нигде не мог быть спокойным за свою жизнь; однако же он спасся от преследований Саула и стал царём. Ибо сии слова должны были оставаться в силе и подтверждаться, потому что Бог не может лгать или обманывать. Только не давай дьяволу и миру обмануть тебя своим блеском, который хоть и длится какое-то время, но в конце концов есть ничто!

47 Посему давайте же выучим хорошенько Первую заповедь, чтобы понять, что Бог не желает терпеть никакой

дерзости, ни упования на что бы то ни было иное, и что Он не требует от нас ничего более высокого, чем сердечное упование о всяческом благе, чтобы мы ступали верно и прямо пред собою и употребляли все блага, Богом даруемые, не больше, чем сапожник использует свою иглу, шило и дратву для работы, а затем откладывает в сторону, или гость использует ночлег, еду и постель, только для временных нужд, каждый на своём месте, по Божьему установлению, и не позволяли только ничему быть нашим господином или идолом. *48* Сего да будет достаточно про Первую заповедь, которую нам пришлось многословно объяснять, потому что в ней главная сила, ибо (как уже ранее сказано) если сердце в согласии с Богом и заповедь сия исполняется, то само собой следует исполнение и всех остальных.

Вторая заповедь

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно.

50 Так же, как Первая заповедь наставляла сердце и учила вере, данная заповедь ведёт нас дальше и направляет наши уста и язык надлежащим образом по отношению к Богу. Ибо первое, что вырывается из сердца и себя проявляет, есть слово. Как я уже выше учил отвечать, что значит иметь Бога, так же ты должен научиться просто понимать смысл сей и всех заповедей и прилагать их к себе самому.

51 Если теперь спросят: "Как ты понимаешь Вторую заповедь, и что значит произносить имя Господа напрасно, или злоупотреблять его?", ответь всего короче так: "Имя Божие злоупотреблять означает произносить имя ГОСПОДА Бога, каким бы образом сие ни совершалось, ради лжи или всякого порока." Посему так заповедано, чтобы имя Божие не упоминалось ложно или не бралось на уста, если сердце хорошо знает или должно знать, что дело обстоит иначе, как случается у тех, которые дают клятву перед судом, и одна сторона лжёт против другой. *52* Ибо нельзя более злоупотребить имя Божие, чем подкрепляя им

ложь и обман. Пусть сие и остаётся как самое лёгкое и простое понимание данной заповеди.

53 Из сего теперь каждый может сам легко заключить, когда и сколь многими способами употребляется всуе имя Божие, хотя обо всех злоупотреблениях рассказать невозможно. Всё же, говоря кратко, всякое злоупотребление имени Божия происходит, во-первых, в мирских делах и вещах, кои касаются денег, собственности, чести, будь то публично перед судом, на рынке или где-то ещё, когда клянутся и произносят ложную клятву именем Божиим или клянутся своею душой. И особенно распространено подобное в брачных делах, когда двое идут и тайно обручаются, а потом клятвенно отрекаются.

54 Больше всего, однако, происходит злоупотреблений в делах духовных, относящихся к совести, когда появляются лжепроповедники и выдают свой лживый вздор за слово Божие.

55 Смотри, сие значит всегда себя именем Божиим прикрасить или прикрыть и оправдать стараться, случается ли то в низких мирских делах или в высоких, мудрёных делах веры и учения. И ко лжецам относятся также богохульники, не только совсем бесстыдные, каждому хорошо известные, кои без боязни оскорбляют имя Божие [и коих исправит уж школа палача, а не наша], но также те, кто истину и слово Божие хулит и диаволу приписывает. О том сейчас нет нужды более говорить. *56* Вот теперь давайте воспримем умом и сердцем, как много заложено в заповеди сей, чтобы мы со всем тщанием остерегались и боялись всякого злоупотребления святым именем как величайшего греха, который только может внешне совершаться. Ибо лгать и обманывать есть само по себе великий грех, но он становится намного тяжелее, если его ещё хотят оправдать и для подтверждения привлекают имя Божие и делают его прикрытием срама, так что из одной лжи получается двойная, даже многократная ложь.

57 Потому Бог сопроводил заповедь сию также суровым, грозным словом, которое гласит: "ибо ГОСПОДЬ не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно", то есть, никто пощажён быть и безнаказанным

уйти не должен. Ибо как не оставит Он неотмщённым то, что сердце от Него отвращается, так же не будет Он терпеть, чтобы имя Его для приукрашивания лжи употреблялось. *58* Теперь, увы, общая беда во всём мире, что так мало тех, кто не употребляет имя Божие ко лжи и всяческому злому делу, как мало и тех, кто полагается сердцем только на Бога.

59 Ибо у нас у всех от природы есть сие прекрасное достоинство [если Христу угодно], что, если кто совершил злое деяние, то скорее хочет сокрыть и прикрыть свой позор, чтобы никто не видел и не знал, и нет столь дерзких, кои перед каждым похвалялись бы содеянным злом, все предпочитают совершать его втайне, нежели чтобы о том узнали. Если затем на такого нападают с обвинениями, то принуждается Бог расплачиваться именем Своим и превращать плутовство в невинность, позор в славу. *60* Сие есть обычный порядок вещей, распространившийся, словно великий потоп, на все страны. Посему нам и возмездием есть то, чего мы добиваемся и заслуживаем: чума, войны, дороговизна, пожары, наводнения, развратные жены, развращённые дети, прислуга и всяческая порча. Иначе откуда же проистекало бы столько бедствий? Сие есть ещё великая милость, что земля нас носит и кормит.

61 Значит, нужно прежде всего серьёзно направлять и приучать молодых к тому, чтобы они высоко ценили сию и другие заповеди, а если они их преступят, вмиг оказаться с розгою у них за спиной и заповедь сию напомнить и всё время её внушать, так чтобы они, таким образом, воспитывались не только наказанием, но также в благоговении и страхе перед Богом.

62 Итак, теперь ты понимаешь, что значит злоупотреблять имя Божие, а именно (если повторить совсем кратко), либо просто под именем Божиим ложь или нечто, таковым не являющееся, за правду выдавать, либо проклинать, клясться, колдовать и, говоря насколько возможно кратко, совершать всякое зло.

63 Кроме того, ты должен также знать, как употребляется имя [Божие] правильно. Ибо говоря: "Не

произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно", Он сими словами также даёт понять, что нужно его верно употреблять. Ибо оно именно для того нам открыто и даровано, чтобы употреблялось и давало пользу. *64* Посему отсюда само собой следует, так как здесь запрещается использовать святое имя ради лжи и порока, что, наоборот, заповедано употреблять его ради истины и всякого блага, как например, когда клянутся истинно, где сие необходимо и требуется; также, когда учат верно, далее, когда к имени сему взывают в скорбях, славят и благодарят его в дни добрые и т.д. Всё сие, вместе взятое, выражено и заповедано в изречении, Пс. 49,15: "И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня". Ибо всё сие значит привлекать его к служению истине и употреблять праведно и, таким образом, имя Его святится, как и гласит молитва "Отче наш".

65 Итак, тебе объяснена суть всей заповеди сей. И на основе такого понимания легко решить вопрос, над которым бились многие учителя: почему в Евангелии запрещено клясться, тогда как Христос, Св. Павел и другие святые часто клялись. *66* И объяснение вкратце таково: Не должно клясться в оправдание зла, то есть лжи, и где в том нет нужды или пользы; но ради блага и для пользы ближнего клясться должно. Ибо сие есть истинно благое деяние, коим прославляется Бог, утверждается истина и право, опровергается ложь, примиряются меж собою люди, оказывается повиновение и улаживается спор. Ибо здесь Бог Сам посредничает и отделяет правду от неправды, зло от добра. *67* Если одна сторона даёт ложную клятву, она получает свой приговор, так что не избегнет наказания, и даже если наказание и откладывается ненадолго, однако не будет у неё успеха, так что всё, что она тем самым выиграла, ускользнёт из рук, и она никогда сим не воспользуется себе на радость, *68* как я видел на примере многих, отрёкшихся от своих супружеских клятв, что после того у них не было ни счастливого часа, ни благополучного дня, и так погибли образом прискорбным и тело, и душа, а сверх того – и достояние их.

69 Вот почему я говорю и увещеваю, как и прежде, чтобы предостережением и страхом, строгостью и

наказанием приучались заблаговременно дети бояться лжи и, особенно, использования ради неё имени Божия. Ибо если им сие спускать, ничего хорошего из того не выйдет, как очевидно и сейчас, что мир стал злее, чем когда бы то ни было, и нет ни правления, ни повиновения, ни верности, ни веры, а есть только дерзкие, необузданные люди, коим не помогает ни поучение, ни наказание; всё сие есть Божий гнев и кара за такое бесстыдное пренебрежение заповедью сей. *70* Во-вторых, нужно их также, с другой стороны, побуждать и привлекать к тому, чтобы они чтили имя Божие и постоянно держали его на устах во всём, что может с ними случиться и замеченным ими быть. Ибо сие есть истинное почитание имени Божия – то, что от него ждут всяческого утешения и к нему о сём взывают, так что сначала сердце (как мы слышали выше) через веру воздаёт Богу славу Его, а затем – уста через исповедание.

71 Сие есть также благословенная, благотворная привычка, очень сильно действующая против диавола, который всегда около нас пребывает и поджидает, когда он смог бы ввергнуть нас в грех и позор, горе и беду, но совсем не рад слышать и долго не может оставаться там, где имя Божие от всего сердца произносится и призывается; *72* и с нами случилось бы много ужасных и страшных несчастий, если бы, через взывание к имени Его, Бог нас не хранил. Я сам испробовал и испытал довольно, что часто при таком взывании тотчас отвращалась и миновала внезапная большая беда. На горе дьяволу (говорю я) мы должны всегда держать на устах сие священное имя с тем, чтобы он не смог вредить так, как хотел бы.

73 Сему служит также и то, что становится привычным ежедневно вручать себя Богу вместе с душой и телом, женой, детьми, прислугой и тем, что мы имеем, на случай всякой нужды; отсюда также вошли в употребление и остались Benedicite, Gratias[13] и другие молитвы по утрам и вечерам; *74* далее, обыкновение у детей осенять себя крестом, когда они видят или слышат что-то ужасное и страшное, и говорить: "ГОСПОДИ Боже, сохрани! Помоги, Господь наш Иисус Христос!" или иное в том же роде. Так и наоборот, если кому-то неожиданно встречается что-то

хорошее, как бы незначительно оно ни было, чтобы говорить: "Да будет хвала и благодарение Господу! Сие мне даровал Господь!" и т.д.; как прежде приучали детей поститься и молиться Св. Николаю и другим святым. Такое было бы приятнее и более угодно Богу, чем монастырская жизнь и святость картузианских монахов.[14]

75 Вот так можно было бы по-детски, играючи, воспитывать молодёжь в Божьем страхе и почитании, так чтобы первая и вторая заповеди хорошо соблюдались и постоянно применялись. Тогда могло бы укорениться, возрасти и дать плоды нечто благое, дабы выросли такие люди, от коих могла бы вкусить и возрадоваться вся страна. *76* Было бы также верным способом хорошо воспитать детей, когда бы их могли учить добротою и радостью. Ибо что приходится насаждать одними лишь розгами да битьём, то не выйдет добротным, и если успех и достигается, то они, однако, остаются порядочными лишь, пока розга лежит у них на загривке. *77* Но тут укореняется в сердце то, что Бога боятся больше, чем розог и дубины. Сие говорю я столь просто для молодёжи, чтобы уж до неё дошло. Ибо коли мы проповедуем детям, то нужно с ними и лепетать. Итак, мы предупредили против злоупотребления имени Божия и преподали его верное употребление, которое должно заключаться не только в словах, но также в жизни и в деле, чтобы люди знали, что Бог сердечно сему рад и столь же обильно сие вознаградит, сколь сурово всякое злоупотребление покарает.

Третья заповедь

78 ***Помни день субботний, чтобы святить его.***

79 Праздник [субботу] мы назвали так по древнееврейскому слову "шабат", что, собственно, означает "праздновать", то есть быть праздным от работы; отсюда мы имеем обыкновение говорить "Feierabend machen" (заканчивать работу) или "heiligen Abend geben" (устроить свободный вечер перед праздником). *80* Бог же в Ветхом Завете выделил и установил для празднования седьмой

день и заповедал считать его святым перед всеми остальными. Касательно внешнего соблюдения сего праздника заповедь сия дана только иудеям, дабы они прекращали свой будничный труд и отдыхали для того, чтобы и человек, и скотина восстанавливали свои силы и не ослабевали от непрерывной работы. *81* Хотя они потом слишком её сузили и бесцеремонно её злоупотребляли, так что они даже Христа поносили и не могли терпеть тех дел [Его], каковые, однако, они при сём совершали и сами, как гласит Евангелие; словно заповедь сия должна исполнять ся тем, что не совершается совсем никакой работы, однако же не сие было её целью, а то, в конечном счёте, чтобы они святили праздник, или день покоя, как мы далее услышим.

82 Потому теперь заповедь сия в её грубом понимании к нам, христианам, не относится, ибо она есть нечто совершенно внешнее, как и другие установления Ветхого Завета, связанные с определёнными обычаями, личностями, временами и местами, каковые установления теперь через Христа все перестали быть обязательными. *83* Однако чтобы уловить для простых людей христианский смысл того, что требует от нас Бог в заповеди сей, заметь, что мы соблюдаем дни отдыха не ради христиан знающих и учёных, кои в том не нуждаются, а в первую очередь ради телесных причин и нужд, коим учит и коих требует природа, для простого народа, слуг и служанок, всю неделю исполнявших свою работу и дело, чтобы они на один день оставили работу для отдыха и восстановления сил. *84* Затем, наипаче, чтобы в сей день покоя (поскольку иначе нет для того возможности) находился случай и время побывать на богослужении, так чтобы собраться вместе слушать и разбирать слово Божие, а потом восхвалять Господа, петь и молиться.

85 Однако сие (говорю я) не так привязано ко времени, как у иудеев, чтобы таковым должен был быть именно тот или иной день; ибо никакой день сам по себе не лучше другого, но должно бы сие совершаться ежедневно, однако раз народ не может сего соблюдать, нужно выбрать для того хотя бы один день в неделю. Поскольку же исстари установлено для того воскресенье [день Господень], то пусть так остаётся и далее, чтобы всё шло по

общепринятому порядку и никто бы не создавал беспорядка ненужными новациями.

86 Следовательно, простой смысл заповеди сей, поскольку дни отдыха и без того соблюдаются, состоит в том, чтобы сей праздник изучению слова Божия посвящался, так чтобы особым делом сего дня было проповедническое служение для юношества и бедного народа; однако же не должно празднование сие так узко пониматься, чтобы из-за него запрещалась какая-то неурочная работа, без которой нельзя обойтись.

87 Посему, когда спрашивают, что должно означать: "Помни день субботний, чтобы святить его", отвечай: Святить праздник значит то же самое, что хранить его святым. Тогда что такое "хранить святым"? Не что иное, как предаваться святым словам, святым трудам и святой жизни. Ибо день сей сам по себе ни в каком освящении не нуждается, ибо он сам как таковой был сотворен святым; однако Бог желает, чтобы он был святым для тебя. Итак, он будет для тебя святым или неосвящённым в зависимости от того, святыми либо же не святыми делами ты в тот день занимаешься.

88 Так как же совершается такое освящение? Не тем, что сидят на печи и никакой работы не делают или водружают на голову венок и надевают свои лучшие наряды, но тем (как было сказано), что разбирают слово Божие и в нём упражняются.

89 И в самом деле, мы, христиане, должны всегда соблюдать праздничный день сей, быть заняты одними лишь святыми делами, то есть ежедневно общаться со словом Божиим, носить его с собою в сердце и на устах. Но поскольку мы (как было сказано) не все имеем время и досуг, то нужно нам несколько часов в неделю для молодёжи и по меньшей мере один день для всей общины употреблять на то, чтобы занимались только сим, а именно, разбирали Десять заповедей, Символ веры и "Отче наш" и тем самым направляли всю нашу жизнь и бытие согласно слову Божию. *90* Какое время в соблюдении и употреблении сего проводится, тогда и соблюдается истинный праздник; если же нет, то нельзя его называть

христианским праздником. Ибо отдыхать и быть праздными вполне могут и нехристиане, как и целое сонмище наших попов, что стоят каждый день в церкви, поют и звонят в колокола, но не освящают никакого праздника; ибо они не проповедуют и не исполняют слово Божие, но учат и живут прямо вопреки ему.

91 Ибо слово Бога есть святыня выше всех святынь, более того, единственная, которую мы, христиане, знаем и имеем. Ибо, хотя бы у нас были кости всех святых или все священные и освящённые одежды в одной куче, ничем бы сие нам не помогло; ибо всё сие суть мёртвые предметы, кои никого освятить не могут. Но Божье слово есть то сокровище, которое все вещи делает святыми и чрез которое сами они, святые, все и сделались святыми. *92* Всякий час, когда Божье слово разбирается, проповедуется, слушается, читается или обдумывается, чрез то святится человек, день и дело, не благодаря внешней работе, а благодаря Слову, которое нас всех делает святыми. Посему я и говорю всегда, что вся наша жизнь и все дела должны проходить в слове Божьем, если хотим, чтобы они назывались богоугодными или святыми. Где таковое совершается, там заповедь сия осуществляется и исполняется.

93 Напротив, если какое бытие и деяние вне слова Божия пребывает, то оно пред Богом лишено святости, пусть оно как угодно сияет и блистает, даже если разукрасят его одними лишь святыми реликвиями, как, например, выдуманные духовные состояния[15], кои слова Божия не ведают и святость в своих делах ищут.

94 Потому заметь, что сила и мощь заповеди сей состоит не в праздновании, а в освящении, так чтобы дню сему принадлежало особое святое деяние. Ибо иные труды и занятия не называются собственно святыми делами, если не свят прежде человек. Здесь, однако, должно свершиться такое деяние, чрез которое сам человек стал бы святым, что происходит (как мы слышали) только посредством слова Божия, для чего как раз и учреждены и назначены места, времена, люди и всё внешнее богослужение, чтобы сие совершалось также и публично.

95 Поскольку же так много зависит от слова Божия, что без оного не святится никакой праздник, то надлежит нам, что Бог желает строгого соблюдения заповеди сей и накажет всех, кто пренебрегает Его словом, не хочет его ни слышать, ни учить, особенно во время, для того назначенное.

96 Посему грешат против заповеди сей не только те, кто грубо злоупотребляет праздничным днём и оскверняет его, как например те, что от жадности или по легкомыслию перестают слушать слово Божие или валяются в кабаках, в стельку пьяные, словно свиньи, но и многие, кои слушают слово Божие, как любой другой пустой вздор, и только по привычке приходят на проповедь и опять расходятся, и когда год прошёл, в сём году знают столько же, что и в прошлом. *97* Ибо до сих пор считалось, что дни покоя проведены достойно, если по воскресеньям слушали мессу и чтение Евангелия, но до слова Божия никому не было дела, как никто его и не преподавал. Ныне, когда у нас есть слово Божие, мы, несмотря на то, не устраняем злоупотребление, [ибо хоть и] позволяем читать нам проповеди и наставления, но слушаем их несерьёзно и невнимательно.

98 А потому знай, что важно не только слушать, но также выучить и запомнить, и не думай, что сие в твоей воле или от того мало что зависит, но что сие есть заповедь Божья, Который спросит с тебя, как ты слушал, учил и чтил слово Его. *99* Подобным же образом следует порицать и тех духов самонадеянных, кои, послушав проповедь или две, ими пресыщаются, как будто они и сами сие хорошо знают и более ни в каких наставниках не нуждаются. Ибо сие и есть как раз тот грех, который до сих пор числился среди смертных грехов и назывался "акидия", то есть леность или пресыщение[16], зловредная, опасная чума, коею дьявол сердца многих околдовывает и обманывает, чтобы застигнуть нас врасплох и снова тайно похитить слово Божие.

100 Ибо да будет сказано тебе: хотя бы ты и знал лучше всех и был знатоком всех вещей, всё же ты каждодневно находишься в царстве дьявола, который ни днём, ни ночью не перестаёт к тебе скрытно подбираться, чтобы заронить в

твоём сердце неверие и дурные мысли против рассмотренных выше и всех остальных заповедей. Посему ты всегда должен хранить слово Божие в сердце, на устах и на слуху. Однако где сердце праздно и Слово не звучит, там он вторгается и вот уж навредил он прежде, чем успеешь сие заметить. *101* Напротив, такова сила Слова там, где его с усердием разбирают, слушают и употре бляют, что сие никогда не бывает бесплодным, но всегда пробуждает новое понимание, радость и благоговение, делает чистыми сердце и мысли; ибо сие не пустые и мёртвые, а действенные, живые слова. *102* И хотя бы нас и не заставляла никакая нужда или беда, всё равно к сему должно побуждать каждого то, что тем самым дьявол обращается в бегство и изгоняется, к тому же исполняется сия заповедь, сие же более угодно Богу, чем все блестящие лицемерные деяния.

Четвёртая заповедь

103 До сих пор мы изучили первые три заповеди, к Богу относящиеся. Во-первых, чтобы полагались на Него всем сердцем, боялись и любили Его всю свою жизнь. Во-вторых, чтобы не злоупотребляли святое имя Его ни для лжи, ни для какого бы то ни было дела недоброго, но употребляли ко славе Божией, к пользе и спасению ближнего и самого себя. В-третьих, чтобы по праздникам и дням покоя с усердием разбирали слово Божие и занимались им, дабы вся наша жизнь и деятельность проходила и направлялась согласно ему. Далее следуют остальные семь заповедей, к нашему ближнему относящиеся, из коих первая и высшая такова:

104 ***Почитай отца твоего и мать твою.***

105 Сему состоянию отца и матери Бог дал особое отличие перед всеми другими состояниями, находящимися ниже его, тем, что повелел не просто любить родителей, но почитать их. Ибо в отношении братьев, сестёр и ближних вообще Он повелевает не более чем просто любить их, так

что Он отличает и отделяет отца и мать от всех прочих людей на земле и помещает их подле Себя. *106* Ибо чтить – сие много выше, чем любить, потому что не только любовь в себя включает, но также послушание, смирение и благоговение, как бы перед сокрытым там величеством,

107 и требует не только обращаться к ним доброжелательно и почтительно, но более всего, выказывать и обнаруживать душой и телом, что их очень высоко ценят и, после Бога, считают высшими; ибо кого должно чтить всем сердцем, того поистине нужно почитать за нечто высокое и великое, *108* так чтобы затвердить в памяти юных, дабы им смотреть на своих родителей как на заместителей Бога и помнить, что хотя бы они были простые, бедные, немощные и чудаковатые, всё же они – отец и мать, данные Богом. Не должно лишать их уважения из-за их жизни или промахов. Посему надо смотреть не на личности как таковые, а на волю Бога, так сие творящего и устанавливающего. Хотя в остальном мы все равны в глазах Бога, однако не может не быть такого неравенства и упорядоченных различий между нами, потому соблюдение их заповедано также Богом, чтобы ты был послушен мне как твоему отцу, а я распоряжался.

109 Так что заучи, во-первых, что такое почтение к родителям, требуемое заповедью сей, а именно, чтобы их почитали и ценили превыше всего как высшее сокровище на земле, *110* затем, чтобы также и в словах по отношению к ним были учтивы, не напускались грубо, не кричали и не шумели на них, но уступали им и помалкивали, даже когда они и перегибают палку. *111* В-третьих, чтобы оказывали им также и делом, то есть всею жизнью и достоянием своим, такое почтение, что прислуживали бы и помогали им, заботились о них, когда они стары, больны, немощны или бедны, и всё сие не только с охотою, но со смирением и почтением, как перед Богом. Ибо кто ведает, как он должен к ним относиться в сердце своём, тот не позволит им терпеть нужду и голод, но поместит их выше и подле себя и уделит им из того, что сам имеет и чем владеет.

112 Во-вторых, смотри и примечай, какой великий, благой и святой труд возлагается здесь на детей, который, увы, совсем презирается и оставляется без внимания, и

никто не замечает, что Бог его заповедал, или что сие есть святое, Божье слово и учение. Ибо если бы его считали таковым, то каждый из того заключить бы смог, что сие тоже должны быть святые люди – те, кто живёт согласно Слову сему. Тогда не нужно было бы изобретать ни монашества, ни духовных состояний, каждое дитя пребывало бы в слове заповеди сей и могло бы обратить свою совесть к Богу и сказать: "Если я должен совершать благие и святые деяния, то я не знаю ничего лучшего, чем оказывать моим родителям всякое почтение и послушание, потому что так повелел Сам Бог. *113* Ибо что Бог велит, должно быть гораздо выше и благороднее всего, что мы сами могли бы придумать, и так как не найдётся высшего или лучшего учителя, чем Бог, нет, конечно, и лучшего учения, чем дарованное Им Самим. Он же учит обильно, что должно делать, если хочешь совершать истинно благие деяния, и повелевая так, Он показывает, что они Ему угодны. Если уж Сам Бог сего требует и не может установить ничего лучшего, то и я никак лучше не сделаю".

114 Вот так получало бы благочестивое дитя должное образование и праведное воспитание и оставалось бы дома в послушании и в услужении у родителей, чтобы видели в сём счастье и радость. Однако возвеличивать таким образом заповедь Божью не считали нужным, а предпочитали от того уклониться или проскользнуть, едва коснувшись, мимо, так что ребёнок не мог ничего обдумать и понять и пока что мог лишь глядеть, разинув рот, на то, что мы натворили, ни разу не спросив совета у Бога.

115 Посему давайте же, наконец, научимся, ради Бога, тому, чтобы молодёжь, убрав всё остальное с глаз долой, смотрела прежде всего на заповедь сию, если она хочет служить Богу истинно благими деяниями, чтобы она делала то, что угодно отцу и матери или тем, кто на их месте. Ибо всякое дитя, знающее и исполняющее сие, имеет, во-первых, в сердце то великое утешение, что оно может радостно сказать и похвалиться (вопреки и наперекор всем, кто занят делами, ими самими избранными): "Вот, сие деяние угодно Богу моему на небесах, я знаю сие

точно." *116* Пусть-ка они все соберутся вместе со многими, великими, трудными и тяжкими свершениями своими и похвалятся, и давайте посмотрим, смогут ли они представить что-нибудь более высокое и благородное, чем послушание отцу и матери, которое Бог поставил сразу за послушанием Его Величеству и повелел, что, когда слово и воля Божий совершаются и исполняются, ничто не должно более цениться, чем воля и слово родителей, но так, чтобы оные также оставались подчинены послушанию Богу и не шли против предыдущих заповедей.

117 Посему ты должен быть сердечно рад и благодарить Бога, что Он тебя для того избрал и достойным сделал, чтобы совершать столь драгоценный и любезный Ему труд. И пусть даже он считается ничтожнейшим и презреннейшим, ты же почитай его великим и драгоценным, не по достоинствам нашим, но потому, что он в драгоценности и святыне таковой содержится и заключается, а именно, в слове и заповеди Божией. *118* О, как дорого дали бы все картузианцы – монахи и монахини – за то, чтобы за всю свою жизнь религиозную смогли они представить Богу одно-единственное деяние, по Его заповеди совершённое, и пред Его очами сказать с лёгким сердцем: "Теперь я знаю, что Тебе сей труд угоден!" Куда же они, несчастные бедняги, денутся, когда встанут перед Богом и всем миром, покрасневшие от стыда перед юным ребёнком, который жил по заповеди сей, и придётся им признать, что они, со всей своей жизнью, не достойны даже подать ему воды! *119* И поделом им, – за извращение бесовское, ибо попирают они Божью заповедь, – что они должны напрасно изнурять себя трудами, кои они сами себе придумали, и, к тому же, получать в награду одни насмешки да убытки.

120 Разве же не должно сердце встрепенуться и растаять от радости, идя на труд и исполняя ему заповеданное, оттого, что оно может сказать: "Вот, сие лучше, чем святость всех картузианцев, хоть они и постятся до смерти и беспрерывно молятся, стоя на коленях"? Ибо у тебя есть здесь верное свидетельство слова Божия, что сие Он заповедал, а о том ни словом не распорядился. Но в том-то и горе и отвратительная слепота

мира, что в сие никто не верит; так околдовал нас дьявол ложной святостью и видимостью наших собственных деяний. *121* Потому я бы очень хотел (говорю я снова), чтобы открыли мы глаза и уши и к сердцу сие приняли, чтобы когда-нибудь не оказаться нам совлечёнными от чистого слова Божия ко лживому вздору дьявола. Тогда настало бы и такое благо, что у родителей в доме больше было бы радости, любви, дружбы и согласия, и тогда дети смогли бы завоевать целиком сердце родителей. *122* Напротив, когда они упрямы и не делают того, что должны делать, пока не получат дубиной по спине, то гневят как Бога, так и родителей, чем сами себя лишают такого сокровища и радости совести и только приумножают несчастья. *123* Оттого так и происходит ныне в мире, как сетует каждый, что и стар и млад дики и необузданы, не имеют ни стыда, ни чести, ничего не делают, если не заставлять побоями, и друг у друга за спиной клевещут и принижают что только могут, *124* посему Бог и наказывает их тем, что они терпят убытки и несчастья всяческие. Тогда и родители сами обычно ничего не знают, один глупец воспитывает другого; как они жили, так и дети живут после них.

125 Сие должно быть теперь (говорю я) первым и высшим, сие должно нас побуждать к исполнению заповеди сей, из-за которой, если бы не было у нас ни отца, ни матери, мы должны были бы желать, чтобы поставил Бог пред нами дерево и камень, которые мы могли бы назвать отцом и матерью. Насколько же более, когда Он дал нам живых родителей, должны мы радоваться, что можем оказать им почтение и послушание, *126* так как мы знаем, что сие весьма угодно высокому Величеству и всем ангелам и досаждает всем чертям, к тому же сие есть самое высшее деяние, которое можно совершить, после высокого служения Богу, заключённого в предыдущих заповедях, так что раздача милостыни и все другие деяния для ближних всё же не сравнятся с сим. Ибо поставил Бог сие звание [родители] на первое место, более того, вместо Себя на земле. Таковое желание и благоволение Божье должно быть для нас достаточной причиной и

побуждением, чтобы мы совершали, что можем, с охотой и радостью.

127 Кроме того, сие есть ведь также и долг наш пред миром, чтобы мы за благодеяние и благо всяческое, нами от родителей получаемое, благодарны были. *128* Но и тут опять дьявол правит в мире, так что дети забывают родителей, как все мы забываем Бога, и никто не подумает о том, что Бог таким образом насыщает, хранит и оберегает нас и даёт так много благого телу и душе; особенно, когда однажды наступает недобрый час, мы негодуем и ропщем нетерпеливо, и исчезает из памяти всё доброе, что мы получали в течение всей нашей жизни. Точно так же мы поступаем и с родителями, и нет ребёнка, который бы сознавал или обдумывал сие, если только не даровал ему сего Дух Святой.

129 Сию испорченность мира Бог знает хорошо; посему Он заповедями напоминает ему и побуждает к тому, чтобы каждый обдумал, что хорошего родители для него сделали; тогда он обнаружит, что получил от них тело и жизнь, сверх того, вскормлен и взращён, тогда как иначе он сто раз бы задохнулся в собственной нечистоте. Посему хорошо и правильно сказали старые мудрецы: *130 Deo, parentibus et magistris non potestsatis gratiae rependi*, что значит: "Бога, родителей и учителей невозможно никогда отблагодарить и вознаградить достаточно". Кто сие видит и о сём задумывается, тот и без принуждения окажет всякое почтение своим родителям и будет носить их на руках, ибо через них дал ему Бог всё благое.

131 Сверх всего того, ещё одной важной причиной, ещё более нас вдохновляющей, должно быть то, что Бог к заповеди сей присоединяет любезное обетование и говорит: "И будешь долголетен на земле... на которой ты живешь". *132* Вот, смотри сам, как серьёзно Бог относится к сей заповеди, потому что Он выражает ею не только то, что Ему сие приятно и Он находит в сём радость и усладу, но что сие должно и нам оказаться на благо и принести самое лучшее, дабы у нас могла быть спокойная, сладостная жизнь со всяческим благом. *133* Посему и Св. Павел (Еф. 6,2) высоко превозносит и прославляет сие,

когда он говорит: "Это – первая заповедь с обетованием: Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле". Ибо хотя и другие заповеди тоже содержат своё обетование, всё же ни в одной оно не выражено так ясно и чётко.

134 Вот тебе теперь плод и награда: кто заповедь соблюдает, у того должна быть хорошая жизнь, счастье и благополучие; и, с другой стороны, также и наказание: кто непослушен, тот должен скорее умереть и не успеет насладиться жизнью. Ибо долго жить означает в Писании не просто стать престарелым, но иметь всё, относящееся к долгой жизни, как например, здоровье, жену и детей, пропитание, мир, хорошее правление и т.д., без чего жизнью сей нельзя как следует наслаждаться и она не может продлиться долго. *135* Не хочешь слушаться отца и мать, дать им воспитать тебя, так повинуйся палачу; если и ему не повинуешься, то подчинись костлявой, то есть смерти. *136* Ибо вот чего Бог желает во что бы то ни стало: либо, коль ты Ему послушен, любишь Его и Ему служишь, за то вознаградить тебя преизобильно всеми благами, либо, если Его прогневишь, наслать на тебя и смерть, и палача.

137 Откуда же берётся так много злодеев, которых приходится каждый день вешать, обезглавливать и колесовать, если не от непослушания [родителям], потому что они не дали себя воспитать в добродетели, так что они, карою Божией, доходят до того, что являют собой несчастье и горе? Ибо очень редко бывает, что такие безбожники умирают своею, или естественной, смертью.

У богобоязненных же и послушных есть то благословение, что они живут долго в покое и довольстве и увидят своих потомков (как выше сказано) в третьем и четвёртом колене.

138 Как показывает также опыт, где есть хорошие, старые рода, крепкие и многодетные, проистекает сие, несомненно, оттого, что хотя бы некоторые из детей хорошо воспитаны были и внимательно к своим родителям относились. Напротив, написано о безбожниках, Пс. 108,13: "Да будет потомство его на погибель, и да изгладится имя их в следующем роде". *139* Посему да будет позволено сказать тебе, сколь большое дело для Бога

сие послушание, потому что Он ставит его так высоко, Сам так им доволен и обильно за него вознаграждает, а кроме того, так строго следит за наказанием тех, кто поступает наоборот. *140* Всё сие я говорю, чтобы в памяти молодых затвердить. Ибо никто и не представляет себе, как нужна заповедь сия, ведь до сих пор, при владычестве папском, её не ценили и не преподавали. Сие суть простые и обыкновенные слова, и каждый думает, что он и без того сие хорошо знает; потому проходят мимо и глазеют на другое, не видят и не верят, ни что так сильно Бога прогневляют, ежели сим пренебрегают, ни что, исполняя заповедь сию, совершают драгоценный, угодный Ему труд.

141 В связи с заповедью сей необходимо далее сказать о всяком повиновении начальникам, которые должны повелевать и править. Ибо из власти родителей вытекает и распространяется и всякая иная власть. Потому что если отец один не способен воспитать своё дитя, то берёт школьного учителя, чтобы тот учил его; если и тот слишком слаб, отец берёт в помощь своих друзей или соседей; если он умирает, то передаёт и перепоручает власть и управление другим, для того назначенным. И у него также в подчинении должны быть домашние, слуги и служанки, для управления домом, так что все, коих называют господами, занимают место родителей и от них должны перенимать силу и власть для управления. *142* Оттого они все, согласно Писанию, и называются отцами как исполняющие обязанности отца в своём правлении, у которых по отношению к своим подопечным должно быть отцовское сердце. Как например, в древности римляне и другие народы тоже называли хозяев и хозяек в домах *patres et matres familiae* то есть "отцы семейства" и "матери семейства". Так и князей и верховных правителей своих они называли *patres patriae*, то есть "отцы всей страны"[17] к нашему, желающих быть христианами, великому стыду, что мы их так же не называем и нимало таковыми не считаем и не чтим.

143 Стало быть, что ребёнок должен отцу и матери, то должны и все, входящие в число домашних. Посему слугам и служанкам надлежит следить за тем, чтобы не только быть послушными своим хозяевам и хозяйкам, но и

чтить их, как собственных отцов и матерей, и делать всё, что, как они знают, ожидается от них, не по принуждению и с неохотой, но с удовольствием и радостью, именно по вышеуказанной причине, что сие есть заповедь Божия и Ему она угодна прежде всех иных деяний; *144* сего ради они должны были бы ещё и приплачивать и радоваться, что могут обрести хозяев и хозяек, дабы иметь такую радостную совесть и знать, как совершать истинно золотые деяния; сие до сих пор предавалось забвению и презиралось, а вместо того каждый во имя дьявола бежал в монастыри, в паломничество по святым местам и на индульгенции, оставаясь в убытке и с нечистой совестью.

145 Если бы можно было теперь внушить такое бедным людям, то служанка вовсю прыгала бы от радости, славила и благодарила Бога и своей аккуратной работой, за которую она ещё и получает пропитание и вознаграждение, приобрела бы такое сокровище, какого нет ни у одного из тех, кого считают наисвятейшими. То ли не замечательно и славно – знать и говорить, когда исполняешь свою каждодневную работу по дому, что сие лучше, чем святость и суровая жизнь всех монахов? *146* И вдобавок, у тебя есть обещание, что сие тебе должно принести всяческое благо и успех. Как ещё ты хочешь праведнее быть или святее жить, коль скоро речь идёт о деяниях? *147* Ибо, в сущности, перед Богом освящает и только Ему служит вера, дела же – людям. *148* Вот, в Господе у тебя всяческое благо, защита и охрана, сверх того радостная совесть и милостивый Бог, Который тебя вознаградит сторицей, и ты прямо-таки дворянин, если только ты богобоязнен и послушен. Если же нет, будет тебе сперва один лишь гнев и немилость Бога, тревога в сердце, потом – всяческие муки и несчастья.

149 Кого же сие не расшевелит и не сделает благочестивым, того мы препоручим палачу и костлявой. Потому пусть помнит каждый, кто хочет выслушать поучение, что Бог не шутит, и пусть знает, что Бог говорит с тобой и требует послушания. Если повинуешься Ему, то ты любимое дитя; если же презираешь, то в награду тебе позор, горе и скорбь.

150 То же самое следует также сказать о повиновении светской власти, которая (как было сказано) вся относится к отцовскому призванию и простирается далее всего. Ибо здесь не отец совсем немногих, но отец стольких людей, сколько у него жителей, граждан и подданных; потому что Бог даёт и сберегает нам, через них, как через наших родителей, пропитание, дом и двор, защиту и безопасность. Посему, поскольку они носят такое имя и звание со всем почётом как свою высшую награду, мы тоже должны их чтить и высоко ставить как ценнейшее сокровище и величайшую драгоценность на земле.

151 Кто в сём послушен, усерден и услужлив и охотно делает всё, что к оказанию чести относится, тот знает, что он угождает Богу, получает в награду радость и счастье. Кто делает сие не с любовью, а презирая, противясь или бунтуя, тот, опять-таки, пусть тоже знает, что у него нет ни милости, ни благословения, и если он думает на сём выиграть золотой, то где-то в другом месте он зато проиграет вдесятеро против того или попадёт в руки палача, сгинет на войне, от чумы и голода или ничего доброго от детей своих не увидит, будет принуждён терпеть ущерб, несправедливость и насилие от слуг, соседей или иноземцев и тиранов, так что нам заплачено и воздано будет то, чего мы добиваемся и заслуживаем. *152* Если бы мы хоть однажды позволили сказать нам, что подобные деяния так угодны Богу и так обильно вознаграждаются, мы бы восседали среди изобилия одних только благ и имели бы что только душа пожелает. Но так как слово и заповедь Божий столь презираются, как будто их произнёс какой-то пустомеля, то поглядим ещё, тот ли ты муж, который смог бы противиться Ему. Неужто Ему тяжело будет воздать тебе! *153* Посему гораздо лучше было бы для тебя жить в милости Божией, мире и счастье, чем в немилости и несчастье. *154* Почему, ты думаешь, мир ныне так полон неверности, позора, бедствий и смертоубийств, если не оттого, что каждый хочет быть сам себе господин и чтобы никого над ним не было, никого ни во что не ставить и делать всё, что ему нравится? Посему Бог карает одного негодяя другим, так что, если ты обманываешь или презираешь твоего хозяина, то придёт

другой, который так же с тобой поступит, более того, и в доме твоём придётся тебе претерпеть вдесятеро больше от жены, детей или прислуги.

155 Мы хорошо ощущаем наши несчастья, ворчим и жалуемся на неверность, насилие и несправедливость, однако не хотим видеть, что мы сами негодяи, кои вполне заслужили наказание и ничуть не становятся лучше. Мы не хотим ни милости, ни счастья, потому имеем по справедливости лишь несчастье без всякого милосердия. *156* Должны быть ещё где-то на земле богобоязненные люди, раз Бог нам всё ещё отпускает так много благ, по своим заслугам мы бы не имели ни гроша в доме, ни соломины в поле. *157* Всё сие мне приходится растолковывать так многословно ради того, чтобы хоть раз хоть кто-нибудь захотел принять в своё сердце, что мы могли бы избавиться от слепоты и скорбей, в коих погрязли так глубоко, познать истинно и принять с усердием слово и волю Божию. Ибо отсюда мы бы узнали, как мы могли бы обрести в достатке радость, счастье и блаженство, земное и вечное.

158 Таким образом, в заповеди сей нам представлены отцы троякого рода: по крови, в доме и в стране. Кроме того, есть также духовные отцы, но не те, что были в папстве, кои, правда, позволяли так себя называть, но не исполняли никакого отцовского служения; ибо так называются только те духовные отцы, кои посредством слова Божия ведут и направляют нас, *159* как например, Св. Павел объявляет себя отцом (1 Кор. 4,15), когда говорит: "я родил вас во Христе Иисусе благовествованием". *160* И поскольку уж они отцы, им тоже, и даже прежде всех остальных, принадлежит таковое почитание. Однако на деле перепадает им меньше всех, ибо мир, должно быть, их почитает тем, что изгоняют их из страны и не удостаивают куском хлеба, и, короче говоря, они должны (как говорит Св. Павел) быть сором для мира и прахом для всех.

161 Всё же нужно внушать и среди простого народа, что те, кто хочет называться христианином, пред Богом обязаны удостаивать сугубой чести тех, кто печётся об их

душах, чтобы они им благотворили и содержали их; тогда и тебе даст Бог достаточно и не позволит впасть в нужду. *162* Но тут каждый упирается и отбивается, у всех одна тревога, что отощает брюхо, и не могут теперь прокормить и одного порядочного проповедника, тогда как прежде мы насыщали десять толстобрюхих. *163* Сим тоже мы заслуживаем, чтобы Бог нас обделил словом Своим и благословением и, напротив, допустил появление лжепророков, кои ведут нас к дьяволу, к тому же высасывают из нас пот и кровь.

164 Однако у тех, кто чтит волю и заповедь Божию, есть обетование, что им обильно будет возмещено то, что они тратят на светских и на духовных отцов и делают ради почитания их, не так, чтобы у них год или два были хлеб, одежда и деньги, но чтоб была долгая жизнь, пропитание и мир, и они всегда должны быть богаты и благословенны. *165* Потому лишь делай то, что ты обязан, и позволь Богу позаботиться о том, как Ему тебя насытить и в достатке обеспечить; раз Он сие обещал и ещё никогда не солгал, то и тебе Он не солжёт.

166 Сие должно было бы нас воодушевить и сделать нам такое сердце, которое растаяло бы от радости и любви к тем, кого должны мы почитать, дабы мы воздели руки и радостно возблагодарили Бога, Который дал нам такие обетования, за которыми мы должны были бы побежать на край света. Ибо если даже соединить силы всего мира, то не смог бы он нам лишний часок жизни прибавить или из земли хоть зёрнышко произрастить. Бог же может и желает дать тебе всего преизобильно по желанию сердца твоего. Кто сие презирает и оставляет без внимания, тот никогда не достоин услышать слово Божие. Здесь же сказано предостаточно для всех, к кому относится заповедь сия.

167 Наряду с сим, было бы хорошо также прочитать проповедь родителям и о том, в чём состоит служение их, как они должны поступать по отношению к тем, кем управлять им поручено, что, хотя и не выражено явно в Десяти заповедях, тем не менее, в изобилии заповедано во многих местах Писания. Равно Бог хочет, чтобы именно в данной заповеди сие подразумевалось, когда Он упоминает

отца и мать. *168* Ибо Он не желает держать для такого служения и управления негодяев и тиранов, предоставляет такую честь, то есть власть и право управлять, не для того, чтобы они заставляли им поклоняться, но чтобы помнили, что они в послушании Богу пребывают и, прежде всего, чтобы охотно и добросовестно исполняли свои обязанности, не только кормить и содержать материально своих детей, слуг, подданных и т.д., но наипаче воспитывать их во славу и хвалу Божию. *169* Посему не думай, что сие есть дело твоего желания и собственного произвола, но помни, что строго сие заповедал и на тебя возложил Бог, Которому тебе придётся о сём дать отчёт.

170 Здесь теперь опять беда, достойная сожаления, что никто сего не замечает и внимания на сие не обращает, ведём себя так, словно Бог дал нам детей для нашего удовольствия и забавы, прислугу, как корову или осла, только чтобы использовать их для работы, или с подданными поступать по нашей прихоти, бросать их на произвол судьбы, как будто нам нет дела, чему они учатся или как живут, *171* и никто не хочет видеть ни того, что сие есть повеление высокого Величества, Которое за сие строго спросит и жестоко отплатит, ни того, что столь необходимо серьёзно заботиться о молодёжи. *172* Ибо если мы хотим, чтобы у нас были дельные и способные люди как для светского, так и для духовного управления, то мы воистину не должны жалеть стараний, трудов и затрат на своих детей, дабы выучить и воспитать их так, чтобы они могли служить Богу и миру, *173* а не должны мы думать только о том, как нам накопить для них денег и имущества; потому что Бог вполне может и без нас прокормить их и сделать богатыми, как Он и делает каждодневно. Однако Он для того даровал нам детей и повелел, чтобы мы их растили и направляли по Его воле, иначе были бы Ему ни к чему отец и мать. *174* Посему пусть знает каждый, что он обязан, под угрозой потерять благоволение Божье, растить своих детей прежде всего в страхе Божием и познании Бога и, если они даровиты, также дать им кое-чему выучиться и что-нибудь изучить, чтобы их услугами при необходимости можно было воспользоваться.

175 Если бы мы так поступали, то Бог нас также обильно благословил бы и дал бы нам Своё благоволение, чтобы вырастить таких людей, чрез коих страна и люди улучшены быть могли бы, притом порядочных, хорошо образованных граждан, целомудренных и домовитых женщин, которые, в свою очередь, затем могли бы воспитать богобоязненных детей и слуг. *176* Ты только сам подумай, какой страшный вред ты наносишь, если ты в сём нерадив и допускаешь, чтобы из-за тебя не был твой ребёнок воспитан с пользой и праведно, к тому же навлекаешь на себя весь грех и гнев и таким образом заслуживаешь ада из-за своих собственных детей, хотя бы ты и был в остальном благочестив и свят. *177* Посему также Бог, так как сим пренебрегают, наказывает мир так ужасно, что нет ни надзора, ни повиновения, ни правления, ни мира, на что мы все тоже жалуемся, но не видим, что сие есть наша вина; ибо как мы их воспитываем, таких мы и получаем испорченных и непослушных детей и подданных.

178 Пусть будет сего достаточно для наставления; более же длительное рассмотрение уместно в другое время.

Пятая заповедь

179 ***Не убивай.***

180 Мы рассмотрели духовное и светское правление, то есть божеское и отеческое начальствование и послушание. Теперь же мы выходим из нашего дома к соседям, чтобы узнать, как мы должны жить между собой, каждый сам по себе по отношению к своему ближнему. *181* Посему в заповедь сию Бог и начальство не включены и власть убивать, которую они имеют, у них не отнимается. Потому что Своё право наказывать злодеев Бог передал начальству, вместо родителей, кои в прежние времена (как мы читаем у Моисея) сами должны были подвергать своих детей суду и приговаривать их к смерти. Посему что здесь

запрещено, то запрещено одному в отношении другого, а не начальству.

182 Заповедь же сия достаточно легка для понимания и часто разбирается, потому что её слышат каждый год в Евангелии (Мат. 5,21 и д.), где её объясняет и кратко излагает сам Христос, а именно, что мы не должны убивать ни руками или сердцем, устами, знаками, жестами, ни помощью или советом. Посему в ней всем запрещено гневаться, за исключением (как сказано) тех, кто на месте Бога, то есть родителей и начальствующих. Потому что Богу и находящимся на месте Бога на земле надлежит гневаться, бранить и наказывать как раз из-за тех, кто преступает сию и другие заповеди.

183 Причина же и необходимость сей заповеди в том, что Бог хорошо знает, как зол мир и как много несчастья в сей жизни, посему Он установил сию и другие заповеди между добром и злом. И, подобно тому, как многочисленны теперь нападки на все заповеди, и здесь происходит то, что нам приходится жить среди многих людей, причиняющих нам страдания, так что мы получаем повод относиться к ним враждебно. *184* Например, если твой сосед видит, что ты получил от Бога лучший дом и двор, больше добра и счастья, чем он, его сие раздражает, он тебе завидует и о тебе не говорит ничего хорошего. Таким образом, по наущению дьявола, ты получаешь много врагов, кои не желают тебе никакого блага, ни телесного, ни духовного. Когда же мы видим таких [людей], сердце наше, в свою очередь, будет яриться и кровью обливаться и мстить. И вот поднимается ругань и драка, которая в конце концов ведёт к беде и убийству. *185* И вот тут-то, упреждая, Бог, как добрый Отец, становится посредником и желает, чтобы распря закончилась, чтобы она не привела к несчастью, чтобы один не погубил другого. И, говоря кратко, Он сим хочет заслонить, избавить и охранить каждого от произвола и насилия другого и установить заповедь сию как ограждающую стену, крепость и убежище для ближнего, чтобы ему не причинили ни повреждения, ни ущерба телесного.

186 Таким образом, смысл сей заповеди в том, чтобы никто не обижал ближнего из-за какого угодно злого деяния, даже если тот вполне сие заслужил. Ибо если запрещено убийство, то запрещены и все поводы, могущие привести к убийству. Ибо иной, пусть даже и не убивает, но так проклинает и зла желает, что тот, на ком бы такое исполнилось, долго не протянул бы. *187* Поскольку же подобное присуще каждому от природы, и является совершенно обычным то, что никто не хочет терпеть от другого ничего худого, то Бог желает устранить корень и причину, через которые сердце ожесточается против ближнего, и приучить нас, чтобы мы постоянно держали перед глазами сию заповедь и смотрелись бы в ней, как в зеркале, видели волю Божию и с сердечным упованием, взывая к Его имени, препоручали бы Его заботам несправедливость, которую мы терпим, и предоставляли, таким образом, другим буйствовать и злиться, делать, что хотят, так чтобы человек научился смирять свой гнев и носить в груди сердце терпеливое и кроткое, особенно к тем, кто даёт ему повод для гнева, то есть к врагам.

188 Посему нужно наиболее ясно запечатлеть в умах простых людей всю суть заповеди сей, именно, что же значит "не убивать": во-первых, не причинять никому вреда рукою или действием, затем, не позволять языку своему к тому склонять или советовать, сверх того, не использовать и не дозволять применение каких бы то ни было средств или способов, коими может быть кто-нибудь обижен, и, наконец, чтобы сердце не было ни к кому враждебно и не желало бы, от гнева и ненависти, зла никому, так чтобы тело и душа были неповинны перед каждым, особенно же перед теми, кто желает тебе зла или причиняет его. Ибо причинять зло тому, кто тебе добра желает и благо тебе творит, – сие уже не человеческое, а дьявольское дело.

189 Во-вторых, по заповеди сей не только тот виновен, кто зло творит, но также и тот, кто может сделать добро ближнему, предотвратить, не допустить, чтобы его телу был нанесён вред или ущерб, защитить и спасти его, но не делает того. *190* Если ты отпускаешь нагого, а мог бы одеть его, значит, ты допустил, чтобы он замёрз; если

видишь страждущего от голода и не накормишь его, значит, ты позволил ему умереть от голода; также, если видишь, что невиновный приговорён к смерти или в подобной беде, и не спасёшь его, хотя знаешь пути и средства, как сие сделать, то ты его убил. И не поможет твоя отговорка, что ты тому не содействовал ни помощью, ни советом, ни делом; ибо ты лишил его твоей любви и отказал ему в благодеянии, коему благодаря он остался бы жив.

191 Оттого и называет Бог по справедливости убийцами всех, кто в беде и опасности для тела и жизни не посоветует и не поможет, и вынесет им в Судный день совершенно ужасный приговор, как возвещает сам Христос (Мат. 25,42 и д.), когда Он скажет: "Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня". Сие значит: Вы дали бы Мне и Моим умереть от голода, жажды и холода, оставили бы диким зверям на растерзание, дали бы сгнить в тюрьме и пропасть в беде. *192* Что же сие, как не обозвать убийцами и кровопийцами? Ибо хотя ты сего и не совершал действием, ты, насколько сие от тебя зависит, всё же допустил, чтобы он попал в беду и погиб. И сие совершенно то же, как если бы я видел, что кто-то плывёт по глубокой воде и борется со встречным ветром, или же упал в огонь, и мог бы ему протянуть руку, вытащить его и спасти, и однако же не сделал сего, так кем же ещё я предстал бы перед всем миром, если не убийцей и злодеем?

193 Посему конечная цель Бога в том, чтобы мы не допускали причинения вреда никому из людей, а выказывали бы всяческую доброту и любовь, и сие (как было сказано) в особенности относится к тем, кто является нашим врагом. *194* Ибо то, что мы делаем добро друзьям, есть лишь заурядное достоинство язычников, как говорит Христос (Мат. 5,46).

195 Тут опять у нас есть слово Божие, коим Он желает нас побудить и подвигнуть на такие верные, благородные, высокие деяния, как кротость, терпение, или, короче

говоря, любовь и благородство в отношении наших врагов, и намерен всегда напоминать нам, чтобы мы возвращались мысленно к первой заповеди, гласящей, что Он наш Бог, то есть желает нам помочь, поддержать нас и защитить, с тем чтобы Он смог заглушить нашу жажду мщения.

196 Сие надлежало бы теперь основательно изучить и запечатлеть в памяти, тогда у нас было бы полным-полно добрых дел, которые надо сделать. *197* Однако сие проповедуется не для монахов, ибо слишком уж сильно повредило бы духовному сословию, слишком задевало бы святость картузианцев и было бы названо прямо-таки добрых дел запрещением и монастырей опустошением. Ибо тем самым звание обыкновенного христианина ценилось бы так же, даже намного выше, и каждый бы видел, как они дурачат и совращают мир лживой, лицемерной видимостью святости, тогда как они сию и другие заповеди отбросили прочь и сочли необязательными, словно то и не заповеди, а только советы, и сверх того, они своё ханжеское бытие и свои дела бесстыдно расхваливали и за совершенную жизнь выдавали, для того, конечно, чтобы вести жизнь лёгкую, спокойную, без креста и долготерпения, потому они и сбежали в монастыри, чтобы ни от кого ничего терпеть и никому делать добро было не нужно.

198 Ты же знай, что сие суть истинные, святые и божественные дела, которым Он радуется вместе со всеми ангелами, напротив, всякая человеческая святость есть мерзость и грязь, к тому же ничего иного, кроме гнева и проклятия, не заслуживающая.

Шестая заповедь

199 ***Не прелюбодействуй.***

200 Сии [последующие] заповеди как таковые сами по себе теперь легко понятны из объяснения предыдущих, ибо они все направлены на то, чтобы человек остерегался всякого нанесения вреда ближнему. Однако расположены они в стройном порядке. Сперва – о его [ближнего] собственной

персоне. Потом они переходят к ближайшему человеку, или ближайшему сокровищу после его жизни, а именно, к его законной супруге, которая с ним одна плоть и кровь, так что большего ущерба ему причинить невозможно ни в чём ином, ему принадлежащем. Посему здесь и выражено так ясно, что нельзя его позорить, бесчестя его жену. *201* А говорится главным образом о прелюбодеянии потому, что в еврейском народе было установлено и заповедано, что каждый должен быть в браке. Посему и молодых женили как можно раньше, так что девичество не ценилось, и не дозволялась (как сейчас) открытая проституция и распутство; потому прелюбодеяние и было у них самым распространённым видом нецеломудренности.

202 Однако поскольку у нас такая постыдная мешанина и каша из всяческого порока и разврата, то заповедь сия направлена также и против всякого рода нецеломудрия, как бы его ни называли, *203* и запрещено не только внешнее действие, но и всякий повод, соблазн и способ, так чтобы сердце, уста и всё тело было целомудренно, не давало бы ни места, ни содействия, ни совета для нецеломудрия, *204* и не только сие, но также защищало, охраняло и спасало там, где есть опасность и нужда, и, с другой стороны, помогало и содействовало сохранению чести ближнего. Ибо если ты таковое допускаешь, когда мог бы предотвратить, или смотришь сквозь пальцы, как будто тебя сие не касается, то ты так же сильно виноват, как и сам преступающий. *205* Итак, выражаясь наикратчайшим образом, требуется, чтобы каждый и сам жил целомудренно, и помогал в том ближнему, так что Бог заповедью сей желает оградить и защитить супругу каждого, дабы никто не посягал на неё.

206 Но уж поскольку заповедь сия как раз направлена на супружество и даёт повод о сём речь вести, должен ты хорошо понять и усвоить, во-первых, как высоко почитает и превозносит Бог сие состояние тем, что Он Своей заповедью его и утверждает, и оберегает. Утвердил Он его выше, в Четвёртой заповеди: "Почитай отца твоего и мать твою"; здесь же Он (как было сказано) сберёг и сохранил его. *207* Посему Он желает, чтобы и мы его [супружество] чтили и поддерживали и соблюдали как Божественное,

благословенное состояние, так как Он его установил сперва, раньше всех других, и потому создал отдельно мужчину и женщину (как очевидно) не для распутства, а чтобы они пребывали вместе, были плодоносны, наживали, вскармливали и воспитывали детей во славу Божию.

208 Посему также Бог прежде всех состояний преизобильнейше благословил его, кроме того, всё, что в мире есть, для него предоставил и обратил на то, чтобы состояние сие было обеспечено как можно лучше и обильнее, так что сия супружеская жизнь – не забава и не предмет любопытства, а дело прекрасное и божественно серьёзное; ибо для Него чрезвычайно важно, чтобы взращивались люди, кои служили и помогали бы миру в познании Бога, в счастливой жизни и всяческих добродетелях, в борьбе против злобы и дьявола. *209* Посему я всегда учил, чтобы состояние сие не презиралось и не считалось предосудительным, как то делают слепой мир и наши лжесвятоши, но чтобы рассматривалось согласно слову Божию, коим оно украшается и освящается, так что оно не только поставлено вровень с другими состояниями, но и главнее, и выше их всех, будь то императоры, князья, епископы и кто угодно. Ибо каковы бы ни были духовные или светские звания, им следует смириться и не препятствовать никому быть в браке, как мы далее услышим. *210* Посему сие не какое-то особое, но самое всеобщее, благороднейшее состояние, которое распространяется и простирается на всё христианство, даже на весь свет.

211 Во-вторых, ты должен также знать, что сие есть не только почётное, но также необходимое состояние и строго заповедано Богом, что вообще во всех сословиях и положениях мужчины и женщины, для того и сотворенные, должны в нём пребывать, однако за некоторыми (хотя и немногими) исключениями, кои Бог сделал особо, потому что они непригодны для супру-жества, или же потому, что освободил их от него посредством того великого, сверхъестественного дара, что они и вне супружества способны соблюдать целомудрие. *212* Ибо где природа существует и действует такой, какой она

насаждена Богом, там невозможно оставаться целомудренным помимо брака; ибо плоть и кровь остаётся плотью и кровью, и естественные наклонности и побуждения не встречают препятствий и помех, как видит и чувствует каждый. Для того, чтобы как можно легче было в какой-то мере избежать нецеломудренности, и заповедал Бог состояние в браке, чтобы каждый имел свою определённую долю и был бы сим доволен, хотя всё же требуется Божье благоволение, чтобы сердце тоже было целомудренным.

213 Отсюда ты видишь, что наш папский сброд, попы, монахи, монахини поступают вопреки порядку и завету Божию, когда они презирают и запрещают супружество и воображают и хвалятся, что соблюдают вечное целомудрие, сверх того, обманывают простых людей лживыми словами и показным благочестием. *214* Ибо никто так мало не расположен и не склонен к целомудренности, как именно те, кто от великой святости избегает супружества и, как, увы, слишком хорошо известно, либо открыто и бесстыдно предаётся блудодеянию, либо тайно занимается ещё более гадким, так что о том невозможно и сказать. *215* И, короче говоря, если даже они и воздерживаются от действия, их сердца всё же полны нецеломудренных мыслей и дурных вожделений, так что их терзает вечный жар страсти и потаённое страдание, от коего можно избавиться в супружеской жизни. *216* Посему заповедью сей осуждается любой обет целомудрия безбрачных и даётся разрешение и, более того, даже заповедуется всякой несчастной, закабалённой совести, своим монастырским обетом обманутой, чтобы она из сего нецеломудренного состояния вступила в супружескую жизнь, учитывая, что даже если бы монастырская жизнь и была богоугодной, всё же не в силах она [совесть] целомудрие соблюсти и если в ней [жизни сей] пребывает, то приходится ей лишь всё больше и больше против сей заповеди грешить.

217 Сие говорю я для того, чтобы молодёжи прививалась охота к состоянию в браке и чтобы она знала, что сие есть состояние благословенное и Богу оно угодно. Ибо тем самым со временем можно было бы добиться, чтобы оно снова обрело должное почитание, и чтобы стало меньше

скверной, беспутной, беспорядочной жизни, которая теперь повсеместно в мире распространяется вместе с публичной проституцией и другими постыдными пороками, проистекающими из пренебрежения супружеской жизнью. *218* Посему здесь родители и начальство также обязаны смотреть за молодёжью, чтобы воспитать её в скромности и благоприличии и, когда вырастет, женить с Божьей помощью и во славу Его; на то дал бы Он Своё благословение и благоволение, так что была бы от того и радость, и услада.

219 Из всего того да будет сказано в заключение, что заповедь сия требует не только того, чтобы каждый жил целомудренно в делах, словах и мыслях в своём, то есть преимущественно супружеском, состоянии, но также, чтобы любил и уважал свою супругу, данную Богом. Ибо где должно соблюдаться супружеское целомудрие, там муж и жена прежде всего должны жить в любви и согласии друг с другом, чтобы один любил другого всем сердцем и со всею преданностью.

Ибо сие есть одна из важнейших вещей, порождающая любовь и тягу к целомудрию, из которой, ежели наличествует она, само собой последует и целомудрие, без всяких приказаний. *220* Посему и Св. Павел так усердно увещевает супругов, чтобы они любили и почитали друг друга (Еф. 5,22 и 25; Кол. 3,18 и д.). *221* Вот, у тебя теперь есть ещё одно драгоценное дело, более того, много великих добрых дел, коими ты можешь с радостью похвалиться, вопреки всем духовным состояниям, избранным без слова и завета Божия.

Седьмая заповедь

222 ***Не укради.***

223 После твоей персоны и супруги ближайшим является имущество земное; Бог желает оберегать и его, и Он заповедал, чтобы никто не расхищал и не сокращал собственность ближнего. *224* Ибо украсть означает не что

иное, как одному несправедливо захватить себе имущество другого, что в кратких словах выражает всевозможные выгоды в ущерб ближнему во всякого рода делах. Сие теперь есть порок совершенно всеобщий, широко распространённый, однако столь мало замечаемый и осознаваемый, что он всякую меру превосходит, так что если бы пришлось вешать на виселице всех тех, кто вор, но не желает так называться, то мир скоро бы опустел, а палачей и виселиц не хватило бы. Ибо кражей, как только что сказано, должно называться не только то, что опустошают карманы и кошельки, но должно сие распространяться и на рынок, на все лавки, магазины, винные и пивные погребки, мастерские и, короче говоря, всюду, где заключают сделки, отдают и берут деньги за товар или работу. *225* Например, чтобы нам объяснить немного нагляднее простому человеку, дабы всё же видно было, сколь мы благочестивы: когда слуга или служанка в доме не служит верно и причиняет или допускает ущерб, который вполне можно было бы предотвратить, или как-нибудь иначе оставляет без присмотра и упускает их [господ] имущество по лени, нерадивости или злому умыслу, назло и в пику хозяину и хозяйке, и каким бы образом сие преднамеренно ни делалось (ибо я не веду речь о том, что делается по недосмотру и неумышленно), тогда ты по одному золотому можешь за год похитить тридцать или сорок или больше, за что, если бы кто другой тайно взял и утащил, то был бы непременно повешен. А тут ты смеешь ещё отпираться и негодовать, и никто тебя вором назвать не осмелится.

226 То же самое скажу я и о ремесленниках, рабочих, подёнщиках, кои всё самочинство своё проявляют и прямо не знают, как бы им ещё обобрать людей, и, однако же, в работе нерадивы и ненадёжны. Сии все намного хуже тайных воров, от коих можно поставить замок и запор, или, когда их схватят, обойтись с ними так, что они никогда больше не будут делать подобного. От сих же никто не может уберечься, никто даже не смеет косо на них посмотреть или уличить их в воровстве, так что иной вдесятеро охотнее претерпит урон своему кошельку. Ибо сие суть мои соседи, хорошие друзья, моя собственная

прислуга, от кого я жду добра, и кто первый меня обманывает.

227 Также и далее, на рынке, в обычной торговле во всю мощь и силу творится то, что один другого нагло обманывает с помощью фальшивых товаров, мер, весов, монет и обсчитывает при помощи надувательства и ловких манипуляций или хитрых приёмов; также и при заключении сделки берёт слишком много и по самочинству своему жестоко торгуется, обирает и вымогает лишнее. И кто может всё подобное перечесть и вспомнить! *228* Короче говоря, сие есть самый распространённый промысел и самая многочисленная братия на земле, и если теперь обозреть мир во всех сословиях, то сие есть нечто иное, как большой, обширный притон, полный больших воров. *229* Посему их называют также "грабителями на стуле", разбойниками и ворами, не тех взломщиков и тайных похитителей, что крадут наличные деньги, а тех, что сидят на стуле и зовутся благородными дворянами и почтенными, благочестивыми гражданами и под благовидным предлогом грабят и крадут.[18]

230 Да, здесь бы можно и помолчать про отдельных мелких воришек, когда нужно бы взяться за больших, могущественных архиворов, с коими в одной компании находятся властители и князья, и кои каждодневно разворовывают не один или два города, а всю Германию. Ну а какое бы место здесь занял глава и верховный покровитель всех воров, святой римский престол со всеми присными своими, собравший у себя воровством всё достояние мира и владеющий им по сей день? *231* Короче говоря, таков ход вещей в мире, что тот, кто может открыто красть и грабить, разгуливает свободно и без опаски, не наказуемый никем, и при сём хочет, чтобы его уважали. Меж тем, мелкие тайные воришки, однажды оступившиеся, принуждены терпеть позор и наказание, делая первых честными и уважаемыми. Пусть же те, однако, знают, что пред Богом они – самые большие воры, и Он их тоже накажет, как они того достойны и заслуживают.

232 Так как заповедь сия простирается столь далеко, как только что было указано, нужно как следует напоминать и растолковывать [её] простому народу, чтобы не давать им разгуливать так свободно и без опаски, но всегда обращать их внимание на гнев Божий и внушать им сие. Ибо мы принуждены проповедовать сие не христианам, а наипаче негодяям и мошенникам, коим по справедливости скорее должен бы проповедовать судья, тюремщик или мастер Ганс [палач]. *233* Посему пусть знает каждый, что он должен, под страхом немилости Божией, не только не причинять никакого ущерба своему ближнему, не похищать его выгоды и не проявлять какого бы то ни было коварства или злоупотребления в торговле или сделке любой, но также верно оберегать его собственность, приносить ему пользу и способствовать его выгоде, особенно если за то получаешь деньги, жалование или пропитание.

234 Кто сим сознательно пренебрегает, тому, возможно, сие и сойдёт с рук, и он сможет избежать руки палача, однако он не уйдёт от Божьего гнева и наказания и, если упорствует долго в своей гордыне, всё же так и останется нищим и бродягой и, сверх того, будут у него беды и несчастья всяческие. *235* Вот теперь идёшь ты себе прочь, когда должен бы оберегать добро твоего господина или госпожи, за что ты наполняешь свою глотку и брюхо, берёшь своё жалование, как вор, и при сём ещё заставляешь почитать тебя за дворянина, и много их, таких, кто ещё противится господам и госпожам и не рад по долгу службы и из любви к ним делать так, чтобы предотвращать убыток.

236 Но посмотри, что ты при сём выиграешь, ежели, когда приобретёшь себе собственность и сядешь в своём доме, в чём Бог тебе, к великому несчастью твоему, не откажет, должно сие тебе выйти боком и воздаться тем, что где ты грош урвал или причинил на грош убытка, там будешь принуждён заплатить тридцатикратно. *237* Так же должно быть и у ремесленников и подёнщиков, от коих теперь приходится слышать и терпеть невыносимое своеволие, как будто они господа в чужом имении, и каждый обязан им давать сполна, сколько ни запросят. *238*

Пусть же дерут они спокойно, пока могут, только Бог заповеди Своей не забудет и их тоже вознаградит, как они заслужили, и повесит их не на зелёной, а на сухой виселице, так что они на протяжении своей жизни не преуспеют и ничего не наживут. *239* И воистину, если бы в стране было верно устроенное правление, такой произвол можно было бы скоро обуздать и возбранить, как то было в прошлом у римлян, когда такого быстренько хватали за холку, так что другие чрез то получали острастку.

240 Наверняка так же будет и со всеми прочими, кои из открытого, свободного рынка творят не что иное, как живодёрню и место разбоя, где каждый день с бедных дерут лишнее, творят новые тяготы и дороговизну, и каждый пользуется рынком по своему произволу, притом спорит и нахальничает, как будто у него есть полное право и позволение отдавать своё так дорого, как ему хочется, и никто не должен ему перечить. *241* Подождём, поглядим на них, пусть обдирают, обирают и обчищают, *242* однако будем на Бога полагаться (Который, однако, всё равно сие совершит), что Он, если ты долгое время три шкуры драл и деньги загребал, произнесёт на то такое Своё благословение, что пропадёт у тебя и зерно в амбаре, и пиво в погребе, и скотина в хлеву; более того, где ты кого-то обдуришь и обсчитаешь на один золотой, там непременно ржа поест и поглотит у тебя целую кучу денег, так что никогда ты сему не порадуешься.

243 Мы видим и убеждаемся, как исполняется поистине каждый день у нас перед глазами, что никакое украденное или нечестно приобретённое добро впрок не идёт. Сколько их, кои день и ночь (отовсюду) соскребают и сгребают себе всё в кучу и, однако же, не становятся богаче ни на грош, и хотя много собирают, им, однако, выпадает так много бедствий и несчастий, что они не могут ни сами себе на радость тем воспользоваться, ни передать по наследству детям. *244* Но, так как никто на сём не останавливается, и мы проходим мимо, как будто сие нас не касается, то вынужден Он по-иному нас посещать [невзгодами и бедами] и учить уму-разуму, насылая на нас поборы один за другим или приглашая в гости банду наёмников, кои за час опустошат наши сундуки и кошельки и не успокоятся,

пока у нас остаётся хоть грош, сверх того в благодарность сожгут и разорят дом и двор, обесчестят и погубят жену и детей.

245 И, короче говоря, если много крадёшь, жди наверняка, что у тебя дважды по столько украдут, и кто грабит и приобретает насилием и неправдою, тот пострадает от другого, который сыграет с ним такую же шутку. Ибо сим искусством Бог владеет мастерски: поскольку все друг друга грабят и обкрадывают, Он одного вора наказывает с помощью другого, откуда же иначе было бы взять достаточно виселиц и верёвок? *246* Вот теперь, кто хочет услышать наставление, тот пусть знает, что сие есть заповедь Божья и её не должно принимать за шутку. Ибо, хотя ты нас презираешь, обманываешь, обкрадываешь и грабишь, мы сие стерпим и твоё чванство вытерпим и вынесем и, по "Отче наш", простим и пожалеем; ибо мы знаем, что всё-таки богобоязненные получат достаточно, ты же себе самому наносишь вреда больше, нежели другому. *247* Но тут берегись, когда приходит к тебе добрый бедняк (каких теперь много), коему приходится перебиваться с хлеба на квас, а ты ведёшь себя так, словно каждый живёт [только] по твоей милости, дерёшь три шкуры и скоблишь до самой хребтины, сверх того высокомерно и надменно гонишь прочь того, кому ты должен давать и дарить, и так он уходит, несчастный и опечаленный и, поскольку он никому пожаловаться не может, вопиет и взывает к небу – тогда берегись (говорю я снова), как самого дьявола. Ибо сей вопль и зов будет не шутка, а окажет такое действие, что слишком тяжко придётся тебе и всему миру. Ибо он попадёт к Тому, Кто печётся о бедных, опечаленных сердцах и не оставит их неотмщёнными. Коль презираешь ты сие и упорствуешь, то смотри, Кого ты на себя навлёк; если же будет тебе удача и благополучие, обзовёшь Бога и меня перед всем миром лжецами.

248 Мы достаточно увещевали, предупреждали и предостерегали; кто не хочет сего замечать и в сие верить, пусть идёт своей дорогой, пока в том на собственном опыте своём не убедится. Всё же нужно внушать молодёжи, чтобы она остерегалась и за старой,

необузданной чернью следом не шла, а держала бы перед глазами Божью заповедь, чтобы на неё тоже не пали Божьи гнев и кара. *249* Нам подобает не более чем наставлять и обличать словом Божиим; но чтобы обуздать такое открытое самочинство, нужны князья и власти, кои бы сами имели глаза [открытыми] и смелость навести и поддерживать порядок во всякой торговле и коммерции так, чтобы не обременялся и не угнетался бедняк, и чтобы им не пришлось отягощать себя чужими грехами.

250 Пусть будет довольно сказанного о том, что значит украсть, чтобы не понималось сие так узко, но простиралось бы так же широко, как и наши дела с ближним [простираются]. И, говоря кратко, в качестве итога, как и в предыдущих заповедях: заповедью сей запрещено, с одной стороны, ближнему вред и несправедливость причинять (какое бы ни вообразить множество способов уменьшать, подрывать, удерживать имущество и собственность); и также сие не дозволять и не допускать, но предупреждать и предотвращать, *251* а с другой стороны, заповедано приумножать и улучшать его достояние и, если он терпит нужду, помогать, уделять и одалживать как друзьям, так и врагам.

252 Кто ныне ищет и жаждет добрых дел, тот найдёт здесь более чем достаточно таких деяний, кои Богу весьма любезны и угодны, сверх того, щедро одаряемы и осыпаемы благословением прекрасным, так что будет нам вознаграждено обильно то, что мы делаем нашему ближнему на благо и по-дружески, как учит также и царь Соломон (Прит. 19,17): "Благотворящий бедному даёт взаймы Господу; и Он воздаст ему за благодеяние его". *253* Вот, у тебя есть богатый Господь, Которого тебе, несомненно, достаточно, и Который не даст тебе ни в чём нуждаться или испытывать нехватку; таким образом ты можешь со спокойной совестью в сто раз больше получить, чем наскребёшь ты нечестностью и неправдой. Ну а кому сие благословение не нравится, тот гневом и несчастьем удовольствуется.

Восьмая заповедь

254 ***Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.***

255 Кроме нашего собственного тела, супруги и земного имущества, есть у нас ещё одно сокровище, а именно, честь и добрая слава, без которой мы также обойтись не можем. Ибо не годится жить среди людей публично опозоренным и всеми презираемым. *256* Посему Бог желает, чтобы у ближнего столь же мало отнимались или умалялись репутация, честь и беспорочность, сколь деньги и добро, так чтобы каждый перед своей женой, детьми, прислугой и соседями оставался честным. *257* И в первую очередь, простейший смысл заповеди сей, как гласят слова "Не произноси ложного свидетельства", относится к публичному суду, где бедного невиновного человека обвиняют и с помощью лжесвидетельства к стене прижимают с тем, чтобы понёс он наказание телесное, конфискации имущества подвергся или пострадала честь его.

258 Теперь кажется, что сие как будто мало нас касается, но у иудеев оно частым, обыденным делом было. Ибо народ сей поставлен был под замечательное, упорядоченное правление, и где ещё есть такое правление, там без подобных прегрешений не обходится. Причина такова: где судья, бургомистр, князь или иное начальство сидит, там всё происходит не иначе, нежели в мире заведено, так что люди никого [из сильных мира сего] обидеть не хотят, кривят душою и свидетельствуют сообразно с покровительством, деньгами, надеждами или дружескими отношениями; оттого бедный человек дело своё непременно проиграет, виновным признан будет и наказание понесёт. И обычная беда в мире, что в суде редко сидят люди благочестивые.

259 Ибо, прежде всего остального, мужем благочестивым судье быть необходимо, и не только благочестивым, но также мужем мудрым, скромным, более того, даже смелым и отважным; также мужем отважным, притом, главное, благочестивым, нужно быть и свидетелю.

Ибо кто все дела судить по правде и приговор выносить твёрдо будет, тот зачастую гневить будет добрых друзей, родственников, соседей, людей богатых и влиятельных, которые могут ему много пользы либо вреда принести; посему должен он совсем слепым быть, глаза и уши закрыть, ничего не видеть и не слышать, кроме того, что прямо перед ним происходит, и сему соответственно решение принимать.

260 Для того-то, в первую очередь, и установлена заповедь сия, чтобы каждый помогал ближнему своему в защите прав его и ущемлять или нарушать их не позволял, но оказывал содействие и следил строго за их соблюдением, всё равно, судья ли он или же свидетель, в каком угодно деле. *261* И особенно сим поставлена цель господам юристам нашим следить, чтобы дела рассматривались по правде и беспристрастно, чтобы то, что законно, оставлять законным, и, с другой стороны, не кривить правдой, не скрывать и не замалчивать, на деньги, богатство, положение или влияние не оглядываться. Сие есть одна сторона и самый простой смысл данной заповеди в отношении всего, что происходит в суде.

262 Затем, она гораздо дальше простирается, если перенести её на правосудие или управление церковное; и там происходит то, что каждый против ближнего своего лжесвидетельствует. Ибо где есть благочестивые проповедники и христиане, [всегда] они пред миром приговор получают, что они еретиками, вероотступниками, и более того, бунтовщиками и злодеями отчаянными называться должны. Сверх того, принуждается слово Божие позволять себя самым постыдным и злостным образом преследовать, хулить, опровергать, искажать и неверно использовать и толковать. Но пусть оно своим путём идёт; ибо такова слепого мира натура, что он истину и детей Божиих осуждает и преследует и, однако, сие грехом не считает.

263 В-третьих, что нас всех касается, в заповеди сей запрещены все те прегрешения языка, коими можно ближнему вред нанести или его обидеть. Ибо "произносить ложное свидетельство" есть не что иное, как деяние

устное. Так вот, какое бы деяние устное против ближнего ни совершалось, Бог всё сие воспретить желает, будь то лжепроповедники с их учением и богохульством, лжесудьи и лжесвидетели с их приговором или же ложь и злоречие вне стен суда. *264* Сюда относится, в особенности, отвратительный, постыдный порок: злословить и клеветать, чем нас чёрт и погоняет, и о чём много чего можно было бы сказать. Ибо сие есть всеобщая язва позорная, что каждый охотнее услышит о ближнем худое, нежели доброе, и хотя мы сами столь дурны, что не можем терпеть, чтобы про нас говорили нечто худое, а каждый очень хотел бы, чтобы весь мир его лишь превозносил, однако же мы не можем и слышать, как хвалят других.

265 Посему, дабы порока такого избежать, заметить мы должны, что не позволено никому ближнего своего осуждать и порицать публично, хотя бы он и замечал, что тот грешит, если он повеления судить и порицать не получил. *266* Ибо есть очень большое различие между двумя вещами: судить грех и знать грех. Знать-то его ты можешь, но судить его не должен. Видеть-то и слышать я могу, что мой ближний грешит, но нет у меня приказа обсуждать его с другими. Если же я вмешиваюсь, сужу и осуждаю, то впадаю в грех, который больше его греха. Если же ты сие о нём знаешь, не делай ничего, кроме как похорони в себе и закопай сие до тех пор, пока не будет поручено тебе быть судьёй и наказывать по должности. *267* Значит, клеветниками зовутся те, кто не довольствуется знанием, но идёт дальше и права суда себе присваивает, и если они про другого хоть самую малость знают, то сие везде и всюду разносят, тем себя ублажают и тешат, что могут в чужой мерзости копаться, как свиньи, кои в грязи валяются и рылом своим в ней роются. *268* Сие есть не что иное, как в суд и дела Божий вмешиваться, осуждать и наказывать самым суровым приговором. Ибо никакой судья наказать более и пойти далее не может, чем когда скажет он: сей есть вор, убийца, изменник и т.д. Посему кто подобное о ближнем говорить смеет, тот себе так же много власти присваивает, как император и все начальствующие. Ибо, хотя ты меч и не носишь, однако

свой язык отравленный на бесчестье и горе ближнему употребляешь.

269 Посему Бог желает тому воспрепятствовать, чтобы кто-либо плохо о другом говорил, даже если тот и виновен, а он хорошо сие знает; тем более, когда он знает о сём только понаслышке. *270* Но ты скажешь: "Однако разве не должен я говорить сего, если правда сие?" Ответ: "А почему ты не передашь сие [дело] настоящему судье?" – "Да, а я не смогу это доказать публично; тогда, может статься, меня оборвут и вытолкают в шею." – "Эге, дорогой, чуешь, что пахнет жареным, не осмеливаешься предстать перед назначенными лицами и отвечать, тогда уж попридержи язык; если же что-то знаешь, знай сие для себя, а не для другого; ибо если передашь сие дальше, будь то даже совершенная правда, прослывёшь всё-таки лгуном, потому что доказать сего не можешь и, вдобавок, поступаешь, как злодей." Ибо нельзя ни у кого честь и доброе имя отнимать, разве только они прежде отняты у него публично.

271 Итак, ложным свидетельством называется всё, что нельзя доказать как положено. *272* Посему, что не известно с достаточными доказательствами, то никто не должен предавать гласности и называть истиной, а в итоге: что тайным является, то в тайне оставлять должно или уж порицать тайно, как мы [далее] услышим.

273 А потому, если попадётся тебе болтун, про другого сплетни распускающий и злословящий, то выскажи ему смело в лицо так, чтоб он покраснел от стыда, тогда многие язык попридержат, кто иначе бедняге худую славу создаст, от коей тот едва ли сможет отмыться. Ибо честь и доброе имя легко отнять, да не легко вернуть. *274* Итак, ты видишь, что запрещено совершенно что-либо недоброе о ближнем говорить, исключая, однако, светские власти, проповедников, отца и мать, чтобы, тем не менее, заповедь сия понималась так, что зло не останется безнаказанным. Как нельзя, согласно Пятой заповеди, никому причинять вред телесный, однако особо исключается Мастер Ганс [палач], который по должности своей делает ближнему не благо, а только вред и зло и [притом] не грешит против

заповеди Божьей, потому что Бог такую должность Сам от Себя учредил; ибо Он за Собой право оставил наказывать по воле Своей, как Он и предостерегает в Первой заповеди: стало быть также, хотя никто от себя лично никого судить или осуждать не должен, однако ежели сего не делают те, кому сие совершать предписано, то грешат они, и притом так же сильно, как тот, кто сам от себя, помимо должности, сие делает. Ибо здесь необходимость требует говорить о зле, выдвигать обвинения, допрашивать и свидетельствовать, *275* и происходит то же самое, что у врача, который иногда у тех, кого он должен лечить, вынужден смотреть и щупать потаённые места. Так и начальство, и отец и мать, и даже братья и сестры и иные добрые друзья обязаны между собой зло порицать, когда сие необходимо и полезно.

276 Но правильный был бы образ действий, если бы соблюдался порядок, указанный в Евангелии (Мат. 18,15), где Христос говорит: "Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним." Вот тебе ценное, прекрасное о том поучение, как надлежаще языком своим распорядиться, кое вполне себе на заметку взять стоит, дабы сего злоупотребления отвратительного избегнуть. Следуй же ему, чтобы сразу не разносить и не распускать сплетни про ближнего, а вразумить его втайне, дабы он исправился. Равным же образом, если некто тебе нечто на ухо нашёптывает о том, что тот или иной сделал, научи его тоже, чтоб он пошёл и вразумил того сам, если он видел сие, если же нет, то чтобы попридержал язык.

277 Сему ты можешь также и из повседневного домоправления научиться. Ибо хозяин дома так поступает: если видит он, что работник не делает того, что делать обязан, он сам ему выговаривает. Если бы, однако, столь глуп он был, что слугу сидеть бы дома оставил, а сам бы соседям жаловаться на него по улицам пошёл, ему, конечно, пришлось бы услышать: "Ты, глупец, что нам до того? Почему сам ему не скажешь?" *278* Вот то был бы вполне братский поступок, чтобы и зло было устранено, и ближний твой честь свою сохранил. Как и Христос там же говорит: "Если послушает тебя, то приобрёл ты брата твоего". Вот, ты совершил дело великое, прекрасное; ибо,

думаешь, пустяк сие – брата обрести? Пусть-ка все монахи и святые ордена выйдут вперёд со всеми деяниями своими, вместе взятыми, смогут ли они похвалиться, что приобрели хоть одного брата?

279 Далее Христос учит: "Если же не послушает, возьми с собою ещё одного или двух, дабы устами двух или трёх свидетелей подтвердилось всякое слово", так чтобы всегда прямо с тем дело решать, кого сие касается, а не наговаривать на него без его ведома. *280* Если же и сие не поможет, тогда выноси дело гласно перед обществом, будь то на суд светский или же церковный. Ибо здесь ты стоишь не один, а у тебя есть с собой те свидетели, с помощью коих можешь ты виновного уличить, на основании чего судья приговор выносить и наказание определять может. Так можно упорядоченно и верно к тому придти, что зло возбраняется или исправляется; *281* иначе, если один про другого везде и всюду сплетни разносит и его с грязью мешает, то никто не исправится, и потом, когда нужно будет давать ответ и свидетельствовать, заявят, что ничего такого не говорили. *282* Посему поделом было бы таким злопыхателям, что наказали бы их примерно за страсть таковую, дабы другие убоялись. *283* Если бы ты совершал сие ради исправления ближнего своего или из любви к истине, то не стал бы тихонько красться и дневного света избегать.

284 Всё сие о грехах тайных говорилось. Когда же грех совершенно явный, так что судья и все прочие хорошо его знают, то можешь ты безо всякого для себя греха от него [прегрешившего] отказаться и удалиться как от опозорившего самого себя, кроме того, можешь ты также публично о нём свидетельствовать. Ибо что при свете дня очевидно, то ни наговором, ни ложным судом или свидетельством быть не может; как например, то, что мы порицаем папу с его учением, которое публично в книгах представлено и на весь свет провозглашается. Ибо где грех явный, должно также следовать по справедливости и порицание публичное, чтобы каждый умел оберегаться от него [греха сего]. *285* Итак, главное содержание и общий смысл сей заповеди для нас в том состоит, что никто не должен вредить языком ближнему своему, будь то друг

или враг, говорить о нём худое, всё равно, истинно ли оно или вымышлено, если делается сие не по предписанию или не для его исправления; но каждый должен для того язык свой употребить и служить заставить, чтобы о любом говорить лучшее, покрывать грехи и слабости ближнего, прощать и честью своею прикрашивать и прикрывать их. *286* Причиною же более всего то должно быть, что приводит в Евангелии Христос и во что Он вместить желает все заповеди, ближнего касающиеся: "Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Мат. 7,12).

287 Сему нас также и природа на нашем собственном теле учит, как говорит Св. Павел (1 Кор. 12,22 и д.): "Те члены тела, кои нам кажутся слабейшими, самые необходимые, и те, что нам кажутся неблагородными, окружаем мы наибольшей честью, а те, что нам неприличны, более всего прикрываются". Лицо, глаза, нос и рот никто не покрывает, ибо они в том не нуждаются, будучи сами по себе наидостойнейшие члены, каковые у нас есть; но самые слабые, коих мы стыдимся, со всем тщанием прикрываются; их прикрывать и скрывать помогать должны руки, глаза вместе со всем телом. *288* Так и мы все между собой должны то, что у нашего ближнего есть неблагородного и слабого, прикрывать и всем, что в наших силах, чести его служить, помогать и способствовать; и, наоборот, тому препятствовать, что могло бы принести ему бесчестье. *289* И особенно замечательное, благородное достоинство, когда кто-то всё, что он слышит о ближнем (если сие не очевидное зло), может хорошо объяснить и как нельзя лучше истолковать или хотя бы оправдать, вопреки тем злым языкам, кои, если только что-то выведать и ухватить могут, стараются ближнему в осуждение употребить, образом самым наихудшим представить и извратить, как ныне в особенности с драгоценным словом Божиим и проповедниками его происходит.

290 Посему в заповеди сей заключено великое множество добрых дел, кои более всего угодны Богу и несут с собой преизобильно добро и благословение, лишь бы только слепой мир и лжесвятые признать их захотели.

291 Ибо во всём человеке нет ничего, что могло бы сотворить больше и обширнее как блага, так и вреда в делах духовных и мирских, чем язык, хоть он и самый малый и слабый член.

Девятая и десятая заповедь

292 Не пожелай дома ближнего твоего.

Не пожелай жены ближнего твоего, ни раба, ни рабы его, ни скота его, ничего из того, что есть у него.

293 Сии две заповеди, в сущности, даны преимущественно иудеям, хотя и нас всё же отчасти касаются. Ибо они [иудеи] не истолковывают их как говорящие о нецеломудренности и воровстве, поскольку сие в достаточной мере выше запрещено, они также полагали, что соблюдали бы их все, когда бы деяния те или иные внешне совершали или не совершали. Посему Бог прибавил сии две, чтобы также греховным и запретным считалось жену или добро ближнего пожелать и каким угодно способом того добиваться, *294* и особенно потому, что в иудейской системе правления слуги и служанки не были, как сейчас, свободны служить за жалование так долго, как они пожелают, но хозяина собственностью были вместе с телом и всем, что имели, как скот и прочее добро; *295* кроме того, каждый также имел такую власть над своей женой, чтобы удалить её от себя официально с помощью свидетельства о разводе и взять другую. Вот и приходилось им между собой опасаться, что если кому-то жена другого понравится, он какую-нибудь причину использует, чтобы и от своей жены избавиться, и другого разъединить с его собственной, дабы взять её себе с полным правом. У них сие не было ни грехом, ни позором, так же мало, как теперь с прислугой, когда хозяин дома своего слугу или служанку увольняет, или же один каким-то способом прислугу у другого уводит.

296 Посему они (говорю я) заповеди сии таким образом толковали, – что тоже верно (хотя их значение несколько

далее и выше простирается), – чтобы никто не помышлял и не намеревался себе то присваивать, что другому принадлежит, как то жену, прислугу, дом и двор, поле, луг, скот, хотя бы и под предлогом благовидным, но ближнему в ущерб. Ибо выше, в Седьмой заповеди, запрещён тот порок, что себе чужое добро захватывают и ближнему не отдают то, на что никакого права иметь не можешь. Здесь же воспрещено также что-либо у ближнего переманивать, хотя бы и можно было совершать сие, пред миром честь сохраняя, так что никто не посмел бы тебя ни упрекать, ни порицать, будто ты несправедливо сим завладел.

297 Ибо природа так устроена, что никто не пожелает другому столько же, сколько себе самому, и каждый к себе тащит, сколько он только сможет, другой же, мол, пусть живёт, как сумеет. *298* И хотим ещё к тому же порядочными быть, умеем наилучшим образом себя прикрасить и негодяя в себе утаить, выискиваем и выдумываем столь ловкие трюки и лукавые ухищрения (какие нынче каждодневно изобретают превосходнейше), будто бы из закона вытекающие, нагло на него ссылаться и полагаться смеем и хотим, чтобы подобное не подлостью, а благоразумием и предусмотрительностью называлось. *299* В том помогают также юристы и правоведы, кои закон так поворачивают и растягивают, чтоб он мог данному делу помочь, слова для оправдания выдёргивают и подбирают, невзирая на справедливость и нужды ближнего. И, в итоге, кто в таких делах самый ловкий и смышлёный, тому и закон лучше всего помогает, как они и говорят: Vigilantibus jura subveniunt ("Недремлющему закон помогает").

300 Посему сия последняя заповедь не для злостных, в глазах мира, негодяев установлена, но как раз для самых праведных, кои хотят, чтобы их хвалили, называли людьми честными и искренними как не погрешивших ничем против прежних заповедей, каковыми в особенности хотели быть иудеи и ещё теперь многие большие дворяне, знать и князья. Ибо прочий люд простой относится к ещё намного более низ кой ступени, к седьмой заповеди, как не сильно задающийся вопросом, по праву ли и с честью ли он своё приобретает.

301 Ныне такое случается чаще всего в тяжбах, выносимых на суд, посредством чего пытаются выиграть что-то у ближнего и оттереть его от принадлежащего ему. Как если (чтобы нам привести пример) ведут спор и тяжбу из-за большого наследства, недвижимого имущества и т.д., то привлекают и берут на помощь всё, что может иметь вид права, так драпируют и прикрывают, что закону приходится к тому склониться, и удерживают за собой собственность на таком законном основании, что ни у кого по сему поводу нет ни жалобы, ни претензии. *302* Также, если некто хотел бы заполучить замок, город, графство или что-то ещё большее и делает так много подношений, через друзей и как ещё только может, что она [собственность] от другого отсуждается и ему присуждается, притом грамотой и печатью удостоверяется, чтобы называться по княжескому праву и честно приобретённой.

303 Подобным же образом и в обычных торговых сделках, где один у другого что-либо из рук выхватывает ловко, так что тому лишь вослед ему глядеть остаётся, или же его настигает и прижимает там, где свою пользу и выгоду усматривает, так что тот, возможно, по причине нужды или задолженности, своё отстоять или дело решить без ущерба не может, на чём первый половину или более выигрывает, и сие, однако же, считаться должно не отнятым несправедливо или украденным, а честно купленным. Как говорится: "Кто смел, тот и съел" и "Своя рубаха ближе к телу"; другой же пусть получит, что сумеет! *304* И у кого хватит ума себе представить всё, что можно прибрать к рукам под таким прекрасным предлогом? Сие мир несправедливостью не считает и видеть не желает, что тем самым ставится ближний в невыгодное положение и принуждён уступать то, чего он лишиться без ущерба для себя не может, однако же нет никого, кто хотел бы, чтобы с ним такое же сделали; из сего хорошо видно, что предлоги и оправдания таковые ложны.

305 Так было встарь и с жёнами: тут знали они такие уловки, что, когда одному нравилась другая, он сам или через кого-то другого (как же много путей и способов можно было придумать) устраивал так, чтобы муж становился ею недоволен, либо она противилась ему и

относилась к нему так, что вынужден он был удалить её от себя и отпустить к другому. Такое, без сомнения, было весьма распространено во времена Закона [Ветхого Завета], как можно прочесть также и в Евангелии (Мат. 14,3) о царе Ироде, что он женился на супруге своего собственного брата ещё при жизни того и, однако же, хотел слыть мужем честным, праведным, как о нём свидетельствует и Св. Марк. *306* Но такой пример, я надеюсь, у нас не будет иметь места, – потому что в Новом Завете состоящим в браке разводиться запрещается[19], – разве что в том случае, когда один у другого хитростью уводит богатую невесту. Но у нас не редкость, когда один у другого отбивает и уводит или иначе льстивыми речами переманивает его работника или служанку.

307 Как бы всё подобное ни происходило, мы должны знать, что Бог не желает, чтобы ты таким образом отбирал у ближнего что-либо ему принадлежащее, чтобы он был сего лишён, а ты алчность свою утолял бы, хотя бы ты и мог сие за собой удержать, сохраняя честь в глазах мира; ибо сие есть плутовство тайное, коварное и, как говорится, разыгранное под шляпкой, чтобы не было видно. Ибо хотя ты и делаешь вид, будто никому ничего дурного не сделал, однако же ты обидел ближнего своего, и хоть не называется сие украсть или надуть, но всё же означает возжелать собственности ближнего, то есть домогаться её и выманивать помимо его воли и завидовать тому, что даровал ему Бог. *308* И хотя бы даже тебе вынужден был сие позволить и судья, и любой другой, однако Бог тебе сего не позволит; ибо Он хорошо видит коварное сердце и козни мира, который, если уступить ему на палец, прихватит впридачу на локоть, так что за сим также несправедливость явная и насилие следует.

309 Итак, оставим заповеди сии в обычном их понимании, что заповедано, во-первых, чтобы не желали ближнему вреда, а также не содействовали и не давали повода к сему, но желали и позволяли ему иметь то, что есть у него, кроме того, поддерживали и оберегали всё то, что могло бы делаться ему на пользу и в услугу, – так, как мы хотели бы, чтобы делалось нам, *310* так что они [заповеди] направлены главным образом против зависти и

отвратительной алчности, чтобы Богу устранить причины и корни, из которых проистекает всё, чем ближнему вред наносится, потому Он и утверждает сие чётко и ясно словами: "Не пожелай" и т.д. Ибо хочет Он прежде всего, чтобы сердце было чистым, хотя мы здесь, в жизни временной, не можем сего достичь, так что сие, наверное, остаётся заповедью, как и все другие, которая беспрерывно нас обвиняет и показывает, сколь праведны мы перед Богом.

Заключение десяти заповедей

311 Таким образом, у нас есть Десять заповедей, избранное из учения божественного, о том, что делать мы должны, дабы вся жизнь наша Богу была угодна, истинный источник и канал, вытекать из которого и возвращаться в который надлежит всему, что должно быть делами добрыми, так что вне Десяти заповедей никакое деяние или бытие благим и богоугодным быть не может, будь оно в глазах мира как угодно велико и драгоценно. *312* Посмотрим же, чем наши великие святоши могут похвалиться из своих орденов монашеских и трудов великих, тяжких, кои они придумали и напоказ выставили, а мимо сих проходят, прямо как будто они слишком ничтожны либо давным-давно уже исполнены.

313 Я, право же, думаю, что здесь надо массу работы проделать, чтобы соблюдалось сие: кротость, терпимость и любовь к врагам, целомудрие, благодетельность и т.д., и то, что вещи сии с собой приносят. Но такие деяния ни ценности, ни привлекательности в глазах мира не имеют, ибо нет в них ничего особенного и напыщенного, не привязаны они к временам, местам, обрядам и церемониям особым, но суть обычные домашние труды каждодневные, кои один сосед может совершать для другого; потому они и не в почёте.

314 Зато другие заставляют глаза таращить и уши навострять, чему они сами способствуют великой помпой, пышностью и великолепными строениями и так украшаются, что всё блестит и сверкает. Тут кадят, тут поют и звонят в колокола, тут зажигают свечи и свечки, чтобы, кроме сего, ничего иного ни слышать, ни видеть было

невозможно. Ибо что поп стоит здесь в облачении золотом или мирянин целый день в церкви на коленях простаивает, так то свершением драгоценным называется, которое никто в достаточной мере восхвалить не способен. А что бедная девушка смотрит за маленьким ребёнком и верно исполняет то, что ей велено, так сие за ничто почитается; иначе что же ищут монахи и монахини в своих монастырях?

315 Но посмотри, разве сие не проклятая самонадеянность тех отчаянных святош, кои смеют здесь находить образ жизни и призвание выше и лучше того, чему учат Десять заповедей, утверждают (как было сказано), что то – ничтожная жизнь для простого человека, их же [житие] – для святых и совершенных, *316* и не видят, жалкие, слепые люди, что ни один человек продвинуться не способен столь далеко, чтоб исполнить хоть одну из десяти заповедей, как её надлежит исполнять, но должны ещё на помощь ему приходить Символ веры и Отче наш (как мы услышим), чрез кои ищут и молят и беспрерывно получают сие [способность и силу соблюдать заповеди]? Потому их хвастовство в точности так же велико, как если бы я хвастался, говоря: "Хоть у меня нет ни гроша, чтоб заплатить, но я берусь наверняка уплатить десять золотых".

317 Сие говорю я и втолковываю затем, чтобы всё же избавлялись от скверного злоупотребления, столь глубоко укоренившегося и всё ещё каждому присущего, и привыкали, в любых состояниях земных пребывая, только на сие смотреть и лишь о сём беспокоиться. Ибо ещё долго не придумают ни учения, ни образа жизни, Десяти заповедям равного, потому что они столь велики, что никто силою человеческой их достичь не может, а кто их достигнет, тот небесный, ангельский человек, намного выше всей святости мира. *318* Только займись ими и испытай себя как следует, положи на то все силы и способности, и ты наверняка так много дел найдёшь, кои надо свершить, что уже не будешь никаких иных дел или святости искать и обращать на них внимание.

319 Сего пусть будет достаточно о первой части общего учения христианского, в той мере, в какой необходимо как для обучения, так и для наставления; однако мы должны, в заключение, повторить текст, к сему относящийся, который мы также рассматривали выше в первой заповеди, дабы уразуметь, каких усилий требует [от нас] Бог для того, чтобы как следует научились применять и употреблять Десять заповедей.

320 ***Я Господь, Бог твой, Бог сильный, ревнитель, наказывающий за вину отцов детей до третьего и четвёртого рода ненавидящих Меня, и благотворящий до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.***

321 Сие добавление, хотя оно (как мы выше слышали) в первую очередь к первой заповеди приложено, тем не менее, ради всех заповедей сделано, так как они все без исключения с нею связаны и к ней обращаться должны. Потому я и говорил, что надо также и сие внушить и втолковать молодёжи, чтобы она заучила и запомнила, дабы понятно было, что же должно заставлять и вынуждать нас десять заповедей сии соблюдать, и надо понимать сие не иначе, как будто отрывок сей [из Библии] приложен к каждой из них в отдельности, так что он их все пронизывает и на них на все распространяется.

322 Вот в сих словах (как ранее говорилось) вместе собраны как гневная угроза, так и доброе обетование, дабы нас устрашить и предостеречь и, кроме сего, привлечь и побудить нас к тому, чтобы слово Его как божественно серьёзное воспринималось и высоко почиталось, потому что Он Сам объявляет, как сие важно для Него и как строго следить за сим намерен Он; а именно, что будет Он ужасно и страшно наказывать всех, кто презирает и преступает заповеди Его, *323* и, напротив, как щедро Он вознаградит, облагодетельствует и всяческим благом одарит тех, кто высоко их чтит и с радостию поступает и живёт по ним. Сим Он потребовать желает, чтобы они все [дела и поступки] исходили из такого сердца, которое боится и почитает одного лишь Бога и из такого страха отказы-

вается от всего, что противно Его воле, чтобы не прогневить Его, и, с другой стороны, полагается тоже только на Него и Ему на радость делает то, что Он желает, потому что Он говорит так ласково, как отец, и предлагает нам всяческую милость и благо.

324 Сие как раз и есть смысл и верное толкование первой и главнейшей заповеди, из коей должны проистекать и следовать и все остальные, так что сии слова: "Да не будет у тебя других богов" не подразумевают, попросту говоря, ничего иного, кроме такого требования: "Ты должен бояться, любить Меня как твоего единственного, истинного Бога и на Меня полагаться". Ибо если сердце так расположено к Богу, оно исполнило и сию, и все другие заповеди. Наоборот, кто боится и любит что-либо иное на небесах и на земле, тот ни сей, ни какой бы то ни было иной заповеди не исполнит. *325* Таким образом, всё Писание повсюду проповедовало и внушало сию заповедь, будучи всё нацелено на две вещи: страх Божий и упование на Бога; и особенно пророк Давид всюду в псалмах, как например, когда он говорит: "Благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его" (Пс. 146,11); равно как если бы вся заповедь выражалась всего лишь одной строфой и в ней говорилось: "Господу угодны те, у кого нет других богов".

326 Таким образом, первая заповедь должна сиять и сообщать своё сияние всем остальным. Посему ты должен также пропустить изречение сие через все заповеди, как хомутик или дужку[20] в венке, чтобы соединить начало и конец и держать их все вместе, дабы всегда повторять и не забывать, как, именно, [сказано] во второй заповеди, что должны мы бояться Бога и не злоупотреблять именем Его для проклятий, лжи и обмана и иного соблазна и прегрешения, а употреблять надлежащим и подобающим образом в мольбе, молитве, хвале и благодарении, почерпнутых, в согласии с первой заповедью, из любви и упования. Равным образом должно внушать и насаждать такой страх, любовь и упование, чтобы не презирали слово Его, а постигали, с радостию слушали, чтили и почитали священным.

327 Далее, через следующие заповеди о ближнем, таким же образом, всё силою первой заповеди, чтобы почитали отца и мать, хозяев и всех начальствующих и были им покорны и послушны, не ради них самих, но ради Бога. Ибо не отца и не мать должен ты уважать и бояться и не ради них делать или не делать что-либо. А смотри за тем, что Бог от тебя хочет и наверняка потребует; оставишь сие неисполненным – будет тебе гневный Судия, в противном же случае – милостивый Отец.

328 Кроме того, чтобы ты не делал твоему ближнему никакого вреда, ущерба или насилия и никоим образом не обижал его, затрагивает ли сие тело, жену, имущество, честь или права его, как то одно за другим по порядку заповедано, хотя бы у тебя и была к тому возможность и причина, и ни один бы человек тебя за сие не упрекнул; но делал бы всем добро, помогал бы и содействовал, как и где только ты можешь, единственно Богу на радость и в угоду, в надежде на то, что Он тебе всё щедро возместит. *329* Итак, ты видишь, каким образом первая заповедь есть начало и первоисточник, проходящий сквозь все остальные, и наоборот, к ней все возвращаются и от неё все зависят, так что конец и начало целиком и полностью соединены и связаны один с другим.

330 Сие (говорю я) полезно и необходимо всегда преподавать, втолковывать и напоминать юношеству, так чтобы оно воспитывалось не только, как скотина, битьём и принуждением, но в страхе Божием и почитании Бога. Ибо где размышляют о сём и принимают в сердце, что сие не вздор людской, а заповеди высшего Величества, Которое с такою серьёзностью за сим следит, гневается и наказывает тех, кто ими пренебрегает, и, напротив, так обильно вознаграждает тех, кто их соблюдает, там само собой появится желание и побуждение с радостию исполнять волю Божию. *331* Посему не напрасно заповедано в Ветхом Завете, что нужно начертать десять заповедей на всех стенах и углах, более того, и на одеждах тоже, не для того, чтобы только оставить их начертанными и носить напоказ, как делали иудеи (Мат. 23,5), но чтобы они беспрестанно пред глазами и постоянно в памяти были, применялись во всяком действии и бытии нашем, *332* и

чтобы каждый сделал бы сие своей повседневной практикой во всех случаях, во всяких занятиях и делах, как если бы оно было начертано везде, куда он ни взглянет, более того, где бы ни шёл он или стоял. Итак, можно было бы найти достаточно причин как для себя в собственном доме, так и в отношении соседа, чтобы применять десять заповедей, так что никому за сим далеко бежать не надо.

333 Из сего вновь видно, как высоко должны быть возвышаемы и превозносимы сии десять заповедей, выше всех состояний, заповедей и деяний, кои обыкновенно преподаются и практикуются. Ибо здесь мы можем с уверенностью сказать: Пусть выступят все мудрецы и святоши, смогут ли они представить хоть одно деяние, подобное заповедям сим, кои Бог с такой серьёзностью исполнять требует и предписывает под страхом величайшего гнева и наказания, прибавляя к тому чудное обетование, что Он осыпет нас всякими милостями и благословением. Посему их нужно прежде всех прочих преподавать, считать ценными и дорогими, как высшее сокровище, данное Богом.

Часть вторая

О Символе веры

1 До сих пор мы слушали первую часть учения христианского и в ней увидели всё, что, по желанию Божьему, мы совершать должны или не должны. За сим следует теперь, по должному порядку, символ веры, который представляет нам всё, что мы ожидать и принимать должны от Бога, и, говоря совсем кратко, учит нас целиком и полностью познавать Его. *2* Сие должно служить как раз тому, чтобы мы совершать могли то, что, согласно десяти заповедям, мы совершать должны. Ибо они (как выше сказано) поставлены столь высоко, что все силы человеческие слишком ничтожны и слабы, чтобы их исполнить. Посему часть сию так же необходимо изучать, как и предыдущую, чтобы знать, как достичь сего, откуда и посредством чего обрести такую силу. *3* Ибо коль мы могли бы собственными силами исполнять десять заповедей так, как их исполнять надлежит, мы не нуждались бы ни в чём более, будь то символ веры или "Отче наш". *4* Но прежде чем объяснять такую пользу и необходимость символа веры, достаточно сперва для совсем простых людей, чтобы они научились постигать и понимать сам символ веры.

5 Во-первых, раньше символ веры был разделён на двенадцать пунктов, хотя, если бы пришлось все положения, содержащиеся в Писании и относящиеся к символу веры, изложить по отдельности, то пунктов было бы гораздо больше, и столь малым количеством слов невозможно было бы их все точно выразить. *6* Но чтобы их легче и проще всего излагать можно было так, как их надо детям преподавать, мы весь символ веры вкратце в три главных артикула заключим, Божества трём ипостасям соответственно, к коим обращено всё, во что мы веруем, так чтобы первый артикул, о Боге Отце, провозглашал сотворение, второй, о Сыне, – искупление, третий, о Святом Духе, – освящение. *7* Как если бы вера самым

наикратчайшим образом лишь столь немногими словами выражалась: Я верую в Бога Отца, Который сотворил меня; я верую в Бога Сына, Который искупил меня; я верую в Святого Духа, Который освящает меня. Один Бог и одна вера, но три ипостаси, посему также три артикула, или исповедания. *8* А теперь разберём коротко слова сии.

Первый артикул

9 Верую в Бога Отца всемогущего, Творца неба и земли.

10 Тут самым кратким образом описано и представлено, что есть сущность, воля, дело и труд Бога Отца. Ибо когда десять заповедей учат, что не должно иметь более чем одного Бога, могут спросить: А что за личность Бог? Что Он совершает? Как можно Его восславить или изобразить и описать, чтобы Его знали? Вот сие и преподаёт данный и следующий артикул, так что символ веры есть не что иное, как ответ и исповедание христиан, основанное на первой заповеди. *11* Как если бы спросили юное чадо: "Милый, что есть твой Бог, что знаешь ты о Нём?", чтобы оно могло сказать: "Мой Бог есть вот что: во-первых, Отец, Который сотворил небо и землю; кроме сего Единственного, ничто иное я Богом не считаю, ибо нет никого другого, кто в силах сотворить небо и землю."

12 Для людей же учёных и для тех, кои хоть немного сведущи, можно все три артикула изложить подробно и разделить на столько частей, сколько слов [в символе веры]. Но сейчас для юных школьников пусть будет достаточно самое необходимое указать, а именно, как уже сказано, что артикул сей к сотворению относится, чтобы упор делался на слова: "Творца неба и земли". *13* Что же сие значит, или что понимаешь ты под словами: "Верую в Бога Отца всемогущего, Творца" и т.д.? Ответ: То подразумеваю я и в то верую, что я творение Божие, то есть, что Он дал мне и беспрерывно сохраняет тело, душу и жизнь, члены малые и большие, все чувства, ум и рассудок и, далее, еду и питьё, одежду, пропитание, жену и детей, прислугу, дом и двор и т.д.,

14 сверх того, заставляет всё сотворенное служить для нужд и пользы жизни – солнце, луну и звёзды на небе, день и ночь, воздух, огонь, воду, землю и всё, что она приносит и рождать может – птиц, рыб, животных, хлеба и всякого рода растения и плоды; *15* далее, какие ни на есть ещё блага телесные и преходящие, доброе правление, мир, безопасность, *16* так чтобы узнать из артикула сего, что никто из нас сам по себе не имеет и не может сохранять ни жизнь, ни всё, что тут перечислено или ещё перечислить можно бы, как бы оно ни было мало и ничтожно; ибо всё сие в слове "Творец" содержится.

17 Кроме того, мы также исповедуем, что Бог Отец нам не только дал всё, что мы имеем и видим перед глазами, но также сохраняет и оберегает [нас] каждодневно от всякого зла и несчастья, отвращает всяческие опасности и бедствия, и всё сие – из чистой любви и доброты, нами не заслуженной, как нежный, ласковый отец, заботящийся о нас, дабы не случилось с нами никакой беды. *18* Но далее о сём речь пойдёт в других двух частях сего артикула, где говорится: "Отца всемогущего".

19 Отсюда будет сам собой следовать вывод: поскольку всё, чем мы обладаем, и, вдобавок, всё, что есть на небесах и на земле, каждодневно нам даёт, сохраняет и оберегает Бог, то мы действительно обязаны посему Его любить, восхвалять и благодарить беспрестанно и, короче говоря, сим служить Ему нераздельно, как Он требует и повелевает в Десяти заповедях. *20* Здесь много можно было бы сказать, если понадобилось бы сие расписывать подробно, о том, как мало тех, кто верует в артикул сей. Ибо мы все его проходим, слышим и произносим, но того не видим и о том не думаем, что именно говорят нам слова сии. *21* Ибо если бы мы веровали в него всем сердцем, то и поступали бы согласно ему и не ходили бы так гордо, не задавались и не важничали бы, словно жизнь, богатство, власть и почёт и т.д. мы имеем от самих себя, так что нас должны бояться и нам служить, как делает несчастный, извращённый мир, который в слепоте своей погряз, всеми благами и дарами Божьими злоупотребляет единственно ради своего тщеславия, алчности, вожделений

и удовольствий, ни разу не обратится к Богу, чтобы возблагодарить Его или признать Господом и Творцом.

22 Посему артикул сей смирять и устрашать всех нас должен был бы, если бы мы в него верили. Ибо мы грешим каждый день глазами, ушами, руками, телом и душой, деньгами и добром и всем, что у нас есть, особенно те, кто всё ещё против слова Божия воюет. И всё же у христиан то преимущество есть, что признают они себя обязанными Ему за это служить и послушными быть.

23 Вот почему должны мы сей артикул каждый день повторять, в памяти запечатлевать и вспоминать при всём, что у нас пред глазами проходит и что хорошего случается, и когда выбираемся мы из беды или опасности, как Бог сие всё нам даёт и для нас делает, так что мы в сём ощущаем и видим отцовское сердце и безмерную любовь Его к нам; сим согревалось бы сердце и зажигались бы в нём благодарность и желание все блага сии употребить к чести и славе Божией. *24* Итак, у нас есть, в самом кратком виде, смысл артикула сего, в той мере, в какой необходимо сперва усвоить простым людям, как что мы от Бога имеем и получаем, так и что мы за то должны, что является весьма большим, прекрасным знанием, но ещё гораздо большим сокровищем. Ибо тут видим мы, как Бог нам Себя вместе со всеми созданиями отдал и [нас] преизобильнейше в жизни сей обеспечивает, не говоря о том, что Он ещё и осыпает нас сверх меры несказанными благами вечными через Сына Своего и Духа Святого, как мы далее услышим.

Второй артикул

25 ***И во Иисуса Христа, единородного Сына Божия, Господа нашего, зачатого от Духа Святого, рождённого от Марии девы, страдавшего при Понтии Пилате, распятого, умершего и погребённого, сошедшего во ад, воскресшего в третий день из мёртвых, вознёсшегося на небеса и сидящего одесную Бога, Всемогущего Отца, откуда Он придёт судить живых и мёртвых.***

26 Здесь узнаём мы вторую ипостась Божества, дабы видели мы, что, сверх упомянутых ранее благ преходящих, мы от Бога имеем, а именно, как Он целиком и полностью излил Себя и не оставил за Собой ничего, что Он не отдал бы нам. Артикул сей очень богат и обширен; но чтобы нам и его также растолковать коротко и по-детски просто, давайте возьмём одно реченье и в нём выразим всё содержание, а именно (как было сказано), дабы из него усвоить, как мы искуплены были, и надлежит опираться на сии слова: "во Иисуса Христа, Господа нашего".

27 Если же спрашивают: Что ты веруешь во втором артикуле про Иисуса Христа?, отвечай самым кратким образом: Я верую, что Иисус Христос, истинный Сын Божий, стал моим Господом. Что же это: стать Господом? Сие значит то, что Он искупил меня от греха, от дьявола, от смерти и всякого несчастья. Ибо прежде у меня не было ни Господа, ни Царя, но был я пленён под властью дьявола, осуждён на смерть, опутан грехом и слепотой.

28 Ибо, когда мы были сотворены и приняли от Бога Отца всяческого блага, явился дьявол и вовлёк нас в непослушание, грех, смерть и всякое несчастье, так что мы были подвержены гневу и немилости Его, на вечное проклятие осуждённые, как мы того заслуживали и были достойны. *29* Не было тогда никакого совета, помощи или утешения до тех пор, пока сей единственный и вечный Сын Божий не сжалился по Своей безмерной доброте над нашим горем и нуждою и не пришёл с небес, чтобы нам помочь. *30* Так были изгнаны все сии тираны и тюремщики, а на их место вступил Иисус Христос, Господь жизни, праведности, всякого блага и блаженства, и нас, бедных, пропащих людей, вырвал из пасти ада, приобрёл, освободил и вернул под Отцовское благоволение и милость и, как достояние Своё, взял под Свою защиту и охрану, дабы править нами Своею праведностью, мудростью, силою, жизнью и блаженством.

31 Итак, пусть будет сутью артикула сего то, что слово "Господь" означает в понимании наипростейшем не что иное, как "Искупитель" или "Спаситель", то есть Тот, Кто привёл нас от дьявола к Богу, от смерти к жизни, от греха к

праведности и хранит нас в них. Те же части, кои следуют одна за другой в артикуле сём, не делают ничего иного, кроме как искупление сие объясняют и описывают, как и чем оное совершалось, то есть, чего Ему сие стоило и что Он положил и чем рискнул, чтобы приобрести нас и привести в Своё владение, а именно, что Он стал человеком, зачатым и рождённым без всякого греха от Святого Духа и [Марии] девы, для того, чтобы Ему быть над грехами Господином; сверх того, страдал, умер и погребён был, чтобы дать за меня удовлетворение и уплатить то, что я задолжал, не серебром или золотом, но Своею собственной драгоценною кровью. И всё сие для того, чтобы моим ГОСПОДОМ стать; ибо Он ничего из того не совершал для Себя и ни в чём из того не нуждался. После того Он снова восстал из мёртвых, смерть поглотил и уничтожил и, наконец, вознёсся на небеса, принял правление по правую руку от Отца, так что дьявол и все силы должны быть Ему покорны и лежать у ног Его, пока Он, наконец, в Последний День не отберёт и не отделит нас совершенно от злого мира, дьявола, смерти, греха и т.д.

32 Однако объяснять особо все сии отдельные части – сие уже не для краткой проповеди детям, а для больших проповедей в течение всего года, особенно во времена, назначенные для того, чтобы каждый пункт разбирать подробно: о рождении, страдании, воскресении, вознесении Христа и т.д.

33 И всё Евангелие, которое мы проповедуем, стоит на том, что хорошо усвоен сей артикул, как то, от чего зависит наше спасение и блаженство, который столь богат и обширен, что у нас всегда в достатке есть что в нём изучать.

Третий артикул

34 Верую в Духа Святого, единую святую христианскую Церковь, общение святых, отпущение грехов, воскресение тела и жизнь вечную. Аминь.

35 Артикул сей я не могу озаглавить лучше, чем (как было сказано) "Об освящении", чтобы через это выразить и описать Святой Дух и Его служение, а именно, что Он святыми делает. Посему мы должны опираться на слова "Духа Святого", так как они столь кратко сформулированы, что никаких других и быть не может. *36* Ибо в Писании, кроме того, есть разные духи, как например, дух человеческий[21], небесные духи[22] и злые духи[23]. Но один только Дух Божий называется Святым Духом, то есть Тем, Кто освящал и всё ещё освящает нас. Ибо как Отец называется Творцом, Сын – Искупителем, так должен и Святой Дух, по делам Его, называться Святителем или Освящающим. *37* Как же совершается такое освящение? Ответ: Подобно тому как Сын получает власть, коею Он нас приобретает, через рождение Своё, смерть и воскресение и т.д., так и Святой Дух выполняет освящение через следующее, именно, через общение святых, или христианскую Церковь, отпущение грехов, воскрешение тела и жизнь вечную, то есть тем, что Он сперва нас в Свою святую общину вводит и в лоно Церкви помещает, посредством чего Он нам проповедует и нас ко Христу приводит.

38 Ибо ни ты, ни я не могли бы ни знать что бы то ни было о Христе, ни веровать в Него и обрести Его своим ГОСПОДОМ, если бы Дух Святой проповедью Евангелия не предлагал сие нам и не даровал в наше лоно. Труд сей совершён и исполнен, ибо Христос снискал и приобрёл нам сие сокровище Своим страданием, смертью и воскресением и т.д. Но если бы труд сей оставался в тайне, так что никто бы не знал о нём, то был бы он тщетным и напрасным. Дабы такое сокровище не оставалось похороненным, а применялось и употреблялось, и повелел Бог Слову исходящу и возвещаему быть, дал в нём Духа Святого, чтобы принести и даровать нам сие сокровище и искупление. *39* Посему освящение есть не что иное, как приведение к Господу Иисусу Христу, чтобы принять такое благо, к коему сами по себе мы прийти не смогли бы.

40 Так что научись понимать сей артикул как можно яснее. Если спрашивают: Что подразумеваешь ты под словами: "Я верую в Духа Святого", чтобы ты смог

ответить: "Я верую, что Святой Дух, согласно имени Своему, делает меня святым". *41* Чем же Он совершает сие, или какие у него есть для сего способы и средства? Ответ: Через христианскую Церковь, отпущение грехов, воскресение тела и жизнь вечную. *42* Ибо, во-первых, есть у Него особая община в мире, которая есть мать, каждого христианина рождающая и растящая посредством слова Божия, которое Он открывает и проповедует, сердца освещает и зажигает, так что они его понимают, принимают, на него полагаются и от него не отходят.

43 Ибо где Он его [через церковь] не проповедует и в сердце не пробуждает, дабы оно принималось и понималось, там оно остаётся втуне, как случилось при папстве, где вера была совсем в загоне, и никто не признавал ни Христа за Господа, ни Святого Духа – за Освящающего, то есть, никто не верил, что Христос, значит, и есть Господь наш, Который нам, без наших дел и заслуг, приобрёл такое сокровище и сделал нас угодными Отцу. *44* Чего же тогда недоставало? Того, что не было при том Святого Духа, Который бы сие открывал и проповедовать побуждал, но были при том люди и злые духи, учившие нас приобретать вечное блаженство и милость [Отца] собственными нашими деяниями. *45* И потому также сие никакая не христианская церковь; ибо где не проповедуют о Христе, там нет и Святого Духа, создающего, созывающего и собирающего христианскую церковь, помимо коей никто к ГОСПОДУ Иисусу Христу придти не может.

46 Сего да будет довольно о сути данного артикула веры. Однако поскольку моменты, в нём перечисленные, для простых людей не совсем ясны, намерены мы их тоже бегло просмотреть.

47 Святую христианскую Церковь Символ веры именует "communionem sanctorum", "общением святых"; ибо в обоих выражено одно и то же, но в старину выражение сие отсутствовало, оно также и переведено на немецкий плохо и невразумительно: "*eine Gemeinschaft der Heiligen*". Если бы понадобилось сие передать ясно, то на немецком языке пришлось бы выразиться совсем иначе; ибо слово

"ecclesia", собственно, означает по-немецки "eine Versammlung" (собрание)[24]. *48* Мы же привыкли к словечку "Kirche" (церковь), под коим простые люди понимают не собравшийся народ, а освящённый дом или строение, хотя не должен был бы дом называться церковью, разве что лишь оттого, что в нём собирается народ; ибо мы, собирающиеся вместе, готовим и выбираем себе особое помещение и даём имя дому по сборищу.

Итак, словечко "*Kirche*" (церковь) означает, собственно, не что иное, как "ein(e) *gemeine Sammlung*" (общее собрание) и по своему происхождению не немецкое, а греческое (как и слово "ecclesia"), ибо они на своём языке называют её "*kyria*", так же, как по-латыни она называется "*curia*".[25] Потому на истинно немецком, нашем родном языке она должна называться: "eine *christliche Gemein(d)e* или Sammlung" ("христианская община (церковь)" или "христианское собрание") или лучше и яснее всего: "*eine heilige Christenheit*" ("святое христианство", т.е. святые христиане).

49 Так же и слову "communio", с тем связанному, надо было бы означать не "*Gemeinschaft*" (общность), а "*Gemeinde*" (община). И сие есть не что иное, как пояснение, или толкование, коим некто хотел разъяснить, что такое христианская церковь. Вместо того наши люди, не знавшие ни латыни, ни немецкого, сотворили: "*Gemeinschaft der Heiligen*" (общность, или общение, святых), хотя ни на каком немецком языке так не говорится и не понимается. Истинно же по-немецки должно было быть: "*eine Gemeinde der Heiligen*" (община святых), то есть, община, в которой одни только святые, или ещё яснее: "*eine heilige Gemeinde*" (святая община). *50* Говорю я сие затем, чтобы понятны были слова "*Gemeinshaft der Heiligen*" (общение святых), потому что они так вошли в обыкновение, что едва ли их удастся искоренить, да и сразу же припишут ересь, коль поменяешь хоть слово.

51 Однако же смысл и значение сего добавления таковы: Я верую, что есть на земле святая горстка и община, из одних лишь святых состоящая, под одним

Главой, Христом, Святым Духом созванная в единой вере, помысле и разумении, с дарами разными, но согласная в любви, без сект и расколов. *52* И я тоже часть и член её, всех благ, коими она владеет, совладетель и сопричастник, Святым Духом в неё введённый и к ней приобщённый тем, что слово Божие слушал и всё ещё слушаю, которое есть начало вхождения в неё. Ибо прежде, до того как мы к сему пришли, были мы целиком во власти дьявола, не ведая ничего ни о Боге, ни о Христе. *53* Так Святой Дух до Последнего Дня остаётся со святой общиной, или христианством, посредством чего Он нас ведёт, и использует её для того, чтобы возвещать и проповедовать Слово, чрез что Он освящение совершает и множит, дабы она каждодневно возрастала и укреплялась в вере и плодах её, кои Он творит.

54 Затем, веруем мы далее, что в христианстве есть у нас прощение грехов, совершаемое через святые таинства и отпущение грехов, более того, через всяческие утешительные обетования всего Евангелия. Посему сюда всё относится, что о таинствах проповедовать надлежит, и, в сущности, всё Евангелие и все служения христианства, что тоже необходимо, чтобы осуществлялось беспрерывно. Ибо хотя милость Божия чрез Христа приобретена и святость Духом Святым сотворена посредством Слова Божия в единении с церковью христианской, всё же мы никогда не бываем без греха из-за плоти нашей, которую мы всё ещё на себе тащим. *55* Посему в христианстве всё для того лишь устроено, чтобы через Слово и знаки там каждодневно принималось прощение грехов, дабы утешать и ободрять нашу совесть, пока мы в жизни сей пребываем. Дух Святой так делает, что, хотя у нас и есть грех, он всё же нам навредить не может, потому что мы в христианстве состоим, где есть одно лишь прощение грехов, как в том, что нас прощает Бог, так и в том, что мы друг друга прощаем, терпим и поддерживаем.

56 Однако вне христианства, где нет Евангелия, нет также никакого прощения, как не может там быть и никакой святости. Посему все, кто хочет святость найти и заслужить не через Евангелие и прощение грехов, а своими деяниями, сами себя отторгли и обособили [от церкви].

57 Между тем, однако, коль святости положено начало и она возрастает каждодневно, мы ожидаем, что наша плоть будет умерщвлена и погребена вместе со всею нечистотой, но во славе явится и воскреснет к совершенной и полной святости в новой жизни вечной. *58* Ибо сейчас пребываем мы чистыми и святыми лишь наполовину, дабы Дух Святой всегда над нами трудился Словом и каждодневно раздавал прощение вплоть до той жизни, где больше не будет прощения, а будут совершенно чистые и святые люди, исполненные беспорочности и праведности, избавленные и свободные от греха, смерти и всякого несчастья, в новом, бессмертном и преображённом теле.

59 Вот, всё сие должно быть служением и делом Святого Духа, дабы Он на земле положил начало святости и её каждодневно умножал посредством двух вещей, христианской церкви и прощения грехов. Когда же мы истлеем, Он в мгновенье ока сие исполнит и будет, с помощью последних двух [упоминаемых в символе веры воскресения тела и жизни вечной], хранить нас там вечно. *60* Однако то, что здесь стоит, "Auferstehung des Fleisches" (воскресение плоти), тоже сказано не на хорошем немецком языке. Ибо когда мы, немцы, слышим "Fleisch" (мясо, тело, плоть), то мыслим не дальше мясной лавки. Истинно же по-немецки мы бы сказали: "Auferstehung des Leibes" или "Leichnams" ("воскресение тела" или "мертвого тела"). Всё же сие не слишком важно, если только слова сии понимаются правильно.

61 Сие, значит, и есть тот артикул, который должен всегда быть и оставаться в действии. Ибо ведь сотворение у нас прошло, искупление также состоялось; однако Святой Дух совершает Свою работу без перерыва до самого Последнего Дня, для того учреждает Он на земле общину [церковь], чрез которую Он всё сие вещает и свершает. *62* Ибо Он ещё не собрал [всё] Своё христианство и не раздал прощение. Потому мы веруем в Того, Кто нас каждодневно Словом туда приводит и веру даёт, умножает и укрепляет чрез то же Слово и прощение грехов, дабы нас, когда сие всё исполнится, и мы там пребывать будем, умерев для мира и всякого несчастья,

сделать, наконец, целиком и навечно святыми, чего мы теперь, чрез Слово, в вере ждём.

63 Вот тебе выражены превосходнейше сущность, воля и деяния Божий словами совсем краткими и, тем не менее, ёмкими, в коих состоит вся наша мудрость, превосходящая и превышающая мудрость, ум и рассудок всех людей. Ибо целый мир, хотя он со всем усердием и домогался узнать, что же такое Бог и что Он замышляет и совершает, однако же ничего этого добиться никак не смог. *64* Здесь же у тебя есть всё в величайшем изобилии, ибо тут Он Сам явил и раскрыл во всех трёх артикулах бездонную глубину отеческого сердца Своего и чистую, невыразимую любовь. Ибо Он сотворил нас именно для того, чтобы искупить и освятить, и кроме того, что нам Он дал и даровал всё, что есть на небе и на земле, Он ещё дал нам Сына Своего и Духа Святого, чрез Коих Он нас к Себе привести желает. *65* Ибо мы никогда не смогли бы (как разъяснено выше) прийти к тому, чтобы познать благоволение и милость Отца, иначе как через ГОСПОДА Иисуса Христа, Который есть зеркало сердца Отцовского, и вне Которого мы не видим ничего, кроме гневного и грозного Судьи. Однако мы не могли бы ничего знать и о Христе, если бы сие не было открыто чрез Духа Святого.

66 Потому сии артикулы веры отличают и отделяют нас, христиан, от всех остальных людей на земле. Ибо все, кто вне христианства, будь то язычники, турки, иудеи или лжехристиане и лицемеры, пусть даже они веруют в единого истинного Бога и Его почитают, не знают, однако, как Он к ним расположен, не могут ожидать от Него также ни любви, ни блага, посему пребывают они под вечным гневом и проклятием. Ибо нет у них ГОСПОДА Иисуса Христа, к тому же никакими дарами они чрез Духа Святого не просвещены и не наделены.

67 Из сего теперь ты видишь, что Символ веры – совсем иное учение, нежели Десять заповедей, ибо последнее учит, что должны делать мы, первое же говорит, что нам даёт и делает для нас Бог. Десять заповедей и без того уже записаны в сердцах всех людей, а Веру никакая человеческая мудрость постичь не может, и она

единственно Духом Святым преподаваема быть должна. *68* Посему первое учение [10 заповедей] ещё не делает никого христианином, ибо над нами всё ещё пребывает гнев и немилость Божия, потому что мы не можем исполнить то, чего от нас требует Бог; последнее же [учение о Вере] приносит одну лишь милость, делает нас праведными и угодными Богу. *69* Ибо чрез таковое знание обретаем мы тягу и любовь ко всем заповедям Божиим, потому что здесь мы видим, как Бог целиком и полностью отдаёт Себя нам в помощь и поддержку вместе со всем, чем Он владеет и располагает, чтобы десять заповедей сии соблюдались: Отец – все создания, Христос – все деяния Свои, Святой Дух – все дары Свои.

70 Пусть же сего будет сейчас достаточно о Вере, чтобы заложить основы для простых людей, дабы их не перегружать, с тем чтобы они, когда поймут суть её, сами стремились дальше и всё, что прочтут в Писании, соотносили с нею и всегда возрастали беспрестанно ко всё большему пониманию; ибо мы должны, сколько в мире сём живём, каждодневно сие проповедовать и сему учиться.

Часть третья, о молитве

Отче наш

1 Мы теперь услышали о том, что надлежит делать и во что веровать, в чём состоит лучшая и самая праведная жизнь. Теперь следует третья часть: как надо молиться. *2* Ибо, поскольку с нами дело так обстоит, что ни один человек не может полностью соблюсти десять заповедей, хотя бы он и начал верить, а дьявол со всею силою, вместе с миром и нашей собственной плотью, сему противится, постольку ни в чём нет такой нужды, как в том, чтобы постоянно докучали Богу, призывали и молили Его, чтоб Он нам дал, сохранял и умножал веру и десяти заповедей исполнение и чтобы устранял всё, что лежит у нас на пути и сему мешает. *3* Но чтобы мы знали, что и как должны просить, Сам Господь наш Иисус Христос нам преподал, как мы увидим, порядок и слова моления.

4 Но перед тем, как мы по порядку разберём "Отче наш", больше всего необходимо прежде привлечь и побудить людей к молитве, как делали также Христос и апостолы, *5* и первым должно быть именно то, чтобы знали, как, согласно заповедям Божиим, мы должны молиться. Ибо так слышали мы во второй заповеди: "Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно", что в ней требуется имя святое прославлять и к нему взывать во всякой нужде, или молиться, *6* Ибо взывать есть не что иное, как молиться, так что сие [моление] заповедано так же чрезвычайно строго и серьёзно, как и все прочие [заповеди]: не иметь других богов, не убивать, не красть и т.д.; чтобы никто не думал, будто безразлично, молюсь я или же нет; как например, простые люди пускаются в такие заблуждения и размышления: Что мне зря молиться? Кто знает, уважит ли Бог мою мольбу и захочет ли услышать? Я не помолюсь, так помолится кто-нибудь другой; и так привыкают не молиться вовсе, а для оправдания используют то, что мы отвергаем ложные и

лицемерные молитвы, как будто мы учим, что молиться не следует и не нужно.

7 Но ведь верно же, что до сих пор совершалось вместо молитвы, оралось и вопилось в церквах и т. д., то, конечно же, никакою молитвой и не было; ибо такая внешняя вещь, когда она проводится правильно, может быть хорошей практикой для малых детей, школьников и простых людей, и можно её назвать пропетой или прочитанной, но сие не называется собственно молением. *8* Молиться же значит, как учит вторая заповедь, вот что: Бога призывать во всякой скорби (Пс. 49,15). Сего Он от нас хочет, сие не должно быть оставлено на наше усмотрение, а мы должны и обязаны молиться, коль хотим быть христианами, точно так же, как мы должны и обязаны быть послушными отцу и матери и начальству; ибо через призыв и мольбу имя Божие почитается и с пользою употребляется. Сие ты должен прежде всего принять во внимание, чтобы сим принуждались к молчанию и отвергались такие мысли, кои нас от того удерживают и отпугивают. *9* Ибо точно так же, как не годится, чтобы сын говорил отцу: Что толку от моего послушания? Я пойду и сделаю, что смогу, это же всё равно; но есть приказание: ты должен и обязан сие сделать, – так и здесь не в моей воле делать или не делать, но должно и необходимо молиться, [если не хочешь гнева и немилости Божией.

10 Сие нужно усвоить и запомнить прежде всего, чтобы сим принуждались к молчанию и отвергались мысли, кои нас от того удерживают и отпугивают, словно не имеет большого значения, если мы не молимся, или словно сие заповедано тем людям, кто святее и ближе к Богу, чем мы; так, словно сердце человеческое от природы столь безнадежно, что оно всегда бежит от Бога и полагает, что Он не хочет и не желает нашей молитвы, потому что мы грешники и ничего, кроме гнева, не заслужили. *11* Таким мыслям вопреки, (говорю я) мы должны принять во внимание заповедь сию и повернуться к Богу, чтобы нам ещё больше не прогневить Его таким непослушанием. Ибо заповедью сей Он вполне достаточно даёт нам понять, что Он хочет не оттолкнуть нас от Себя, не прогнать, хотя мы и грешники, а напротив, привлечь нас к Себе, чтобы мы

пред Ним смирились, поведали о такой своей печали и нужде, помолились о милосердии и помощи. Потому читаем мы в Писании, что Он также гневается на тех, кто повержен за свой грех, что они снова не обратились к Нему и молитвою гнев Его не смягчали и милость Его не снискивали.] [предыдущий фрагмент в квадратных скобках отсутствовал в йенском издании (1556 г.) собрания сочинений Лютера]

12 Из сего должен ты теперь заключить и рассудить, коль так строго заповедано молиться, что никто никоим образом не должен пренебрегать своей молитвой, а должен высоко ценить её и ею дорожить. *13* И всегда бери аналогию из других заповедей. Дитя никак не должно пренебрегать своим послушанием отцу и матери, а всегда должно думать: Дело сие есть дело послушания, и что я совершаю, совершаю я не иначе, как в рассуждении, что делается оно в послушании и по заповеди Божией, на которую я могу опираться и полагаться и высоко ценить такое [деяние], не по достоинству моему, но ради заповеди сей. Так же и здесь; чего бы и за что бы мы ни просили, мы должны смотреть на то как на Богом требуемое и в послушании Ему совершаемое, и думать так: Ради меня сие было бы ничто, но потому должно оно иметь ценность, что заповедал его Бог. Стало быть, должен каждый, чего бы ни решил он просить, всегда представать перед Богом в послушании пред заповедью сей.

14 Посему мы просим и самым настоятельным образом призываем всех принять сие близко к сердцу и никоим образом не пренебрегать нашей молитвою. Ибо до сих пор во имя дьявола учили так, что никто на подобное не обращал внимания и каждый мнил, что довольно и того, что дело сделано, неважно, услышит ли сие Бог или же нет. Но сие значит, что молитва брошена на волю случая и её пробормотали как попало; посему это напрасная молитва. *15* Ибо мы позволяем нас смутить и запугать таким мыслям: "Я недостаточно свят и достоин; кабы я был столь же благочестив и свят, как Св. Пётр или Павел, тогда бы я с охотою молился." Однако прочь подальше такие мысли! Ибо та же самая заповедь, что относилась к Св. Павлу, относится и ко мне, и равно для меня вторая

заповедь установлена, как и для него, так что не может он ни лучшей, ни более святой заповедью похвалиться.

16 Посему должен ты сказать так: "Ведь молитва моя, кою я творю, столь же драгоценна, свята и угодна Богу, как и Св. Павла и всех самых святейших. Причина: ибо я охотно допущу, что он святее меня как личность, но в отношении заповеди – нет, потому что Бог принимает во внимание молитву не из-за личности, но из-за слова Своего и послушания Ему. Ибо на заповеди, на коей воздвигают свою молитву все святые, воздвигаю мою и я тоже; более того, молюсь я ровно о том же, о чём они все до единого молятся или молились; так что мне сие так же нужно и даже больше, чем сим великим святым."

17 Сие пусть будет первым и необходимейшим пунктом, что вся наша молитва должна стоять и зиждиться на послушании Богу, невзирая на нашу персону, будь мы грешники или праведники, достойные или недостойные. *18* И должны знать, что Бог [с этим] шутить не будет, а будет гневаться и карать, коль мы не будем молиться, точно так же, как Он карает всякое иное непослушание; далее, что Он не позволит, чтобы наша молитва была тщетной и напрасной. Ибо если бы Он не хотел тебя услышать, то не приказывал бы тебе молиться и не устанавливал бы столь строго заповедь о сём.

19 Во-вторых, нас должно тем более понуждать и побуждать [к молитве], что Бог к тому также обетование прибавил и обещал, что наверняка и несомненно будет то, что мы просим, как говорит Он в 50-м псалме (Пс. 49,15): "И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя." И Христос в Евангелии от Матфея (Мат. 7,7): "Просите, и дано будет вам и т.д.; ибо всякий просящий получает." *20* Такое должно было бы воистину пробудить и зажечь наше сердце для моления с радостию и любовью, потому что Он словом Своим свидетельствует, что молитва наша радует Его сердечно, к тому же наверняка будет услышана и исполнена, с тем, чтобы мы ею не пренебрегали и без внимания её не оставляли и не молились как придётся.

21 Сие ты можешь вознести к Нему и сказать: "Вот я прихожу, возлюбленный Отец, и молюсь, не по

умышлению моему и не от собственного достоинства, но по заповеди Твоей и обетованию, которое нарушиться или обмануть меня не может." Кто же не верует в обетование сие, тот должен опять-таки знать, что он Бога гневит как в высшей степени Его оскорбляющий и во лжи упрекающий.

22 Сверх того, нас то должно манить и привлекать, что Бог, наряду с заповедью и обетованием, нас предваряет и Сам устанавливает и в уста нам вкладывает слова и порядок [молитвы], как и что мы должны просить, для того, чтобы мы видели, как сердечно заботится Он о наших нуждах, и воистину не сомневались в том, что Ему такая молитва угодна и наверняка будет услышана, *23* которая весьма даже большое преимущество имеет перед всеми иными молитвами, кои мы сами могли бы выдумать. Ибо тогда совесть постоянно оставалась бы в сомнении и говорила: "Я помолился, но кто знает, как Ему сие угодно, или угадал ли я верную меру и форму?" Посему на земле не сыскать молитвы благороднее, чем каждодневный "Отче наш", потому что у него есть такое прекрасное свидетельство, что Бог с охотой и радостью слушает его, и мы не должны бы променять его и на все богатства мира.

24 И так предписано также для того, чтобы мы видели и сознавали ту необходимость, которая должна заставлять и принуждать нас молиться беспрерывно. Ибо кто хочет просить, тот должен что-то представить, высказать и назвать, чего он желает; если же того нет, то не может сие называться молитвой. *25* Потому мы справедливо отбросили молитвы монахов и попов, кои день и ночь истошно завывают и бормочут; но из них никто и не помышляет хоть чуть-чуть помолиться, и если бы собрать все церкви вместе со священниками, то пришлось бы им признать, что они ни разу от души не помолились даже о капельке вина. Ибо из них никто никогда не принимался молиться из послушания Богу и веры в обетование и не имел в виду никакой нужды, а думал не более (когда сие исполнялось наилучшим образом), чем о совершении доброго дела, коим они расплачивались с Богом, намереваясь не брать у Него, а лишь давать Ему.

26 Однако где должна быть истинная молитва, там нужна серьёзность, чтобы ощущалась нужда, и такая нужда, которая нас угнетает и принуждает кричать и взывать; ибо тогда молитва идёт сама собой, как и должна идти, чтобы не нужно было никаких наставлений, как надлежит к тому готовиться и откуда благоговение черпать. *27* Нужду же, которая должна нас заботить, как для нас, так и для каждого, найдёшь ты предостаточно в "Отче наш"; посему должна она [молитва "Отче наш"] служить также для того, чтобы вспоминали о сей нужде, размышляли о ней и принимали близко к сердцу, с тем чтобы мы не уставали молиться. Ибо у нас всех предостаточно такого, в чём мы испытываем нужду; недостаток же в том, что мы сего не чувствуем и не видим. Потому-то Бог и хочет, чтобы ты сетовал на нужды сии и высказывал просьбы, не оттого, что Он их не знает, а чтобы ты зажёг своё сердце, дабы как можно сильнее и больше возжаждать, и только шире раскрывал и раскидывал свой плащ, чтобы принять много.

28 Посему должны были бы мы с юности привыкать, каждый о всех нуждах своих, когда только он что-либо чувствует, его постигающее, а также [о нуждах] и других людей, средь коих он живёт, молиться каждодневно, как то за проповедников, начальствующих, соседей, домашних, и всегда (как сказано) возносить к Богу заповедь и обетование Его и знать, что Он не желает, чтобы ими пренебрегалось. *29* Сие говорю я потому, что очень хотел бы, чтобы оно снова было доведено до людей, дабы они учились правильно молиться и не проходили мимо так равнодушно и холодно, отчего они с каждым днём делаются всё более неспособными к молитве; чего как раз и желает дьявол и помогает тому всеми силами; ибо он хорошо знает, какой причиняется ему вред и урон, когда молитва правильно употребляется.

30 Ибо то должны мы знать, что вся наша защита и охрана заключается единственно в молитве. Ибо мы намного слабее дьявола с его силой и приверженцами, кои выступают против нас, так что они легко могли бы растоптать нас. Посему мы должны подумать и взяться за то оружие, коим должны быть вооружены христиане, дабы

устоять против дьявола. *31* Ибо что, ты думаешь, до сих пор совершало бы столь великие дела, расстраивало или пресекало советы, планы, смертоубийство и мятеж врагов наших, коими дьявол задумал одолеть нас вместе с Евангелием, если бы не возникала вдруг на нашей стороне, словно железная стена, молитва нескольких праведников? Иначе им самим пришлось бы увидеть совсем другое зрелище, как дьявол всю Германию топит в её собственной крови. Пусть же сейчас они издеваются беспечно и насмехаются над сим; мы же, однако, обретём силу, достаточную как против них, так и против дьявола, единственно через молитву, если только останемся усердны и неустанны. *32* Ибо когда какой-нибудь благочестивый христианин помолится: "Возлюбленный Отец, да сбудется воля Твоя!" – говорит Он свыше: "Да, милое чадо Моё, непременно будет и свершится так, дьяволу и миру всему наперекор".

33 Сие да будет сказано для поощрения, чтобы прежде всего научались почитать сию заповедь великою и драгоценною и правильно понимали разницу между болтовнёй и молитвою о чём-либо. Ибо мы отнюдь не отвергаем молитву, но отвергаем мы громкие бесполезные завывания и бормотание; как и Сам Христос отвергает и возбраняет пространное пустословие (Мат. 6,7). *34* Теперь намерены мы самым кратким и ясным образом "Отче наш" рассмотреть. Тут в семи пунктах, или просьбах, заключены, одна за другой, все нужды, кои нас беспрестанно постигают, и каждая столь велика, что они бы должны были заставлять нас всю жизнь о том молиться.

Первая просьба

35 ***Да святится имя Твое.***

36 Сие несколько темновато и не совсем по-немецки сказано; ибо на родном нашем языке мы бы сказали так: "Отец небесный, помоги, чтобы только Твоё имя было свято". *37* Что же такое – просить, чтобы имя Его святым стало? Разве оно уже не свято изначально? Ответ: Да, оно

всегда свято в сущности своей, но в нашем употреблении оно не свято. Ибо имя Божие нам дано, потому что мы стали христианами и крещены были, так что мы называемся чадами Божьими и есть у нас таинства, коими Он с Собою нас соединяет, так что всё, что Божье, должно служить к нашему употреблению.

38 И вот теперь великая нужда, о коей должны мы превыше всего заботиться: чтобы у имени сего честь его была, чтобы святым и священным оно почиталось как высшее наше сокровище и святыня, коей мы обладаем, и чтобы мы, как смиренные, богобоязненные чада, о том молили, дабы имя Его, и без того на небесах святое, также и на земле, у нас и всего мира, было и оставалось свято.

39 Как же делается оно святым среди нас? Ответ, столь ясный, как только сказать возможно: когда и наше учение, и жизнь наша суть божеские и христианские. Ибо, поскольку мы в молитве сей называем Бога нашим Отцом, мы обязаны во всём держаться и вести себя как смиренные, богобоязненные чада, чтобы Ему не позор наш доставался, а честь и хвала. *40* Оскверняем же мы его либо словами, либо делами (ибо что мы на земле совершаем, должно быть либо слово, либо дело, речь или действие). *41* Так, во-первых, когда проповедуют, учат и говорят во имя Божие то, что ложно и совратительно, так что имени Его приходится ложь прикрашивать и правдоподобной делать. *42* Сие же воистину величайший позор и бесчестье для имени Божия; затем также, когда имя святое грубо злоупотребляют для прикрытия срама клятвами, проклятиями, колдовством и т.д. *43* Во-вторых, также явными злыми деяниями и жизнью недостойной, когда называющиеся христианами и народом Божиим суть прелюбодеи, пьяницы, корыстолюбцы, завистники и клеветники; тут опять имя Божие должно терпеть из-за нас позор и бесчестье. *44* Ибо точно так же, как отцу телесному стыд и позор, когда имеет он дурное, невоспитанное чадо, кое словом и делом ему перечит, так что из-за него должен он быть презираем и браним, так и на Бога навлекает бесчестье то, что мы, по имени Его называющиеся и всяческих благ от Него имеющие, учим, говорим и живём не как благочестивые и блаженные чада, так что Ему

приходится слышать, как про нас говорят, что мы, должно быть, дети не Бога, а дьявола.

45 Таким образом, ты видишь, что мы в пункте сём просим как раз о том, чего требует Бог во второй заповеди, а именно, чтобы не злоупотребляли имя Его для клятв, проклятий, лжи, обмана и т.д., но употреблялось бы оно с пользою к чести и славе Божией. Ибо кто использует имя Божие для прегрешения любого, тот оскверняет и бесчестит святое имя сие, как встарь считали церковь обесчещенной, ежели в ней совершалось убийство или иное злодейство, или если осквернялась дароносица или святыня, сама по себе священная и, однако же, в употреблении переставшая святою быть. *46* Итак, пункт сей лёгок и ясен, если только верно понимать слова, то есть, что "святить" значит то же самое, что по-нашему хвалить, славить и чтить, как словом, так и делом.

47 Вот теперь пойми, как сильно такая мольба необходима. Ибо, так как мы видим, сколь полон мир сей всяких сект и лжеучителей, кои все используют имя святое для прикрытия и оправдания своих учений дьявольских, мы должны бы по справедливости беспрерывно вопиять и призывать против всех подобных, как проповедующих и верующих ложно, так и тех, что оспаривают, преследуют и заглушить стремятся наше Евангелие и чистое учение, как то епископы, тираны, духи прелести и т.д. Так же и за нас самих, кои слово Божие имеем, но не благодарны за него и не живём по нему, как мы должны. *48* Если же ты о том просишь от всего сердца, то можешь быть уверен, что Богу сие угодно; ибо ничто не будет Ему любезней слышать, чем то, что честь и слава Его ставится прежде и превыше всего, слово Его преподаётся в чистоте и почитается дорогим и ценным.

Вторая просьба

Да приидет царствие Твое.

49 Как мы просили в первой части, касающейся чести и имени Божия, чтобы Бог следил, дабы мир не прикрывал им [именем Его] ложь и злобу свою, но величественным и

святым его соблюдал как учением, так и жизнью, чтобы хвалим и прославляем у нас Он был, – так просим мы здесь, чтобы и царство Его пришло. *50* Но как имя Божие само по себе свято, а мы всё-таки молим, чтобы оно святым было у нас, так и царство Его приходит само собою без нашей просьбы; однако, на то невзирая, мы просим, чтобы к нам оно пришло, то есть чтобы среди нас и у нас оно было, так чтобы и мы были частью тех, средь коих имя Его святится и царство Его распространяется.

51 Что же значит царство Божие? Ответ: Как мы выше в "Символе веры" слышали, не что иное как то, что Бог послал Сына Своего, Иисуса Христа, ГОСПОДА нашего, в мир, чтобы Он выкупил нас и освободил от власти дьявола и привёл к Себе и правил как Царь праведности, жизни, спасения и блаженства, против греха, смерти и нечистой совести. Для сего Он также дал Духа Святого Своего, дабы Тот сие нам принёс через святое слово Своё и в вере просветил и укрепил нас силою Своею. *52* Потому вот здесь мы и просим, во-первых, чтобы у нас сие [Христом для нас приобретённое] осуществилось, и имя Его так прославлялось чрез святое слово Божие и жизнь христианскую, чтобы и мы, принявшие его, в нём оставались и каждодневно возрастали, и чтобы и среди других людей обрело оно последователей и приверженцев и властно прошло чрез мир, так чтобы многим придти к Царству Благодати, стать сопричастными к искуплению, будучи Духом Святым к тому приведёнными, с тем чтобы мы таким образом навечно остались все вместе в одном царстве, ныне наставшем. *53* Ибо "Царства Божия к нам пришествие" совершается двояким образом, первый раз здесь, в жизни сей, через Слово и веру, второй раз в вечности, через откровение [второе пришествие Христа]. Тут просим мы и то, и другое: чтобы пришло оно и к тем, кто ещё не в нём, и к нам, кои его приобрели, чрез каждодневное возрастание, и впредь в жизни вечной. *54* Всё сие не что иное, как сказать: "Отец наш возлюбленный, мы просим, дай нам слово Твоё, во-первых, чтобы Евангелие верно проповедовалось по всему миру; во-вторых, чтобы через веру принималось, в нас действовало и жило, чтобы таким образом царство Твоё среди нас

воздвигалось словом и силою Духа Святого, а царство дьявола разрушалось, дабы не имел он ни права, ни власти над нами, до тех пор, пока, наконец, не будет совсем оно разрушено, истреблены грех, смерть и ад, что-бы мы жили вечно в полной праведности и блаженстве."

55 Из сего видишь ты, что здесь мы просим не о милостыне ничтожной и не о благе бренном, преходящем, но о сокровище вечном, бесценном и обо всём, чем владеет Бог, что слишком огромно, чтобы сердце человеческое посмело замыслить такого возжелать, если бы Он Сам не заповедал о том просить. *56* Но так как Он есть Бог [и притом всемогущий], Он желает также иметь ту честь, чтобы давать гораздо больше и обильнее, нежели кто-либо воспринять способен, как вечный, неиссякаемый источник, который, чем больше он истекает и изливается, тем больше отдаёт и ничего большего от нас не требует, чем чтобы просили у него многое и великое, и, напротив, гневается, если не просят и не требуют смело.

57 Ибо, равно как если бы богатейший, могущественнейший император приказал бедному нищему просить всего, чего тот только пожелает, и был бы готов одарить его по-царски огромными дарами, а тот глупец ничего более не попросил бы, кроме тарелки супа для нищих, то справедливо посчитали бы его мошенником и злодеем, обратившим для себя повеление его императорского величества в насмешку и издевательство и недостойным являться пред его очи. Так и на Бога навлекается великий позор и бесчестье, если мы, коим Он предлагает и обещает столь многие несказанные блага, сим пренебрегаем или не решаемся принять и едва осмеливаемся просить кусок хлеба.

58 Всему тому виной постыдное неверие, которое не предполагает от Бога и такой милости, что Он насытит желудок, не говоря о том, чтобы, не сомневаясь, ждать от Бога сих вечных благ. Потому мы должны собирать свои силы против подобного и пусть сие будет первое, о чём надобно нам просить, тогда, без сомнения, всё остальное тоже будет в изобилии иметься, как учит Христос (Мат. 6,33; Лук. 12,31): "Ищите же прежде Царства Божия и

правды Его, и это всё приложится вам." Ибо как же мог бы Он позволить нам терпеть лишения и нужду в жизни временной, когда обетует Он вечное и непреходящее?

Третья просьба

*59 **Да будет воля Твоя и на земле, как на небе.***

60 До сих пор мы молились о том, чтобы имя Его нами почиталось и царство Его среди нас распространилось; в коих двух [просьбах] заключено всё, относящееся к славе Божией и нашему спасению, что мы принимаем Бога вместе со всеми благами Его. Но здесь теперь появляется столь же великая нужда, чтобы мы крепко сие удерживали и не давали у нас вырвать. *61* Ибо как в хорошем управлении не только должны быть строящие и хорошо правящие, но также обороняющие, защищающие и надёжно охраняющие, так и здесь: хотя мы и помолились о высшей нужде нашей – о Евангелии, Вере и Святом Духе, чтобы Он направил нас, освободил от власти дьявола, – мы должны также просить, чтобы Он дал исполниться воле Своей. Ибо окажется, совсем странным образом, если мы сего придерживаться будем, что нам придётся из-за того многие удары и нападки претерпеть от всех тех, кто смеет мешать и препятствовать исполнению двух предыдущих просьб.

62 Ибо никто не верит, как сопротивляется и противодействует им дьявол, так как он терпеть не может, когда кто-то правильно учит или верует, и его огорчает сверх меры, что вынужден он позволить, чтобы открылись ложь и мерзости его, под самым благовидным прикрытием имени Божия почитаемые, и сам предстать во всей своей постыдной наготе, сверх того, быть изгнанным из сердца и допустить такую брешь в царстве своём. Потому он неистовствует и беснуется, как разъярённый враг, во всю свою мощь и силу, стягивает к себе всё, что ему подвластно; кроме того, берёт он себе в помощники мир и нашу собственную плоть. *63* Ибо плоть наша сама по себе ленива и склонна ко злу, хотя мы и приняли слово Божие и в него веруем. Мир, однако, скверен и зол; сие он [дьявол]

растравляет, раздувает и разжигает, чтобы нас остановить, отбросить, опрокинуть и вновь подчинить своей власти. *64* Таковы все его желания, устремления и помышления, сего он день и ночь добивается, не переставая ни на мгновенье, используя для того все хитрости, козни, пути и средства, какие он только придумать способен.

65 Посему мы должны наверняка ожидать и иметь в виду, ежели хотим христианами быть, что в лице дьявола вместе со всеми его ангелами и миром мы имеем врагов, навлекающих на нас всякое несчастье и горе. Ибо где слово Божие проповедуют, принимают, веруют в него, и оно плод сотворяет, там не должно обходиться и без драгоценного святого креста. И пусть только никто не думает, что будет у него мир и покой, но придётся ему подвергать риску всё, что есть у него на земле: добро, честь, дом и двор, жену и детей, тело и жизнь. *66* Сие, конечно, огорчительно для плоти нашей и ветхого Адама; ибо значит сие держаться и терпеливо сносить, как бы на нас ни нападали, и отдавать, что бы у нас ни отнимали.

67 Посему есть столь же великая нужда, как и во всех других [просьбах], чтобы мы беспрерывно молили: "Отец возлюбленный, да сбудется воля Твоя, а не дьявола и врагов наших воля и не тех всех, что стремятся преследовать и подавлять святое слово Твоё и ставить преграды царству Твоему; и дай нам терпеливо всё перенести и преодолеть, что нам за то претерпеть суждено, чтобы плоть наша бедная по слабости или лености своей не отступилась и не уклонилась!"

68 Вот, смотри, таким образом у нас в сих трёх частях заключена в простейшем виде нужда, затрагивающая Самого Бога, однако всё ради нас; ибо то, что мы просим, единственно нам предназначено, а именно, как сказано, чтобы и в нас сбылось то, что и так вне нас сбыться должно. Ибо как и без нашей просьбы должно святиться имя Его и придти царствие Его, так и воля Его должна сбыться и исполниться, хотя дьявол со всей своей шайкой сильно против сего шумят, негодуют и бушуют и дерзают Евангелие истребить совершенно. Однако ради нас мы должны молить, чтобы воля Его и среди нас исполнилась

беспрепятственно, вопреки такому их неистовству, чтобы не смогли они ничего сделать, а мы остались тверды против всякого насилия и гонения и удовольствовались такою волею Божией.

69 Такая молитва должна теперь быть нашей охраной и защитой, которая бы отражала и разбивала всё, что дьявол, папа, епископы, тираны и еретики против нашего Евангелия предпринять способны. Пусть они все вместе злятся и изо всех сил стараются, совещаются и решают, как им нас подавить и с корнем вырвать, чтобы воля и замыслы их осуществились; против сего один или два христианина с одной-единственной мольбою сей будут нашей стеною, о которую те преткнутся и вдребезги разобьются. *70* Есть у нас такое утешение и уверенность, что все желания и замыслы дьявола и всех врагов наших непременно потерпят крах и разобьются, какими бы гордыми, уверенными и могучими они себя ни мнили; ибо когда бы воля их не была сломлена и остановлена, то невозможно было бы царству Его на земле сохраняться и имени Его святиться.

Четвёртая просьба

71 Хлеб наш насущный дай нам на сей день.

72 Здесь мы теперь заботимся о жалкой хлебной корзине, о потребностях тела и временной жизни нашей, и сие есть реченье краткое, простое, но заключает оно в себе очень много. Ибо когда ты упоминаешь и просишь о хлебе насущном, то просишь ты обо всём, относящемся к получению и потреблению хлеба насущного и также, наоборот, против всего, что сему препятствует. Посему должен ты широко раскрыть и распространить свои мысли не только на хлебную печь или мучной ларь, но и на широкое поле и всю землю, произращающую и приносящую нам хлеб насущный и всяческое пропитание. Ибо если бы Господь всё сие не заставлял расти, не благословлял и не сохранял на земле, то никогда бы мы не имели хлеба, чтобы взять из печи и подать на стол.

73 И, чтобы нам сие выразить кратко, просьба сия включает всё, ко всей жизни на свете сём относящееся, потому что только ради неё [жизни сей] нуждаемся мы в хлебе насущном. К жизни же не только то относится, чтобы тело наше пищу и покров и другое потребное имело, но также и чтобы мы среди людей, с коими живём и общаемся, в повседневной жизни и всяческих делах в мире и согласии пребывали; в общем, всё, что касается как домашних и соседских или гражданских дел, так и управления. Ибо где и тому, и другому преграды ставятся, так что они не идут, как идти должны, там и потребному для жизни тоже ставятся преграды, так что она в конце концов поддерживаться не может. *74* И, пожалуй, самое нужное – молить о светской власти и правлении как о том, посредством чего нам Бог больше всего доставляет хлеб наш насущный и все удобства жизни сей. Ибо хотя мы получили от Бога полную меру всех благ, всё ж никакое из них в целости сохранить или уверенно и с радостию употребить не смогли бы, когда бы не дал Он нам прочное, мирное правление. Ибо где раздор, несогласие и война, там хлеб насущный непременно отнимается или, по меньшей мере, тяжким становится.

75 Посему было бы справедливо хлеб вместо льва или рутного венца на гербе каждого благочестивого князя помещать или на монетах выбивать, дабы как им, так и подданным напоминать, что мы чрез их служение защиту и мир имеем, а без них ни вкушать, ни сохранять хлеб насущный не могли бы. Потому они также всякого почтения достойны, чтобы им притом давали всё, что мы должны и способны, как тем, чрез коих мы всем, чем обладаем, в мире и согласии наслаждаемся, потому что иначе мы ни гроша бы не сохранили; чтобы также за них молились, дабы давал нам Бог чрез них всё больше благословения и блага.

76 Итак, да будет самым кратким образом указано и очерчено, как далеко мольба сия чрез всё сущее на земле простирается. Из этого кто-то мог бы сделать пространную молитву и многими словами все такие вещи, сюда относящиеся, перечислить, как например, что мы просим, чтобы дал нам Бог еду и питьё, одежду, дом и двор и

здоровое тело, сверх того, дал зерну и плодам произрасти и хорошо уродиться на поле; затем, чтобы помог также дома хорошо управляться с хозяйством, дал и сохранил нам добропорядочных жену, детей и слуг, позволил процветать и преуспевать трудам и ремёслам нашим, что бы нам делать ни довелось, даровал верных соседей и добрых друзей и т.д.; *77* дальше, чтобы императорам, королям и всем сословиям, а особенно владетельным князьям нашим, всем советникам, правителям верховным и начальникам дал мудрости, силы и удачи хорошо править и побеждать турок и всех врагов, подданным же и простому народу – в послушании, мире и согласии меж собою жить; *78* и напротив, чтобы оберегал Он нас от всяческого вреда телу и пропитанию, от грозы, града, пожара, наводнения, яда, чумы, падежа скота, войны и кровопролития, неурожая, вредителей, недобрых людей и т.д. *79* Всё сие хорошо было бы простым людям внушить, именно, что сии и подобные вещи Богом даются, и о них молиться мы должны.

80 Но главным же образом просьба сия против злейшего врага нашего, диавола, предназначена. Ибо главное его устремление и желание – всё, что мы от Бога имеем, отнять или возбранить, и не довольствуется он тем, что правление духовное разрушает и оному препятствует тем, что ложью своею души прельщает и власти своей подчиняет, но ещё и ставит он помехи и преграды, дабы не было на земле ни правления никакого, ни существования достойного и мирного. Вот и устраивает он так много распрей, смертоубийств, волнений и войн, а также гроз, града, чтобы хлеба и скот погубить, воздух отравить и т.д. *81* В общем, огорчает его, что кто-то от Бога кусок хлеба имеет и в мире и покое вкушает; и когда бы сие было в его власти, и молитва наша (после Бога) ему не препятствовала, мы бы, конечно, не сохранили ни стебелька в поле, ни гроша в доме, даже ни часа жизни нашей, особенно те, кто слово Божие имеет и с радостию хотел бы христианином быть.

82 Вот таким образом Бог показать нам желает, как Он во всех нуждах наших участие принимает и столь верно о нашем земном пропитании заботится; *83* и хотя Он в

изобилии оное даёт и сохраняет также безбожникам и злодеям, всё-таки Он желает, чтобы мы о том просили, так чтобы сознавали мы, что получаем сие из рук Его и в том чувствовали Его отеческую к нам доброту. Ибо где Он помощи Своей лишает, там в конце концов не может оно быть выращено и сохранено, как все, наверное, каждый день видят и чувствуют. *84* Сколько теперь горя в мире сём с одними только монетами фальшивыми, да ещё с каждодневными поборами и лихоимством в коммерции, торговле и работе повседневной от тех, кои по произволу своему бедноту любезную притесняют и хлеба её насущного лишают! Каковое нам и вправду претерпевать приходится; но пусть же они осторожны будут, дабы молитвы общей не лишиться[26], и пусть берегутся, чтобы сия частица в "Отче наш" против них не обернулась.

Пятая просьба

85 ***И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.***

86 Сия часть касается нашей бедной и несчастной жизни, которая, хоть мы и имеем слово Божие и веруем в него, волю Его осуществляем и исполняем и живём дарами и благословениями Божиими, всё же без греха не обходится; ибо мы всё ещё каждый день оступаемся и границы преступаем, потому что живём в мире сём среди людей, кои нас много обижают и дают повод к нетерпению, гневу, мщению и т.д.; *87* сверх того, есть у нас диавол за спиной, который со всех сторон на нас наседает и воюет (как мы уже слышали) против всех предыдущих частей молитвы, так что невозможно в такой беспрестанной борьбе всегда стоять неколебимо.

88 Потому опять-таки здесь есть великая нужда молить и взывать: "Отец возлюбленный, прости нам долги наши!" Не то чтобы Он не простил бы грехи и помимо и до нашей просьбы (ибо Он даровал нам Евангелие, которое есть чистое прощение, прежде чем мы о том помолились или хоть раз подумали); но важно, чтобы мы такое прощение осознали и приняли. *89* Ибо поскольку плоть, в которой

мы живём каждодневно, такова, что на Бога не уповает и в Него не верует и постоянно страстям и козням низменным предаётся, так что мы грешим каждодневно словом и делом, действием и небрежением, отчего совесть делается неспокойной, так что боится гнева и немилости Божией, и таким образом лишается утешения и уверенности, из Евангелия черпаемых, постольку необходимо постоянно, чтобы обращались сюда и обретали утешение, дабы совесть снова ободрить.

90 Но сие должно тому служить, чтобы ломал Бог гордыню нашу и держал нас в покорности. Ибо оставил Он за собой ту привилегию, что если кто будет своим благочестием кичиться и других презирать, то чтобы он сам на себя посмотрел и молитву сию пред собою поставил, тогда обнаружит он, что так же мало благочестив, как и другие, и все должны пред Богом склониться и возрадоваться, что мы к прощению приобщаемся. *91* И пусть никто не мнит, пока мы в мире сём живём, того достичь, чтобы он в прощении таковом не нуждался. В общем, если только Он не прощает беспрестанно, мы пропали.

92 Далее, смысл просьбы сей в том, что Бог хотел бы не засчитывать грехи наши и не воздавать нам то, что мы каждый день заслуживаем, но обращаться с нами милостиво и прощать, как Он обещал, и даровать тем самым радостную и безбоязненную совесть, чтобы стоять нам пред Ним и молиться. Ибо коль сердце не расположено правильно к Богу и такую уверенность возыметь не может, оно никогда молиться не осмелится. Однако такая уверенность и в сердце радость ниоткуда произойти не может, если только не знает оно, что грехи ему прощены.

93 Но к сему добавление необходимое и, вместе с тем, утешительное присоединяется: "как и мы прощаем должникам нашим". Он сие обещал, так что мы должны быть уверены, что нам всё прощено и отпущено будет, но только если мы также прощаем ближнего нашего. *94* Ибо как мы каждодневно против Бога премного погрешаем, Он же по благости Своей всё прощает, так и мы должны всегда прощать ближнему нашему, который нам вред,

насилие и несправедливость причиняет, злые козни затевает и т.д. *95* Если ты не прощаешь, то и не думай также, что тебя Бог простит; но если ты прощаешь, то есть у тебя утешение и порука, что тебе на небесах простится, *96* не за твоё прощение; ибо Он совершает сие совсем даром, из чистой милости, потому что Он обещал, как учит Евангелие; но чтобы Ему назначить нам сие для твёрдости и уверенности [нашей], как верный знак, наряду с обетованием, которое с молитвой сей согласно, Лука в гл. 6,37: "прощайте, и прощены будете". Посему также Христос вскоре после "Отче наш" повторяет его и говорит, Мат. 6,14: "Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный" и т.д.

97 Потому такой знак присоединён к молитве сей, что, когда молимся, мы вспоминаем обетование и так думаем: "Возлюбленный Отец, для того я прихожу и молюсь, чтобы Ты меня простил, не оттого, что делами своими могу я удовлетворение дать и заслужить что-либо, но потому, что Ты сие обещал и печать к тому привесил, что наверняка так и быть должно, когда есть у меня отпущение грехов, Тобою Самим произнесённое". *98* Ибо насколько крещение и причастие, будучи как внешние знаки установлены, действие своё оказывают, настолько же и сей знак действенен для укрепления и возвеселения совести нашей, и назначен он прежде других как раз для того, чтобы мы всякий час его употреблять и использовать могли как то, что мы всегда при себе имеем.

Шестая просьба

99 ***И не введи нас во искушение.***

100 Мы уже достаточно слышали, каких хлопот и трудов стоит сохранять всё, что просишь, и сего держаться неизменно, и что без шатаний и спотыканий тут всё же не обходится. К тому же, хотя мы и получили прощение и чистую совесть и оправданы совершенно, всё-таки жизнь так устроена, что сегодня стоишь, а завтра упадёшь. Посему должны мы снова молиться, хотя мы теперь и праведны и с чистой совестью пред Богом предстаём,

чтобы Он не дал нам упасть снова и поддаться соблазну или искушению.

101 Искушение же, или (как наши [нижне]саксонцы исстари называли) "Bekörunge" (совращение уговорами), бывает троякое: от плоти, от мира и от диавола. *102* Ибо во плоти мы живём и на своей шее носим ветхого Адама, который себя проявляет и влечёт нас каждодневно к распутству, лени, обжорству и пьянству, корыстолюбию и мошенничеству, к обману и обсчёту ближнего и, в общем, ко всяким дурным страстям, нам от природы присущим и, сверх того, обществом, примером, слушанием и созерцанием других людей возбуждаемым, кои нередко даже невинное сердце портят и разжигают.

103 Следом идёт мир, словом и делом нас оскорбляющий и ко гневу и нетерпению толкающий. В общем, сие есть не что иное, как ненависть и зависть, вражда, насилие и несправедливость, неверность, месть, брань, ругань, злоречие, спесь и гордыня с чрезмерной пышностью, почестями, славой и властью, где никто не хочет быть самым простым, но желает сидеть на самом верху и быть видным всем и каждому.

104 К тому ещё и диавол добавляется, тоже повсюду подстрекает и нашёптывает; но особенно он старается в том, что касается совести и дел духовных, именно, чтобы слово и дело Божие не уважали и презирали, чтобы ему нас от веры, надежды и любви оторвать и привести к ложной вере, ложной самонадеянности и ожесточению сердца или, наоборот, к отчаянию, отвержению и поношению Бога и другим неисчислимым ужасным вещам. Сии суть силки и сети, более того, настоящие "раскалённые стрелы" (Еф. 6,16), коими не плоть и кровь, а диавол всеядовитейше в сердце стреляет.

105 Сии суть великие, тяжкие опасности и соблазны, кои каждый христианин переносить должен, если бы даже каждый был сам по себе; чтобы мы всегда побуждаемы были всякий час взывать и молить, пока мы в постыдной жизни сей существуем, где нас со всех сторон теснят, преследуют и гонят, чтобы Господь не дал нам устать и

обессилеть и снова впасть в грех, позор и неверие. Ибо иначе невозможно преодолеть даже малейшие соблазны.

106 Сие и означает "не ввести во искушение", когда Он даёт нам крепость и силу сопротивляться, однако искушение не удаляется и не прекращается. Ибо искушения и прельщения не может избежать никто, пока мы во плоти живём и диавол нас окружает, и ничего иного из этого не выйдет, мы должны соблазны претерпеть, более того, побывать в них; но мы о том молим, чтобы нам не свалиться и в них не утонуть.

107 Потому ощущать соблазн – совсем иное дело, нежели на него согласиться или сказать ему "да". Ощущать его мы должны все, хоть и не все одинаково, но одни больше и сильнее, как например, молодёжь прежде всего от плоти; затем, кто взрослеет и стареет, от мира; иные же, с духовными вещами соприкасающиеся, то есть твёрдые христиане, от диавола. *108* Но чувство сие, пока оно противно воле нашей и пока мы охотнее бы от него избавились, не может никому повредить. Ибо если его не ощущают, то и соблазном назвать его нельзя. Дозволяется же он, когда ему волю дают, не противостоят и молитвою не противодействуют.

109 По сей причине мы, христиане, вооружены быть должны и ожидать каждодневно, что мы беспрестанно искушаемы будем, чтобы никто не был так беспечен и небрежен, как будто диавол далеко от нас, но мы должны отовсюду ждать удара и отражать его. Ибо хоть я сейчас непорочен, терпелив, дружелюбен и в твёрдой вере, однако же диавол в сей же час может пронзить моё сердце такою стрелою, что вряд ли я устою. Ибо он такой враг, который не отстанет и не устанет никогда, так что, как только одно искушение прекращается, всегда возникают всё новые и новые.

110 Потому нет ни средства, ни утешения иного, кроме как прибежать сюда, чтобы ухватиться за "Отче наш" и от всего сердца Богу прочесть: "Возлюбленный Отец, Ты призывал меня молиться, не дай мне пасть чрез искушение сие!" *111* Тогда увидишь ты, что будет оно вынуждено отступить и, наконец, сдаться. Иначе, ежели ты

попытаешься себе помочь своим умом и своими средствами, сделаешь только хуже и диаволу больше места оставишь. Ибо у него змеиная голова, которая, где только щель найдёт, туда проскользнуть и может, так что за ней и всё тело пройдёт неудержимо; однако молитва способна его не пропустить и отогнать.

Седьмая или последняя просьба

112 ***Но избавь нас от лукавого. Аминь.***

113 На греческом языке фрагмент сей так гласит: "Избавь или сохрани нас от дурного или злого" и выглядит точно так, словно говорит Он о диаволе, словно хочет Он охватить всё разом, так что вся суть всей молитвы направлена против нашего главного врага. Ибо именно он меж нами всему тому препятствует, о чём мы молимся, имени и славе Божией, царствию и воле Божией, хлебу насущному, радостной, чистой совести и т.д.

114 Посему в заключение мы сие подытоживаем и говорим: "Возлюбленный Отец, помоги же, чтобы нам избавиться от всякого несчастья!" *115* Но не менее того сюда включается также и всё зло, что нас постигнуть может в царстве диавола: нищета, позор, смерть и, короче, всякое злосчастное страдание и горе, коего на земле неисчислимо много. Ибо диавол, так как он не только лжец, но и человекоубийца, беспрестанно на жизнь нашу посягает и злобу свою вымещает, где только может он принести телу нашему несчастие и вред. Отсюда и идёт, что иным он шею ломает или рассудка их лишает, некоторых в воде топит, а многих до того доводит, что они с собой кончают сами, и слишком много других ужасных случаев. *116* Посему нам на земле не остаётся ничего иного, как молиться беспрестанно против сего архиврага; ибо ежели бы нас Бог не хранил, мы бы ни единого часа от него [диавола] в безопасности не были.

117 Отсюда ты снова видишь, как Бог желает, чтобы молились также обо всём, что нас искушает телесно, чтобы нигде не искали и не ждали никакой помощи, как только у Него. Однако сие Он поставил последним; ибо ежели нас

от всякого зла уберечь и избавить надлежит, нужно сперва, чтобы имя Его в нас святилось, царствие Его с нами было и воля Его сбылась. После того Он желает нас до конца уберечь от греха и позора, кроме того, от всего, что нам боль и вред причиняет.

119 Итак, Бог самым наикратчайшим образом представил нам все нужды, кои нас когда-либо преследовать могут, так что у нас совсем нет никакого оправдания, чтобы не молиться. Но при сём важно, чтобы мы также научились к тому добавлять слово "АМИНЬ", то есть, не сомневаться, что она [молитва] наверняка услышана будет и исполнится. Ибо она есть не что иное, как слово неколебимой веры, которая тут не наудачу молится, а знает, что Бог ей не лжёт, *120* потому что Он обещал дать сие. Значит, где нет такой веры, там не может быть и верной молитвы.

121 Посему есть то вредное заблуждение тех, кои так молятся, что не смеют от всего сердца к тому добавить "Да" и уверенно заключить, что Бог слышит, а остаются в сомнении и говорят: "Как же я могу быть столь дерзок и похваляться, что Бог услышал мою молитву? Ведь я же всего лишь несчастный грешник" и т.д.

122 Сие оттого, что они не на обетование Божие смотрят, а на свои дела и собственные достоинства, чем презирают Бога и во лжи упрекают, потому они ничего и не получают, как говорит Св. Иаков (Иак. 1,6–7): "Но да просит с верою, ни мало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой: Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа." Смотри, как много значения придал Бог тому, чтобы мы уверены были, что не напрасно молимся, и никоим образом молитвою нашей не пренебрегали.

Часть четвёртая

О крещении

1 Мы теперь закончили изложение трёх главных частей общего учения христианского. Кроме того, предстоит ещё сказать о наших двух таинствах, Христом установленных, о коих также каждый христианин как минимум краткое общее наставление получить должен, потому что без оного невозможно христианином быть, хотя, к сожалению, до сих пор ничего о сём не преподавалось. *2* Первым же рассмотрим крещение, чрез которое мы впервые в христианство приняты бываем. Однако, дабы можно было как следует сие постичь, собираемся мы разобрать оное по порядку и лишь на том остановиться, что нам знать необходимо. Ибо как сохранять и оборонять его должно от еретиков и сектантов, сие мы учёным предоставим.

3 Первым делом надобно прежде всего остального хорошо знать слова, на коих крещение основано и к коим всё то относится, что о сём сказать необходимо, а именно, когда ГОСПОДЬ Иисус Христос говорит в последней главе от Матфея (Мат. 28,19):

4 ***"Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа."***

А также от Марка в последней главе (Мар. 16,16):

5 ***"Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет."***

6 В сих словах должен ты, во-первых, заметить, что здесь имеется заповедь и установление Божие, дабы не сомневались, что крещение есть дело божественное, не человеком придуманное и вымышленное. Ибо столь же верно, как я могу сказать: Десять заповедей, Символ веры и "Отче наш" никто из людей не выдумал из головы, но Богом Самим они чрез откровение даны, – так и могу я провозгласить, что крещение не есть вздор людской, но Самим Богом установлено, сверх того, серьёзно и строго

заповедано, что мы должны быть крещены, иначе же не спасёмся, дабы не думали, что сие вещь легкомысленная, как будто новое платье надеть. *7* Ибо важнее всего здесь, чтобы крещение прекрасным, великим и возвышенным почиталось, за что мы более всего бьёмся и сражаемся, потому что мир ныне полон сектантов, вопящих, что крещение есть дело внешнее, а внешнее дело бесполезно. *8* Но пусть оно будет делом сколь угодно внешним; однако здесь имеются слово и заповедь Божий, кои крещение учреждают, обосновывают и удостоверяют. А что Бог устанавливает и заповедует, быть должно не тщетным, а истинно драгоценным, будь оно даже по внешности тоньше соломинки. *9* Ежели до сих пор могли ценить высоко, когда папа посланиями и буллами отпущение грехов раздавал, алтари и церкви освящал, единственно из-за посланий и печатей тех, то крещение мы почитать должны много более высоким и драгоценным, так как его Бог заповедал, к тому же оно во имя Его совершается; ибо так гласят слова сии: "Идите, крестите", но не во имя ваше, а во имя Божие.

10 Ибо "во имя Божие крещённым быть" значит не человеком, но Богом Самим быть крещённым. Посему, хотя и совершается сие рукою человека, оно есть всё-таки воистину собственное деяние Божие, из чего каждый сам вполне заключить может, что оно много выше, нежели любое деяние, человеком или святым совершённое. Ибо какие ещё деяния большие свершить можно, нежели деяние Божье?

11 Но здесь диавол всё старание своё прилагает, чтобы ему нас ложным блеском ослепить и от деяний Божиих к деяниям нашим увести. Ибо много более драгоценный вид имеет то, что картузианец весьма тяжкие и великие деяния совершает, и более ценится всеми то, что мы сами совершаем и заслуживаем. *12* Но Писание так учит: ежели даже деяния всех монахов в одну кучу свалить, какой бы драгоценностью ни сияли они, всё равно они не были бы столь же благородны и хороши, как если бы Господь подобрал соломинку одну с земли. Почему? Потому что персона благородней и лучше. Ведь тут надо не личность чтить по делам, а дела по личности, от

коей они достоинство своё восприять должны. *13* Но рассудок взбесившийся сего ценить не желает, и поскольку не блестит оно так, как деяния, нами совершаемые, то за ничто и почитается.

14 Вот и учись отсюда верное понятие извлекать и отвечать на вопрос, что такое крещение, так именно, что сие есть не одна простая вода, но вода, в слово и заповедь Божию заключённая и тем самым освящённая, так что она есть не что иное как Божия вода; не потому что вода сия сама по себе благороднее, чем вода иная, но оттого, что слово и заповедь Божия к ней прибавляется.

15 Посему есть то чистое мошенничество и диавольское издевательство, что ныне наши новые духи, дабы крещение опорочить, слово и установление Божие от него отрывают и ничего иного не видят, кроме воды, из колодца черпаемой, и потом злословят: "Чем пригоршня воды душе помочь может?" *16* Да, милый, кто ж того не знает, что вода есть вода, ежели её считать отдельно от другого? Но как смеешь ты сим в установление Божие соваться и лучшую драгоценность отрывать, с коей Он её [воду] соединил и коею оправил и не желает, чтобы она отделялась? Ибо сие в воде самое главное есть, слово, или заповедь Божия, и имя Божие, каковое сокровище больше и благороднее, нежели небо и земля.

17 Так уразумей же то различие, что крещение совсем иное дело, нежели всякая прочая вода: не из-за сущности природной, но оттого, что здесь нечто благородное прибавляется; ибо Сам Бог к тому славу Свою присовокупляет, силу и мощь Свою прилагает. Посему есть то не одна лишь вода природная, но вода божественная, небесная, святая и благословенная, и как только ещё её восславить можно, всё благодаря слову, которое есть слово небесное, святое, коего восславить в должной мере никто не может; ибо всё, что есть Божьего, имеет оно и может. *18* Отсюда оно [крещение] также и ту сущность свою имеет, что оно таинством называется, как учил и Св. Августин: "Accedat verbum ad elementum et fit sacramentum"; то есть, когда слово к элементу или естественной сущности присоединяется, то из сего

таинство выходит, то есть святая, божественная вещь и знак.

19 Посему мы всегда учим, что таинства и все внешние вещи, кои Бог назначает и устанавливает, оценивать надлежит не по грубой их личине внешней, как у ореха видят скорлупу, но так, что в них заключено слово Божие.

20 Ибо так же мы говорим и об отцовском и материнском состоянии и о власти светской. Если их рассматривать будут как нос, глаза, кожу, мясо и кости имеющих, то выглядят они так же, как турки и язычники, и мог бы кто-то явиться и сказать: "Почему должен я уважать их больше, нежели других?" Поскольку же к тому присоединяется заповедь: "Почитай отца твоего и мать твою", то вижу я человека иного, величием и славою Божией украшенного и в них облечённого. Заповедь (говорю я) есть цепь золотая, которую он на шее носит, лучше сказать – корона на главе его, нам указующая, как и почему сию плоть и кровь чтить надлежит.

21 Так же и ещё много более того должен ты крещение чтить и славным его почитать слова сего ради как то, что Он как словами, так и деяниями Своими почтил и ещё к тому же чудесами с небес подтверждает. Ибо неужто полагаешь ты шуткою, что, когда Христос крестился, небеса разверзлись, Дух Святой зримо ниспускался, и была только слава и величие Божие?

22 По сей причине вновь увещеваю я, чтобы ни за что на свете не допускалось слова и воды разделение и отделение одного от другого. Ибо где слово от неё отделяют, там сие есть не что иное, как та вода, на коей служанка пищу готовит, и можно вполне то крещением банщиковым назвать, но ежели оно [слово] при том присутствует, как сие Бог определил, тогда сие есть таинство и называется сие крещением Христовым. Сие да будет пункт первый о сущности и достоинстве сего таинства святого.

23 Во-вторых, поскольку мы теперь знаем, что такое крещение и как его понимать надобно, мы должны также узнать, почему и зачем оно установлено, то есть какую пользу приносит, что даёт и что творит. Сие невозможно

постичь лучше, нежели из слов Христа, выше приведённых, а именно: "Кто будет веровать и креститься, спасён будет." *24* Посему уразумей сие проще всего так, что сила, действие, польза, плод и цель крещения в том, что оно спасает. Ибо никого не крестят для того, чтобы стал он князем, но, как гласят слова сии, чтобы спасён был.

25 Однако хорошо известно, что спасённым быть не что иное значит, как от греха, смерти и диавола избавленным в царство Христово войти и с Ним пребывать вечно.

26 Вот снова видишь ты, сколь дорогим и ценным крещение почитать надлежит, так как в нём мы такое несказанное сокровище приобретаем, что также хорошо показывает, что не может оно одной лишь простою водою быть. Ибо одна лишь вода не могла бы такое творить; но сие творит слово и то, что (как выше сказано) имя Божие в ней есть. *27* Но где есть имя Божие, там должны быть также жизнь и спасение, так что она по праву божественною, благословенною, плодотворною и благодатною водою зовётся; ибо чрез слово обретает оно [крещение] силу, так что [оно] банею возрождения является, как его и Св. Павел именует в послании к Титу (Тит. 3,5).

28 На то же, что наши умствователи, духи новые, утверждают, будто лишь вера спасает, дела же и вещи внешние ничего для сего не значат, мы отвечаем, что, без сомнения, ничто в нас не действует, кроме веры, как мы ещё далее услышим. *29* Однако того слепые поводыри сии видеть не желают, что должно быть у веры то, во что ей верить, то есть чего ей придерживаться и на чём стоять и основываться. Так и привержена вера воде и верит, что сие есть крещение, в котором истинное спасение и жизнь, не чрез воду (как уже сказано достаточно), но чрез то, что [оно] со словом и установлением Божиим слито и имя Его в нём присутствует неразделимо. Ежели же я в сие верую, то во что я верую, как не в Бога, в Того, Кто слово Своё туда вложил и насадил и нам сию вещь внешнюю предлагает, в коей мы сокровищем таким овладеть можем?

30 Они же столь сумасбродны, что одно от другого отделяют, веру и вещь, к коей вера прилепилась и привязана, хоть та и внешняя. Да, она внешней быть

должна и обязана, дабы можно было её чувствами постичь и познать и чрез сие в сердце принести, подобно тому как всё Евангелие есть внешняя проповедь изустная. В общем, что Бог в нас совершает и творит, то Он творить желает чрез такие установления внешние. Где, значит, Он говорит, вернее, во что и чрез что Он речь Свою направляет, на то и вера должна смотреть и того придерживаться. Вот здесь есть у нас слова: *31* "Кто будет веровать и креститься, спасён будет." К чему же иначе сказаны они, как не ко крещению, то есть воде, в установление Божие помещённой? Потому следует отсюда: кто крещение отвергает, тот отвергает слово Божие, веру и Христа, Который нас туда направляет и ко крещению привязывает.

32 В третьих, поскольку познали мы крещения пользу и силу великую, то давайте же далее посмотрим, какова есть та персона, которая крещением даруемое и пользу, им приносимую, восприемлет. *33* И вновь сие прекраснейшим и яснейшим образом теми же словами выражается: "Кто будет веровать и крестится, спасён будет". То есть одна лишь вера делает персону достойною сию воду благотворную, божественную восприять с пользою. Ибо когда сие здесь в словах наряду и вместе с водою предлагается и обетуется, воспринято может оно быть не иначе, как чтобы мы сердцем в таковое верили. *34* Без веры нет в нём пользы, хотя само по себе оно есть преизобильнейшее сокровище божественное. Потому одно слово ("кто будет веровать") столь сильно, что исключает и отметает оно все деяния, кои мы совершать можем, полагая сим спасение приобрести и заслужить. Ибо несомненно: что не есть вера, то ничего не прибавляет, ничего же и не восприемлет.

35 Они же, однако, говорят, по обыкновению своему: "Но ведь крещение само тоже деянием является; а ты говоришь, что деяния ничего для спасения не значат, так где же вера остаётся?" Ответ: Да, конечно, деяния наши ничего для спасения не совершают, крещение же есть не наше, но Божие деяние (ибо надобно будет тебе, как сказано, весьма хорошо отличать крещение Христово от крещения банщикова); деяния же Божий благотворны и для спасения необходимы и не исключают, а требуют

веры; ибо без веры их воспринять невозможно. *36* Ибо тем, что ты даёшь себя водою облить, ты ещё не принимаешь и не сохраняешь крещение так, чтобы оно тебе какую-то пользу принесло; но принесёт оно тебе пользу, ежели ты с той мыслию крестить себя даёшь, согласно велению и установлению Божию, сверх того, во имя Божие, чтобы тебе в воде принять спасение обетованное. Так вот, такое ни рука, ни тело совершить не может, но сердце должно в то верить.

37 Итак, ясно видишь ты, что это не деяние, нами совершаемое, но сокровище, которое даёт нам Он, а вера принимает: равно как ГОСПОДЬ Христос на кресте есть не деяние, но сокровище, в Слово оправленное и нам предлагаемое и чрез веру принимаемое. Потому творят они над нами несправедливость, против нас вопия, будто мы проповедуем противно вере, хотя мы же только лишь на ней и настаиваем, как на столь при сём необходимой, что без неё [веры] ничто ни воспринимаемо, ни употребляемо быть не может.

38 Таким образом, у нас есть три пункта, кои о таинстве сём ведать следует, особенно же, что установление Божие почитать всемерно надлежит, чего одного довольно было бы, пусть даже это вещь целиком внешняя, равно как заповедь: "Почитай отца твоего и мать твою" единственно в отношении плоти и крови телесной установлена, но в ней не плоть и кровь, но заповедь Божию усматривают, в которую они заключены и коей ради плоть сия отцом и матерью зовётся: так же, если бы мы ничего более не имели, кроме сих слов: "Идите и крестите" и т.д., то мы должны были бы всё-таки их как установление Божие воспринимать и исполнять. *39* Тут присутствует не только заповедь и повеление, но также и обетование. Потому сие намного прекрасней, нежели что-либо иное, Богом заповеданное и установленное. В итоге, столь обильны утешение и милость, что не способны их объять небо и земля. *40* Но штука в том, чтобы в сие верили; ибо нехватка не в сокровище, а недостаёт того, чтобы его восприяли и держали крепко.

41 Потому о крещении каждому христианину на всю его жизнь хватит что учить и в чём упражняться; ибо всегда есть у него забота, чтобы твёрдо верить в то, что оно [крещение] обещает и приносит: [в] победу над диаволом и смертью, прощение грехов, милость Божию, всего Христа и Духа Святого с дарами Его. *42* В общем, сие столь безмерно, что, ежели бы натура слабая могла о том поразмыслить, пришлось бы ей засомневаться, может ли сие правдою быть. *43* Ибо рассуди: ежели бы где-то был врач, знающий такой секрет, чтобы люди не умирали или, даже если бы и умирали, однако же скоро бы оживали и потом жили вечно, то как стал бы мир валить и сыпать деньги, так что из-за богатеев никто и подступиться бы не мог [к тому врачу]! А тут в крещении каждому к порогу его приносится даром такое сокровище и лекарство, которое смерть поглощает и всем людям жизнь сохраняет.

44 Итак, надлежит к крещению обращаться и пользу для нас извлекать тем, что мы сим укрепляемся и утешаемся, если отягощают нас грехи и совесть наша, и говорим: "И всё же я крещён; если же я крещён, то обещано мне, что буду я спасён и будет у меня жизнь вечная душе и телу." *45* Ибо потому при крещении то и другое происходит: тело обливается, каковое ничего более восприять не может, кроме воды, и, сверх того, слово произносится, дабы [его] душа тоже восприять могла. *46* Поскольку же оба, вода и слово, одно крещение составляют, то должны также оба, тело и душа, спастись и жить вечно: душа чрез слово, в которое верит она, тело же потому, что оно с душою едино и тоже крещение воспринимает, как оно воспринимать его способно. Потому нет у нас для нашего тела и души большей драгоценности; ибо чрез него [крещение] становимся мы совершенно святы и блаженны, чего иначе никакая жизнь, никакое деяние на земле снискать не может.

Сего да будет же достаточно сказано о сущности, пользе и употреблении крещения, насколько здесь уместно.

О крещении детей

47 Сюда же относится один вопрос, коим диавол через шайки свои мир с толку сбивает: о крещении детей, то есть веруют ли они тоже и получают ли крещение истинное. *48* На это скажем мы коротко: Кто умом прост, тот уклонись от вопроса сего и отошли его к учёным. Но ежели ответить желаешь, то отвечай так; *49* "Что крещение детей Христу угодно, доказывается достаточно собственным деянием Его, именно, тем, что Бог из них многих святыми делает и Духа Святого им дал, кои таким образом крещены были, и ныне ещё много тех, по коим видно, что они Духа Святого имеют, как по учению, так и по житию [их]; как и нам по милости Божией дано, что мы даже можем Писание толковать и Христа познавать, каковое без Духа Святого происходить не может. *50* Ежели бы не принимал Бог крещения детей, то не дал бы Он из них никому ни Духа Святого, ни даже доли Его; значит, во все времена до дня сего ни один человек на земле христианином бы не был. Поскольку же Бог крещение удостоверяет вдохновением Духа Своего Святого, как то по некоторым отцам церкви, как например, Св. Бернар[27], Жерсон[28], Ян Гус[29] и другим, кои в детстве крещены были, хорошо видно, и святая христианская Церковь до конца света не угасает, то мы признать должны, что такое детей крещение угодно Богу. Ибо ведь не может же Он против Себя Самого идти или ложь и мошенничество поддерживать, да ещё к тому милость Свою и Дух Свой присовокуплять. *51* Сие есть едва ли не лучшее и сильнейшее доказательство для простых и неучёных. Ибо не отнять у нас и не опровергнуть сего артикула: "Я верую в ЕДИНУЮ святую христианскую церковь, в общение святых" и т.д.

52 Засим говорим мы далее, что для нас не самое важное, верует или не верует крещаемый; ибо оттого не делается крещение неистинным, *53* но всё сие зависит от слова и заповеди Божией. Сие, пожалуй, несколько мудрёно, но на том основано, что уже говорил я, что крещение есть не что иное, как вода и слово Божие, одно при другом и вместе с другим; то есть ежели при воде есть слово, то крещение истинно, пусть даже вера к тому не

присоединяется; ибо вера моя не творит крещение, но воспринимает его. И не становится крещение оттого неистинным, даже если оно не принимается или не употребляется верно, потому что оно (как сказано) не к вере нашей привязано, а к Слову.

54 Ибо даже если бы сегодня пришёл иудей, притворяясь лукаво и с умыслом недобрым, а мы бы его со всею серьёзностью крестили, то должны мы, тем не менее, сказать, что крещение истинным было. Ибо здесь есть вода вместе со словом Божиим, хотя он и не принимает его, как должен принимать; подобно тому, как те, что недостойно к причастию приходят, таинство истинное принимают, хоть и не веруют. *55* Итак, ты видишь, что духов раскола возражение никуда не годится. Ибо (как сказано), даже если бы дети не веровали, что, однако же, не так, как только что доказано, всё равно крещение истинным было бы, и никто их снова крестить не должен; так же, как таинство [алтаря] нисколько не умалится, если кто придёт с умыслом недобрым, и нельзя терпеть, чтобы он его [причастие], из-за своего злоупотребления предыдущего, в тот же самый час снова принял, как будто перед тем он таинство принял неистинно; ибо означало бы сие наихудшим образом таинство запятнать и опорочить. Как же смеем мы до мысли дойти, что слово и установление Божие неистинным и недействительным быть должно оттого лишь, что неверно мы его употребляем? *56* Посему я говорю: Ежели ты не веровал, то уверуй отныне и говори так: "Крещение совершенно истинным было, но я его, к сожалению, принял неверно." Ибо и я сам, и все, себя крестить дающие, должны так говорить пред Богом: "Я прихожу сюда в вере моей и также других, и всё же не могу я на то полагаться, что я верую и многие люди за меня молятся, но на то полагаюсь я, что сие есть слово и повеление Твоё; подобно тому как и к таинству [алтаря] иду я не по вере моей, но по слову Христову, будь я силён или слаб, сие я на Бога возлагаю. Но то я знаю, что велит Он мне приходить, есть и пить и т.д. и дарует мне тело Своё и кровь Свою; и сие меня не обманет и не солжёт мне.

57 Так же поступаем мы и с крещением детей: дитя мы приносим, полагая и надеясь, что верует оно, и просим, чтоб дал ему Бог веру; но крестим его мы не посему, но единственно потому, что Бог повелел. Отчего же? Оттого, что знаем –Бог не лжёт: я и ближний мой и, в общем, все люди могут ошибаться и лгать, но слово Божие ошибаться не может.

58 Потому тем более самонадеянны и беспомощны те духи, кои такой вывод и заключение делают: Где вера не истинна, там не должно и крещение истинным быть. Прямо как если бы я заключить вздумал: Ежели я не верю, то и Христос – ничто, или же так: Ежели я не послушен, то отец, мать и начальство – ничто. Разве же верно заключение, что если кто-то не делает того, что делать обязан, то дело само по себе есть ничто и ничего не стоит? *59* Милый, обрати сие и лучше так скажи: Как раз потому крещение есть нечто и оно истинно, что неистинно принято. Ибо ежели бы оно само по себе истинным не было, то невозможно было бы ни злоупотреблять его, ни погрешать против него. Говорится же: "Abusus поп tollit, sed confirmat substantiam", "Злоупотребление не устраняет сущности, но подтверждает её." Ибо золото остаётся не меньше золотом, хоть носит его мошенница вместе с грехом и позором своим.

60 Посему пусть установлено окончательно будет, что крещение всегда истинным и во всей сущности своей остаётся, хотя бы лишь один человек крещён был и, к тому же, по-настоящему не верил. Ибо установление и слово Божие не позволено сделать ни исправляемым, ни изменяемым людьми. *61* Они же, духи прелести, столь ослеплены, что слова и установления Божия не видят, а крещение и начальство принимают не более как за воду в ручье и горшке либо за любого другого человека, и поскольку они ни веры, ни послушания не видят, то для них оно [крещение и начальство] само по себе также ничего не стоит. *62* Вот тут и диавол тайный, мятежный обретается, который с великой радостью у власти корону бы вырвал, чтобы затем ногами она попиралась, сверх того, все деяния и установления Божий нам бы извратил и в ничто обратил. *63* Потому должны мы бдительны и во

всеоружии быть и не позволить себя от Слова увести и отвратить, чтобы мы не дали крещению одним лишь пустым знаком быть, как о том духи прелести мечтают.

64 Напоследок надо также знать, что означает крещение и почему Бог установил именно таковые внешние знак и действие для таинства, коим нас впервые в христианство принимают. *65* Деяние же, или действие внешнее, состоит в том, что нас в воду погружают, которая нас целиком покрывает, а затем снова вытаскивают. Сии две вещи, под воду погружение и снова наружу появление, силу и действие крещения обозначают, каковое есть не что иное, как ветхого Адама умерщвление, затем нового человека воскресение, каковые оба на протяжении жизни нашей в нас происходить должны, так что жизнь христианская есть не что иное, как крещение каждодневное, однажды начатое и всегда в ней происходящее. Ибо должно беспрерывно так делаться, чтобы всегда выметалось то, что есть от ветхого Адама, и появлялось новому присущее.

66 Что же такое ветхий человек? Сие есть тот, кто нам врождён от Адама, гневливый, ненавистливый, завидливый, нецеломудренный, алчный, ленивый, чванливый, одним словом, неверующий, всеми пороками преисполненный и от природы ничего доброго в себе не имеющий. *67* Когда же мы в царство Христово приходим, подобное должно день ото дня уменьшаться, чтобы нам чем далее, тем добрее, терпимее, смиреннее становиться, неверию, алчности, ненависти, зависти, гордыне всё более убытка причинять.

68 Таково правильное употребление крещения у христиан, водным крещением обозначаемое. Если же таковое не совершается, а с ветхого человека узда снимается, так что он только сильнее делается, сие называется не крещение употреблять, а против крещения стараться. *69* Ибо те, кто вне Христа, ничего иного делать не могут, как день ото дня всё хуже становиться, как и поговорка гласит, и сие есть правда: "Всё хуже; чем дальше, тем злее." *70* Если кто в прошлом году заносчив и жаден был, то ныне он намного более жаден и заносчив,

так что порок с юности вместе с ним растёт и развивается. Малое чадо никаких особенных пороков в себе не имеет; когда же оно вырастает, то становится безнравственным и нецеломудренным; а когда в совершенные лета приходит, то настоящие пороки начинаются, и чем дальше, тем больше. *71* Посему ветхий человек в природе своей удержу не знает, ежели силою крещения не сдерживается и не подавляется. Напротив, где христианами становятся, там он убывает каждодневно до тех пор, пока совсем не исчезнет. Сие называется истинно в крещение погружаться и каждодневно снова наружу появляться. *72* Таким образом, внешний знак сей установлен, чтобы не только воздействовать мощно, но также и нечто символизировать. *73* Где же присутствует вера с плодами её, там оно [крещение] не одно только изображение символическое, но, вместе с тем, и действие [умерщвление плоти]; но где нет веры, там только голый символ бесплодный остаётся.

74 И здесь ты видишь, что крещение и силой, и символикой своею охватывает также и третье таинство[30], каковое покаянием названо, так как оно, в сущности, есть не что иное, как крещение. *75* Ибо что же иное покаянием называется, если не натиск серьёзный на ветхого человека и не в новую жизнь вступление? Посему, если ты в покаянии живёшь, то пребываешь ты в крещении, которое сию жизнь новую не только символизирует, но также творит, начинает и движет; *76* ибо даётся в нём милость, Дух и сила превозмочь человека ветхого, дабы новый явился и в силу вошёл.

77 Посему крещение навсегда остаётся, и даже если кто-то отпадает от него и грешит, всё же всегда есть у нас доступ к тому, чтобы ветхого человека вновь себе подчинить. *78* Но водою нас больше обливать не нужно; ибо пусть себя дадут хоть стократно в воду погрузить, всё равно будет сие не более чем одно крещение; действие же и значение символическое пребывает и остаётся. *79* Таким образом, покаяние есть не что иное, как возвращение [обратно] и воссоединение с крещением, так что повторяют и далее движут то, что уже прежде начато было и от чего, однако, отказались.

80 Сие говорю я для того, чтобы кто-нибудь ко мнению не пришёл, в коем мы долгое время пребывали, воображая, что крещение теперь уже пропало, так что пользоваться им более нельзя, после того как мы снова в грех впали. Сие к тому ведёт, что на него смотрят не более как на действие, единожды совершённое. *81* А отсюда воистину то следует, что написал Св. Иероним: "Покаяние есть доска вторая, на коей мы должны выплыть и переправиться после того, как разбился корабль, на который мы вступаем и плывём, когда в христианство приходим." *82* Сим у крещения употребление отнимается, так что оно пользу нам приносить более не может. Потому неверно сказано, или же, по меньшей мере, неверно понято сие; ибо корабль не разбивается, потому что он (как сказано было) есть установление Божие, а не деяние наше; но случается, правда, что мы поскользнёмся и выпадем; кто же выпадет, тот смотри, чтобы снова подплыть и за него держаться, пока вновь на него не взойдёт и в нём не пребудет, как прежде начал.

83 Таким образом, видно, сколь великая, превосходная вещь есть крещение, которое нас у диавола из глотки вырывает, Богу своими делает, грех подавляет и удаляет, затем каждодневно человека нового укрепляет и всегда пребывает и остаётся, до тех пор пока из юдоли сей не придём мы к славе вечной. *84* Потому каждый должен крещение сохранять как одеяние своё повседневное, в котором всегда ходить он должен, чтобы всё время в вере и плодах её находиться, дабы человека ветхого подавлять и в новом возрастать. *85* Ибо ежели хотим мы христианами быть, то должны мы то деяние совершить, коему благодаря христиане мы; *86* если же кто отпадёт, то пусть вернётся снова. Ибо как Христос, престол благодати, не отступается от нас и не возбраняет нам снова к Нему придти, хоть мы и грешим, так же и сокровища и дары Его остаются. Ежели единожды прощение грехов в крещении обретено, оно сохраняется каждодневно, пока мы живы, то есть пока человека ветхого на шее своей носим.

Часть пятая

О таинстве причащения

1 Как мы прослушали о крещении святом, так должны мы поговорить также и о другом таинстве, а именно, о трёх пунктах: что сие такое, какую пользу приносит и кто его воспринимать должен. И всё сие словами [Писания] удостоверяется, чрез кои Христом оно установлено, *2* каковые знать должен каждый, кто христианином быть и к таинству причащения приходить желает. Ибо и не помышляем мы к нему допускать и приобщать тех, кои не ведают сами, чего они здесь ищут или зачем приходят[31]. Слова же сии таковы[32]:

3 Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и возблагодарив преломил и сказал: "приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в моё воспоминание".

И взяв нашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из неё все; Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов. "Сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание".

4 Здесь тоже намерены мы не в волосы вцепляться и бой давать таинства сего поносителям и хулителям, но выяснить сперва, что здесь всего важнее (как и о крещении), а именно, что главнейший пункт есть слово Божие и установление, или повеление, Его; ибо никем из людей сие не придумано и не заведено, но без чьего-либо совета и помышления Христом установлено. *5* Посему, как Десять заповедей, "Отче наш" и Символ веры в сущности и ценности своей пребывают, ежели даже ты никогда не соблюдаешь их, не молишься и не веруешь, так и сие таинство досточтимое незыблемым остаётся, так что у него ничего не убывает и не отнимается, даже если и недостойно мы его употребляем и с ним поступаем, *6* Ужели ты думаешь, что Бог нашего деяния или веры нашей испрашивает, дабы Ему из-за того пришлось позволить установление Своё менять? Однако же во всех мирских делах всё так пребывает, как то сотворил и

установил Бог, неважно, как мы оное употребляем и с ним поступаем. *7* Сие всегда внушать следует, ибо тем самым можно отвергнуть болтовню решительно всех духов раскола; ибо рассматривают они таинства отдельно от слова Божия, как нечто нами совершаемое.

8 Что же такое таинство алтаря? Ответ: Сие есть истинное тело и кровь Господа [нашего Иисуса] Христа, в хлебе и вине и с ним (in und unter dem Brot und Wein) нам, христианам, словом Христовым есть и пить заповеданное. *9* И как сказано было о крещении, что оно не простая вода, так и здесь мы говорим, что таинство причащения есть хлеб и вино, но не просто хлеб и вино, кои в других случаях к столу подаются, а хлеб и вино, в слово Божие оправленное и с ним соединённое.

10 Именно слово (говорю я) таинство сие творит и отличить позволяет, что сие не просто хлеб и вино, но есть и называется тело и кровь Христова. Ибо говорится: "Accedat verbum ad elementum et fit sacramentum"; "Когда слово к вещи внешней присоединяется, получается таинство." Сие изречение Св. Августина столь точно и хорошо, что вряд ли он что-либо лучше сказал. Слово должно элемент таинством делать; если же нет, то остаётся он просто элементом. *11* Сие же не князя или императора, но Высшего Величества слово и установление, пред коим все создания должны падать ниц и говорить "слушаюсь", да будет так, как Он велит, и со всем почтением, страхом и смирением внимать.

12 Сим словом можешь ты совесть свою укрепить и говорить: Если сто тысяч диаволов со всеми духами прелести вместе набросятся: "Как может хлеб и вино быть телом и кровью Христовой?" и т.д., то знаю я, все духи и знатоки, вместе взятые, не столь умны, сколь мизинец Его Величества Божественного. *13* Вот же есть слово Христово: "Примите, ядите: сие есть Тело Мое", "Пейте из неё все; Ибо сие есть Кровь Моя нового завета" и т.д. На том стоим мы и хотели бы на сих посмотреть, кто Его поправлять будет и делать иначе, нежели сказал Он. *14* Совершенно верно, что ежели Ты слово от таинства отнимешь или его без слова рассмотришь, то не будет у

тебя ничего, кроме хлеба и вина простого; однако же если они [слова установления] при сём присутствуют, как надлежит и положено им, тогда, оным [словам] согласно, сие есть истинное тело и кровь Христова. Ибо как уста Христовы говорят и свидетельствуют, так оно и есть, поскольку не могут они ни лгать, ни обманывать.

15 Отсюда уже легко ответить на вопросы всяческие, коими ныне озабочены, как например: Может ли и порочный проповедник таинство совершать и подавать, и ещё множество подобных. *16* Ибо здесь мы черту подводим и говорим: Пусть даже и негодяй таинство сие принимает или подаёт, всё равно принимает он таинство истинное, то есть тело и кровь Христову, точно так же, как и тот, кто с ним наидостойнейшим образом поступает. Ибо основано оно не на святости людской, но на слове Божием; и как ни один святой, более того, ни один ангел на небесах превратить хлеб и вино в тело и кровь Христову не способен, так и не может никто сие изменить или переиначить, даже если оным и злоупотребляют. *17* Ибо из-за человека либо неверия не делается ложным слово, чрез которое сие таинством стало и учреждено было. Ибо не говорит Он: "Если веруете вы или достойны, вот вам тело и кровь Моя", но: "Примите, ядите: сие есть Тело Мое и Кровь Моя"; а также: "Сие творите" (а именно то, что творю Я сейчас, учреждаю, вам подаю и принять велю). *18* Сие есть то же самое, что сказать: "Всё равно, недостоин ты или достоин, у тебя здесь есть тело и кровь Его в силу слов сих, к хлебу и вину присовокупляемых." *19* Сие уясни и запомни только хорошенько; ибо в сих словах вся наша опора, охрана и защита против всех заблуждений и соблазнов, какие только появились или появиться могут.

20 Итак, вкратце есть у нас пункт первый, относящийся к существу таинства сего. Обрати же далее внимание на силу и пользу, для коей, собственно, и установлено таинство, и на то, что же есть самое в нём необходимое, дабы знать, что мы тут искать и обрести должны. *21* Сие же ясно и легко понято быть может как раз из слов, ранее упомянутых[33]: "Сие есть Тело Мое и Кровь Моя, за вас предаваемые и изливаемые во оставление [отпущение] грехов". *22* Говоря кратко, означает сие: Мы для того к

таинству приходим, чтобы здесь такое сокровище принять, в котором и чрез которое получим мы прощение грехов. Почему же? Потому, что слова сии так сказаны и нам сие дают; ибо для того велит Он мне есть и пить, чтобы сие моим было и мне пользу приносило, как залог верный и знак, более того, именно то благо, каковое для меня установлено против грехов моих, смерти и всякого несчастья.

23 Посему оно пищею души справедливо называется, которая человека нового питает и укрепляет. Ибо чрез крещение мы сперва возродимся, но наряду с тем (как сказано было), остаётся всё же у человека старая шкура во плоти и крови; тут столь много помех и соблазнов от диавола и мира, что мы часто устаём и слабеем, а временами и оступаемся.

24 Затем дано [нам] оно для кормления и питания каждодневного, чтобы вера силы свои восстанавливала и укреплялась, чтобы в борьбе такой она опрокинута не была, но всегда становилась всё сильнее и сильнее. *25* Ибо жизнь новая так устроена быть должна, чтобы возрастала и распространялась она постоянно, однако много же против того претерпеть ей приходится. *26* Ибо столь ярым врагом нашим диавол является; когда он видит, что противятся ему и на человека ветхого наступают, и что он силою никак нас одолеть не может, то крадётся и бродит он там и сям со всех сторон, все ухищрения испробует и не отстанет, пока, наконец, нас не уморит до того, что либо от веры отказываются, либо руки опускают и охоту либо терпение теряют. *27* На то и даётся утешение, когда сердце чувствует, что вот-вот ему слишком тяжело станет, дабы оно здесь новую силу и бодрость получило.

28 Но здесь опять выкручиваются духи наши умнейшие со своею учёностью и мудростью великой, кои кричат и вопиют: "Как же может хлеб и вино грехи прощать или веру укреплять?", однако слышат и знают, что мы говорим подобное не о хлебе и вине, поскольку сам по себе хлеб есть хлеб, но о таком хлебе и вине, которое есть тело и кровь Христова и слова сии при себе имеет. Сие, говорим мы, и есть именно то сокровище и ничто другое, чрез

которое прощение таковое приобретается. *29* Ведь нам сие приносится и даруется не иначе как в словах "За вас предаётся и изливается"; ибо в них ты имеешь и то, и другое: и что сие есть тело и кровь Христова, и что сие твоим является как сокровище и как дар. *30* Ведь не может же тело Христово быть чем-то бесплодным, напрасным, ничего не творящим и пользы никакой не приносящим. Однако сколь ни велико сие сокровище само по себе, всё же должно быть оно в слово заключено и нам подано; иначе не способны мы были бы ни познать, ни искать его.

31 Потому также есть то вздор пустой, что говорят они: тело и кровь Христова в причащении за нас не предаётся и не изливается, а посему-де в таинстве сём прощение грехов получить невозможно. Ибо хотя деяние на кресте свершилось и прощение грехов приобретено, всё же до нас оно дойти не может иначе, как чрез слово. Ибо что бы мы знали в противном случае о том, что таковое свершилось либо нам даровано быть должно, ежели бы не было донесено сие чрез проповедь или слово изустное? Откуда знают они сие, или как могут они прощение восприять и оным овладеть, если они Писания и Евангелия не придерживаются и в них не веруют? *32* Ведь и всё Евангелие и Символ веры: "Я верую в единую святую христианскую Церковь, ... отпущение грехов" и т.д. чрез слово в таинство сие вкладывается и нам предлагается. Почему же должны мы позволить сокровище такое из таинства вырвать, если они всё же признать принуждены, что оно суть ровно те слова, кои мы повсюду в Евангелии слышим, и так же не могут они сказать, что слова сии в таинстве без всякой пользы, как не посмеют они говорить, что всё Евангелие, или слово Божие, вне таинства бесполезно?

33 Таким образом, есть у нас всё таинство – и то, чем оно само по себе является, и то, что даёт оно и в чём польза его. Теперь же надо ещё увидеть, кто есть та персона, которая силу и пользу такую приемлет. Сие самым кратким образом, как выше о крещении и в иных местах часто говорилось, можно так выразить: кто в сие верует, тот и получает словами сими возглашаемое и доставляемое. Ибо не камню или дереву говорятся и

возвещаются они, но тем, кто их слышит, кому говорит Он: "Примите и ядите" и т.д. *34* И потому что Он грехов прощение предлагает и обетует, не может сие иначе воспринято быть, нежели чрез веру. Веры такой требует Сам Он в слове сём, когда говорит Он: "За вас предаваемое и за вас изливаемая"; как будто сказал Он: "Затем даю Я вам сие и велю вам есть и пить, чтобы вы сие восприяли и сим воспользовались". *35* И кто позволяет, чтобы сие ему сказано было, и верует, что истинно оно, тот сие приобрёл; кто же не верует, у того нет ничего, – как у того, кто даёт предлагать себе сие понапрасну и таковым благом целительным воспользоваться не желает. Сокровище сие вполне доступно и каждому к порогу, более того, даже на стол положено; но требуется, чтобы и ты его принял и верным полагал, как слова сии тебе говорят.

36 Вот и всё приготовление христианское к принятию достойному таинства сего. Ибо поскольку сокровище сие целиком в словах предоставляемо, то невозможно его постичь и усвоить иначе, нежели сердцем. Ибо рукою не ухватить такой дар и сокровище вечное. *37* Пост, молитва и т.д. приготовлениями внешними и для детей упражнениями служить, пожалуй, могут, чтобы тело наше в отношении тела и крови Христовой пристойно и благоговейно себя вело и содержало; однако того, что в них и с ними даруется, тело восприять и усвоить не может. *38* Вера же его сердцу своим делает, сердцу, которое сокровище таковое в нём признаёт и овладеть им жаждет. Сего да будет довольно об этом таинстве для наставления общего; ибо что ещё о том сказать можно, в иное время будет уместно.

39 Под конец, поскольку есть теперь у нас верное понятие и учение о таинстве сём, весьма необходимо также поощрить и побудить к тому, чтобы не пропускали понапрасну такое сокровище великое, которое каждодневно среди христиан совершается и уделяется, то есть, чтобы христианами стать желающие приготовлялись таинство сие высокочтимое часто принимать. *40* Ибо мы видим, что относятся к сему прямо-таки халатно и небрежно, и великое множество есть таких, Евангелие слушающих, кои, поскольку вздор папский упразднён, так

что мы освободились от давления и принуждения его, ходят туда и год, и два, и три, и долее без таинства, как будто они такие твёрдые христиане, что в нём не нуждаются, *41* и позволяют себя некоторые отвратить и напугать тем, что учим мы, что никто к нему [причастию] приходить не должен, ежели не чувствует голода и жажды, к тому подгоняющей. Иные же ссылаются на то, что будто бы сие есть дело свободное и необязательное и достаточно того, что и так они веруют, и, таким образом, по большей части к тому приходят, что делаются совсем дикими и в конце концов как таинством, так и словом Божиим пренебрегают.

42 Ну конечно же, то, что мы говорили, правда: ни в коем случае не следует никого ни подгонять, ни принуждать, дабы не устроить опять новое душеубийство. Но всё же знать следует, что совершенно нельзя считать христианами таких людей, каковые столь долгое время причастия чуждаются и от него уклоняются. Ибо Христос учредил его не для того, чтобы его за зрелище принимали, но заповедал христианам Своим, дабы ели они сие и пили, и тем Его воспоминали.

43 И воистину, те, что истинными христианами являются и таинство причащения дорогим и ценным считают, – те могут сами себя побуждать и торопить. Но о том, что люди простые и слабые, которые с радостью христианами были бы, тем более побуждаемы быть должны осознать причину и нужду, которые бы их подгоняли к тому, – о том намерены мы немного поговорить. *44* Ибо подобно тому, как в других вещах, кои веры, любви и терпения касаются, так и здесь недостаточно лишь учить и преподавать, но надо и увещевать каждодневно; кроме того, и здесь следует проповедованием к тому побуждать, дабы не ленились и не уставали, ибо знаем и чувствуем мы, как диавол постоянно сему и всей жизни христианской противится и, насколько может он, от сего отгоняет и отпугивает.

45 Во-первых, пред нами ясный текст в словах Христа: "СИЕ ТВОРИТЕ ... в Мое воспоминание." Сие суть слова, кои нам повелевают и приказывают, коими на тех, кто

христианами быть хотят, возложено таинство употреблять. Потому, если кто хочет быть учеником Христа, к коим Он здесь и обращается, пусть он вспомнит и придерживается того, и не из принуждения, от людей исходящего, но из послушания и в угоду Господу Иисусу Христу. *46* Но говоришь ты: Ведь написано же: "Когда только творите", то есть не принуждает ведь Он никого, но оставляет свободу выбора. *47* Ответ: Это правда, но не написано, что того никогда делать не нужно, и более того, поскольку говорит Он именно такие слова "Когда только творите", всё же с ними то связано, что сие следует часто совершать, и потому прибавлено, что Он желает, дабы причастие было свободным, к определённому времени не приуроченным, как пасхальный агнец у иудеев, коего они за весь год лишь единожды, а именно, вечером на четырнадцатый день первого полнолуния, и ни днём позже, вкушать должны были. Словно бы тем хотел Он сказать: "Учреждаю вам Пасху либо причастие, кое вы не один раз, сим вечером года, но часто вкушать будете, когда и где захотите по возможности всякой и потребности, ни к какому месту либо времени определённому не приуроченное", *48* хотя папа сие впоследствии извратил и вновь в пасху иудейскую превратил.

49 Итак, видишь ты, что не в том свобода оставлена, чтобы можно было пренебречь сим. Ибо пренебрежением называю я, когда долгое время его [причастие] стороной обходят и, обычно никаких препятствий не имея, всё-таки никогда его не жаждут. Ежели такой свободы ты хочешь, то лучше имей ту свободу, чтобы ни христианином не быть, ни верить и молиться не быть обязанным. Ибо сие точно так же есть заповедь Христова, как и то. Если же хочешь ты христианином быть, то должен ведь ты хотя бы иногда заповедям сим удовлетворять и повиноваться. *50* Ведь заповедь таковая должна тебя к тому подвигнуть, чтобы ты в себя самого заглянул и подумал: "Что же я за христианин такой? Будь я им, то хотя бы немного стремился к тому, что Господь мой выполнять заповедал".

51 И действительно, поскольку мы так сего чуждаемся, то видно хорошо, что за христиане мы были при владычестве папском, – те, кто лишь по принуждению и из

страха пред заповедью человеческой сюда приходили без радости и любви, а заповеди Христовой никогда не замечали. *52* Мы же не принуждаем и не упрашиваем никого, и не должен никто сего делать нам в услугу либо в угоду. Но должно тебя то побуждать и само принуждать, что Он желает, чтобы так было, и Ему сие угодно. Человекам же никто принуждать себя ни к вере, ни к любому доброму делу позволять не должен. И мы ничего более не делаем, кроме как говорим и увещеваем, что ты совершать должен – не нас ради, но ради тебя. Привлекает и побуждает тебя Он, и если намерен ты сим пренебречь, сам за то и ответ держи.

53 Первым же делом, особенно для холодных и нерадивых, то должно быть, чтобы они сами одумались и пробудились. Ибо ведь истинно несомненно, как то я и сам на себе испытал и каждый в себе найдёт: если так от сего удаляются, то день ото дня чем далее, тем безразличнее и холоднее делаются и, наконец, совсем сим пренебрегают. *54* Напротив же, должно с сердцем и совестью своею советоваться и поступать как человек, который с радостью желал бы с Богом в ладу жить. Чем больше таковое совершаться будет, тем больше теплеть и разжигаться будет сердце, дабы совсем ему не остыть.

55 Но вот вопрошаешь ты: "Как быть, если чувствую я, что не готов ещё?" Ответ: И это тоже искушение моё, особенно из-за прежнего бытия под властью папской, когда мы себя так изнуряли, дабы чистыми быть совершенно и не отыскал бы в нас Бог изъяна ни единого, и оттого столь робкими становились, что тут же каждый ужасался и говорил: "Ах, недостоин ты!" *56* Ибо тогда начинает природа и мысль исчислять недостоинство наше против блага сего великого и драгоценного; и оказывается тогда, что оно всё равно что тусклый фонарь против яркого солнца, либо навоз против камня драгоценного, и когда видит она таковое, то не хочет к причастию приходить и ждёт упрямо того, что готова станет, а тем временем сменяет одна неделя другую и одно полугодие другое. *57* Если же, однако, намерен ты в расчёт принимать, сколь благочестив и чист ты, и дожидаться,

пока ничто тебя терзать не будет, то наверняка никогда не придёшь ты [к таинству].

58 Потому следует здесь людей различать: ибо тем, кои дерзки и дики, сказать следует, чтобы они от сего в стороне оставались; ибо они, благочестивыми стать не жаждущие и охоты не имеющие, отпущение грехов принять не готовы. *59* Иные же, однако, кои не столь грубы и распущенны и охотно благочестивыми стали бы, не должны сего чуждаться, если даже они всё ещё слабы и нетвёрды. Так и Св. Гиларий сказал: "Если же не совершён грех таковой, за который совершившего по справедливости можно из общины изгнать и нехристианином считать, то не следует его без причастия оставлять, чтобы он себя жизни не лишил." *60* Ибо никто столь далеко не продвинется, чтобы не оставалось у него много изъянов повседневных во плоти и крови.

61 Потому должны такие люди понять, что искусство высочайшее в знании том заключается, что таинство наше не на нашем достоинстве зиждется; ибо даём мы крестить себя не оттого, что достойны и святы, и на исповедь приходим не потому, что чисты мы и безгрешны, но, напротив же, как люди бедные, жалкие и как раз потому, что недостойны мы; кроме разве лишь того, кто никакой милости и отпущения не жаждет и о том, чтобы себя улучшить, не помышляет.

62 Кто же с радостию хотел бы милость и утешение обрести, тот должен сам себя побуждать, и себя от того отпугнуть никому не дозволять и говорить так: "Я очень хотел бы достойным быть, но прихожу я не по какому-то достоинству, но по слову Твоему, что Ты сие заповедал, как желающий учеником Твоим быть; и будь что будет с достоинством моим." Но трудно сие; ибо то постоянно на пути нашем стоит и нам препятствует, что мы более на самих себя, нежели на слово и уста Христовы, смотрим. Ибо природа склонна так поступать, чтобы она уверенно на себе самой зиждиться и основываться могла, если же нет, то не желает она и пытаться. Сего да будет достаточно про пункт первый.

64 Во-вторых, кроме заповеди, имеется также и обетование, как о том мы выше слышали, кое нас сильнее всего побуждать и подвигать должно. Ибо вот они, слова добрые, ласковые: "Сие есть Тело Мое, ЗА ВАС предаваемое", "Сие есть Кровь Моя..., ЗА ВАС изливаемая во оставление грехов." *65* Слова сии, говорил я, не дубине либо камню проповедуются, но мне и тебе, а в противном случае мог бы Он с успехом равным ничего не говорить и никакого таинства не учреждать. Потому поразмысли и введи себя тоже в число сих ВАС", чтобы не напрасно Он с тобою говорил!

66 Ибо вот предлагает Он всем нам сокровище, кое Он нам с небес принёс, и к тому же приглашает Он нас самым приветливым образом, когда говорит Он (Мат. 11,28): "Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас." *67* Ведь и стыд, и грех, что Он так сердечно и верно нас призывает и приглашает к нашему благу наивысшему и наилучшему, мы же так его чуждаемся и столь долго избегаем, пока совсем не охладеваем и сердцем не ожесточаемся, что ни тяги, ни любви к нему не имеем. *68* Ведь нужно на таинство смотреть не как на деяние зловредное, от которого бежать надобно, но как на лекарство благотворное, утешительное, которое тебе помогает и жизнь даёт и душе, и телу; ибо если душа выздоравливает, то и телу помощь оказывается. Отчего же тогда относимся мы к нему, словно к яду, в коем смерть свою находят?

69 Верно совершенно, что те, кто пренебрегает им и живёт не по-христиански, принимают его на позор и в осуждение себе. Ибо таким ничто не будет ни благим, ни целительным, так же как больному, который из озорства ест и пьёт то, что врач ему запретил. *70* Те же, кто слабость свою ощущает и охотно от неё избавился бы и помощи жаждет, его рассматривать и употреблять должны не иначе, как против яда терияк драгоценный, у них имеющийся[34]. Ибо здесь, в таинстве, следует тебе из уст Христовых принять отпущение грехов, кое при себе имеет и с собою несёт милость Божию и Дух со всеми дарами Его, охрану, защиту и силу против смерти и диавола и всякого несчастья.

71 Итак, со стороны Бога имеешь ты и заповедь ГОСПОДА Иисуса Христа, и обетование. К сему же с твоей стороны должна побуждать тебя и нужда твоя собственная, на шее у тебя висящая, коей ради повеление таковое, приглашение и обетование даётся. Ибо говорит Он Сам: "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные", то есть те, кто изнурён и обременён грехами, страхом смерти, искушениями плоти и диавола. *72* Если же обременён ты и слабость свою чувствуешь – радостно иди сюда и дай освежить тебя, утешить и укрепить. *73* Ибо если будешь выжидать до тех пор, пока от сего бремени избавишься, чтобы придти тебе чистым и достойным к таинству, – то придётся тебе вечно без него оставаться. *74* Ибо вот выносит Он приговор и говорит: "Если ты чист и благочестив, нет тебе нужды ни в чём Моём, и Мне твоего опять-таки не нужно". Потому недостойными лишь те называются, кои ни изъянов своих не чувствуют, ни грешниками быть не хотят.

75 Но скажешь ты: "Что же делать мне, ежели не могу ни нужды таковой ощутить, ни к таинству голода и жажды испытать?" Ответ: Для тех, кто таковы, что себя не осознают, не знаю я лучшего совета, нежели чтобы всё же сунули руку за пазуху – есть ли у них ещё плоть и кровь. Ибо если ты таковое обнаружишь, то пусть поможет тебе написанное в Послании Св. Павла к Галатам, и послушай, что за фруктик есть плоть твоя: "Дела плоти (говорит он) известны: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, бийства, пьянство, бесчинство и тому подобное".

76 Потому, если не можешь почувствовать сие, то поверь всё же Писанию, которое тебе не солжёт, так как оно плоть твою лучше знает, нежели ты сам. Ведь далее заключает Св. Павел в Послании к Римлянам: "Ибо знаю, что не живёт во мне, то есть, в плоти моей, доброе." Если может Св. Павел таковое о плоти своей говорить, то и мы не намерены ни лучше, ни святее быть. *77* То же, что не чувствуем сего, – ещё и куда как хуже; ибо есть то знак, что сие есть плоть прокажённая, которая ничего не чувствует и, однако же, всё равно [проказа] свирепствует и

вокруг распространяется. *78* Однако, как уже сказано, ежели ты совсем омертвел, то верь всё же Писанию, приговор тебе выносящему. Итак: чем менее ощущаешь ты грехи и слабости свои, тем больше причин придти тебе, помощи и исцеления искать.

79 Во-вторых, оглянись вокруг, в миру ли ты ещё; или, если не знаешь того, спроси о том у соседей своих. Если же ты ещё в миру, то не думай, что будет недостаток в грехах и нуждах. Тогда только начинай и так поступай, словно хочешь благочестивым стать и от Евангелия не отходить, и смотри, не станет ли кто ненавистником тебе, и, сверх того, не будет ли горе, несправедливость и насилие творить и повод для грехов и пороков давать. Если же не испытал ты того сам, пусть тебе Писание о том скажет, которое миру всесторонне оценку такую и свидетельство даёт.

80 Сверх того, будет, конечно, около тебя также и диавол, коего ты совсем под себя подмять не сможешь, когда Сам ГОСПОДЬ наш Иисус Христос не смог того избежать. *81* Что же такое диавол? Не что иное, нежели, как его Писание называет [Иоан. 8,44], лжец и человекоубийца: лжец, чтобы отвратить сердце от слова Божия и ослепить его, так чтобы ты ни нужды своей не чувствовал, ни ко Христу придти не мог; человекоубийца, который тебе ни часа жизни не даст. *82* Если бы ты видел, как много мечей, копий и стрел каждый миг на тебя нацелены, ты бы рад был как можно чаще к таинству сему приходить. Тому, что люди так беспечно и беззаботно от сего уходят, нет иной причины, кроме той, что мы не думаем и не верим, что мы во плоти и в миру злом или в царстве диавола пребываем.

83 Посему попробуй и испытай сие хорошенько и углубись в себя самого, или посмотри немного вокруг и держись только Писания. Если же и после того ты ничего не чувствуешь, то тем больше нужды у тебя сетовать и Богу, и брату твоему. Тогда прими же совет и дай за тебя помолиться и не отступай, пока не свалится камень с сердца твоего: *84* тогда, действительно, нужда найдётся, и ты заметишь, что вдвое глубже провалился, чем иной

грешник несчастный, и много больше нуждаешься в причастии против злополучия, коего ты, к несчастью, не видишь, лишь бы дал Бог милости, чтобы ты сие лучше почувствовал и сего ещё более взалкал, особенно потому, что диавол тебе так досаждает и беспрерывно тебя подстерегает, чтобы схватить и души и тела лишить, так что ты ни единого часа от него в безопасности быть не можешь. Как же скоро он сможет тебя в беду и несчастье ввергнуть, когда ты совсем того не ждёшь!

85 Сие пусть же для увещевания сказано будет, не только для нас, старых и взрослых, но и для юношества, коих в учении и разумении христианском воспитывать должно. Ибо так можно было бы тем легче Десять заповедей, Символ веры и "Отче наш" до молодёжи донести, дабы сие с радостью и всерьёз они воспринимали и так с юности приучались и привыкали. *86* Ибо всё же часто со старыми бывает, что невозможно того или другого добиться, если людей не взращивать, кои после нас придти должны и в служение и дело наше вступать, так чтобы и они детей своих успешно и с пользою воспитали, чем слово Божие и Церковь христианская сохраняемы были бы. *87* Посему да знает каждый отец семейства, что он по велению и заповеди Божией обязан детям своим сие преподать или выучить их заставить то, что они знать должны. Ибо поскольку крещены они и в христианство приняты, должны они также общность таинства вкушать, с тем чтобы они могли нам служить и полезными быть; ибо они должны, разумеется, все нам помогать верить, любить, молиться и против диавола биться.

Краткое увещевание к исповеди

1 Об исповеди мы всегда учили так, что должна она добровольною быть, и с тиранией папской мы покончили, так что все мы от гнёта его избавлены и освобождены от тяжести и ноши непосильной, на христианство взваленной. Ибо до сей поры не было ничего более тяжкого, как все мы на себе испытали, нежели то, что принуждаем был каждый

исповедоваться под страхом величайшего греха смертного, к тому же столь сильно таковое обременяло и *2* совесть истязало столь многочисленных грехов перечислением, что не мог никто исповедаться совершенно достаточно. *3* И хуже всего было то, что не учил и не знал никто, что такое исповедь и как она полезна и утешительна, но превратили её в один лишь страх и муки адские, так что совершать её приходилось, однако же не было ничего другого, столь же противного, как она. *4* От сих трёх вещей мы ныне избавлены и освобождены: что без всякого принуждения и страха её совершать можем, что от муки столь полного всех грехов перечисления мы также избавлены, кроме того, есть у нас то преимущество, что мы знаем, как надлежит её употреблять благословенно к утешению и ободрению совести нашей.

5 Однако сие теперь каждый знает, и, к сожалению, слишком хорошо сему выучились, так что творят они что пожелают и свободу сию так используют, будто исповедоваться им уж более никогда не надлежит и не требуется. Ибо то постигается скоро, что обыкновенно нам приятно, и чрезвычайно легко то усваивается, в чём Евангелие кротко и мягко. Однако свиньи такие (говорил я) должны бы не с Евангелием жить и к нему приобщаться, а под властью папы оставаться и ему давать себя понукать и донимать, чтобы приходилось им исповедоваться, поститься и т. д. больше, нежели прежде. Ибо кто Евангелию не верит и по нему жить и то делать, что христианин делать обязан, не хочет, тот не должен к нему и приобщаться. На что бы то похоже было, когда б ты только пользу получать хотел, ничего для того не делая и не прилагая?

6 Посему не будем мы таким ни что-либо проповедовать, ни даже волею своею что-либо уделять от свободы нашей или дозволять ею пользоваться, но оставим над ними снова папу или подобного ему, который мучил бы их, как настоящий тиран. Ибо ведь черни, не желающей Евангелию повиноваться, никто иной и не положен, кроме подобного надзирателя, Богом посланного диавола и палача.

7 Другим же, кои охотно нас слушают, обязаны мы всегда проповедовать, их побуждать, привлекать и манить, дабы они сокровищу такому драгоценному и утешительному, чрез Евангелие предлагаемому, бесполезно пропасть не дали. Потому и намерены мы кое-что об исповеди сказать, дабы простых людей научить и вразумить.

8 Во-первых, я говорил, что сверх той исповеди, о коей мы здесь речь ведём, есть ещё двух родов исповеди, кои здесь скорее называться могут всех христиан исповеданием общим, а именно, когда исповедуются только Богу Самому или только ближнему одному и о прощении просят, каковые [исповеди] также в "Отче наш" заключены, когда мы говорим: "И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим" и т. д. *9* Больше того, весь "Отче наш" есть не что иное, как исповедь такая. Ибо что такое молитвы наши, как не то, что признаём мы, что не имеем и не совершаем того, что обязаны, и жаждем милости и возвеселения совести нашей? Исповедь такая должна и обязана совершаться беспрерывно, пока мы живы. Ибо в том и состоит, в сущности, жизнь христианская, что мы себя грешниками признаём и о милости просим.

10 Подобно тому и вторая исповедь, кою каждый пред ближним своим совершает, также в "Отче наш" включена, [именно,] что мы друг другу нашу вину исповедуем и прощаем, прежде чем пред Богом предстанем и отпущения попросим. Мы же в общем все друг другу должны, посему обязаны и можем мы совершенно открыто пред каждым исповедаться и друг друга не стыдиться. Ибо происходит, как в поговорке: *11* "Коль один благочестив, то и все", и не совершает никто для Бога или ближнего то, что совершать обязан. Однако кроме долга всеобщего есть ещё и особенный, когда один другого прогневил, так что он у него за то просить прощения должен. *12* Таким образом, в "Отче наш" у нас есть два грехов отпущения: что нам прощается всё, чем мы провинились как пред Богом, так и пред ближним, если мы ближнего прощаем и с ним примиряемся.

13 Сверх такой исповеди открытой, каждодневной и необходимой, есть ещё сия исповедь тайная, которая лишь при одном брате совершается и должна тому служить, – когда нас что-то особенное тяготит или тревожит, чем мы терзаемся и не можем ни спокойными быть, ни в вере достаточно твердыми себя считать, – чтобы мы на таковое брату посетовали, дабы совет, утешение и подкрепление получить, когда только и как только часто мы захотим. *14* Ибо она не дана в виде приказания, как те две, но всякому, кто в ней нуждается, предоставлена, чтобы он её по надобности своей использовал. И сие вышло и установилось из того, что Христос Сам отпущение своим христианам в уста вложил и повелел нас от грехов освобождать. Ежели есть такое сердце, которое грехи свои ощущает и утешения жаждет, здесь у него есть надёжное убежище, где оно слово Божие находит и слышит, что Бог его чрез человека от грехов разрешает и освобождает.

15 Так примечай же, как я часто говорил, что исповедь из двух вещей состоит. Первая есть то наше деяние и свершение, что я на грехи мои сетую и прошу утешения и ободрения душе моей. Вторая есть деяние, Богом совершаемое, Который меня посредством слова, человеку в уста влагаемого, освобождает от моих грехов, каковое есть высшее и благороднейшее, ибо оно делает её ласковой и утешительной. *16* Но до сих пор единственно наших деяний требовали и ни о чём более не думали, кроме как чтобы мы исповедовались непременно дочиста, и на самую необходимую часть вторую внимания не обращали и её не проповедовали, так, словно исповедь есть единственно лишь деяние доброе, коим с Богом расплачиваться надлежит, а ежели бы исповедь самым полным и точнейшим образом не совершалась, то ни отпущение ничего бы не стоило, ни грехи прощены бы не были. *17* Сим людей до того довели, что все надежду потеряли столь дочиста исповедаться (как оно, однако, невозможно и было) и ничья совесть ни успокоиться, ни на отпущение грехов положиться не могла. Таким образом они нам сделали исповедь драгоценную не только бесполезной, но также тяжкой и трудной, с великим душе ущербом и порчею.

18 Посему должны мы на это смотреть таким образом, чтобы нам две вещи сии далеко одну от другой отделить и поместить и деяние наше низким, а слово Божие высоким и великим почитать и идти туда [на исповедь] не так, словно хотели бы деяние драгоценное свершить и Ему даровать, но лишь чтоб от Него брать и принимать. Не нужно тебе приходить и говорить, сколь благочестив или скверен ты. *19* Ежели христианин ты, то я сие и без того ведаю, если же нет, про то я знаю ещё гораздо лучше. Но для того её [исповедь] совершать надобно, чтобы ты на нужду свою посетовал и дал помочь тебе и возвеселить сердце и совесть твою.

20 К тому никто не смеет тебя принуждать приказаниями, но говорим мы так: Кто христианин или же с радостью хотел бы им быть, тому есть здесь совет верный, чтобы пошёл он туда и приобрёл сокровище драгоценное. *21* Ежели не христианин ты или утешения такого не ищешь, то пусть тебя кто-нибудь другой принуждает. Сим тиранию, закон и принуждение папское ныне устраняем мы разом, ни для чего в них не нуждаясь, ибо мы учим (как сказано) так: кто на исповедь идёт не по своей воле и не ради отпущения грехов, пусть-ка тот повременит. Более того, кто также на деяние собственное полагается, сколь безукоризненно он исповедь свою исполнил, тот также пусть воздержится. *22* Мы, однако, увещеваем: ты должен исповедоваться и нужду свою изъявить не потому, что сие как деяние совершаешь, но дабы услышать то, что повелит Бог сказану быть тебе. Слово, говорю я, или отпущение грехов, должен ты ценить, великим и драгоценным почитать как прекрасное, великое сокровище, со всем почётом и благодарением принимать.

23 Если бы сие расписать и тут же нужду показать, которая к тому подвигать и привлекать нас должна, то много заставлять и принуждать не требовалось бы, а каждого собственная совесть хорошо бы гнала и так стращала, что он радовался и поступал бы как бедный, несчастный нищий, когда слышит он, что в некоем месте подаяние богатое, деньги или одежду раздают: тут не надобно было бы никакого надзирателя, чтоб его гнать и

подталкивать, он бы и сам побежал что есть духу, лишь бы сего не упустить. *24* Ведь если бы издали приказ, чтобы все нищие туда бежать обязаны были, и более ничего, умалчивая, однако, что же в том искать и обретать надобно, то чем бы иным то было, если не тем, что пошёл бы он туда с неохотою и без намерения обрести что-либо, но лишь чтобы показать, сколь беден и жалок нищий сей? Из того много радости или утешения не почерпнёшь, а лишь тем больше приказу сему противиться станешь.

25 Точно так же до сих пор проповедники папские о милостыне сей прекрасной, богатой и сокровище несказанном молчали и только загоняли туда толпами ни для чего более, нежели чтоб видели, сколь грязные и скверные мы люди. Кто бы тут смог с охотою на исповедь идти? *26* Мы же не говорим, что нужно смотреть, сколь полон ты грязи, и в то, как в зеркало, глядеться, а совет даём и говорим: "Ежели ты беден и жалок, иди и воспользуйся лекарством целительным". *27* Кто горе и нужду свою ощущает, у того, конечно, такая в том потребность возникнет, что он с радостью туда помчится. Кои же к сему равнодушны и сами не приходят, тех и мы оставим в покое. Но должны они то ведать, что мы их христианами не считаем.

28 Итак, мы учим, сколь прекрасная, драгоценная и утешительная вещь есть исповедь, и увещеваем, чтобы не пренебрегали благом таким ценным, учитывая великую нужду нашу. Ежели христианин ты, то не нужно тебе вовсе ни принуждение моё, ни приказание папское, но будешь ты, пожалуй, сам себя принуждать и меня о том просить, чтобы мог ты к сему приобщиться. *29* Но ежели будешь ты сим пренебрегать и столь гордо без исповеди пребывать, то вынесем мы приговор окончательный, что не христианин ты и таинства [причастия] также приобщаться не должен. Ибо пренебрегаешь ты тем, чем ни один христианин пренебрегать не должен, и сим то творишь, что никакого прощения грехов ты получить не сможешь. И есть то верный знак, что и Евангелием ты пренебрегаешь.

30 Короче говоря, ни о каком принуждении мы и знать не желаем. Однако кто нашей проповеди и увещевания не

слышит и им не следует, с тем у нас ничего общего нет, и от Евангелия ничего получать он также не должен. Если бы ты христианином был, то радоваться бы должен и тому, что можешь ты больше сотни миль за благом сим бежать, и не заставлять себя упрашивать, а придти и нас принудить. *31* Ибо тут принуждение обратить надобно, чтобы мы в подчинение приказу перешли, ты же – на свободу; мы не принуждаем никого, а терпим, что нас принуждают, так же, как нас заставляют проповедовать и таинств приобщать.

32 Посему ежели призываю я к исповеди, то не что иное творю, как увещеваю христианином быть. Ежели я тебя к сему привожу, значит я тебя заодно привёл и к исповеди. Ибо кто жаждет с радостью христианами и от грехов свободными быть и совесть радостную иметь, у тех уже есть голод и жажда настоящие, так что они к хлебу тянутся, словно лань преследуемая, зноем и жаждой опаляемая, как говорит Псалом 41,2: *33* "Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!", то есть как она мучительно и робко тоскует по свежей ключевой воде, так и я со страхом и боязнию жажду слова Божия или отпущения грехов и таинств и т. п. *34* Вот то было бы об исповеди учением истинным, когда бы можно было тягу и любовь к сему творить, дабы люди приходили и нам досаждали, больше, нежели нам бы хотелось. Папистам предоставляем мы донимать и мучать себя самих и других людей, кои сокровище такое не ценят и сами от него отгораживаются. Мы же давайте руки возденем, Бога восславим и возблагодарим за то, что мы к познанию и благу такому пришли.

Примечания

[1] Mette, Prim, Terz, Sext, Non, Vesper, Komplet.

[2] В Виттенберге с 1523 года вопросы по Катехизису задавались на исповеди.

[3] Мученица, ум. 9 февр. 248 или 249 г. Почитается как спасительница от зубной боли.

[4] Римский диакон и мученик, сожжён на костре 10 авг. 258 г.

[5] Себастиан, мученик, ум. 20 янв. (нач. 4 в.?), очевидно, пронзённый стрелой; Св. Рохус из Монпелье (1295–1327 гг.), посвятивший себя уходу за больными чумой.

[6] Оба почитались у римлян как дарующие богатство и благосостояние.

[7] Богиня рождения, помогающая ребёнку выйти на белый свет; часто отождествлялась с Юноной.

[8] По аналогии с фигуркой "яблоневого епископа", вырезавшейся из яблоневого дерева для масленичного карнавала, напр., в Берлине.

[9] Эти два слова между собой этимологически не связаны (?).

[10] Сарданапал (Sardanapalus), последний царь древнеассирийского царства, известный как кутила и любитель роскоши; во время вспыхнувшего восстания (ок. 880 г. до Хр. э.), будучи осаждён в своей столице Ниневии, повелел сжечь себя вместе со своими сокровищами.

[11] Фаларид (Phalaris), известный своей жестокостью тиран Агригента (города на юге Сицилии).

[12] Позднелатинская пословица: *De male quaesitis non gaudet tertius heres* (Неправедно нажитому правнуки не порадуются).

[13] Молитвы до и после трапезы.

[14] Картузианский орден, учреждённый в 1048 г. Бруно в альпийской долине Шартрез (la Chartreuse) близ Гренобля, Лютер упоминает как пример особенно строгих порядков.

[15] Ср. название сочинения М. Лютера "Против неверно названных духовных состояний папы и епископов" (Wider den falsch genannten geistlichen Stand des Papsts und der Bischöfe), 1522 г.

[16] Aκηδια (Trägheit zu Gottesdienst) – леность в отношении богослужения; выражение происходит из 4-й книги "Этики" Аристотеля; акидия принадлежит к семи смертным грехам.

[17] Римский консул Цицерон, раскрывший в 63 г. до Хр. э. заговор, организатором которого был Л. Сергиус Каталина (108–62 гг. до Хр. э.), получил после этого почётный титул "pater patriae", ставший в более поздние времена официальным титулом римских императоров.

[18] Имеются в виду ростовщики; М. Лютер писал: «Ростовщик – настоящий вор и грабитель да сидит на стуле, отсюда и называют их "грабителями на стуле"».

[19] Мат. 5,31 и д., 19,39; Мар. 10,2–12; Лук. 16,18; 1 Кор. 7,10 и д.

[20] Скрепляющую концы венка.

[21] 1 Кор. 2,11.

[22] Лютер имеет в виду добрых ангелов (2 Макк. 11,6; 45,23).

[23] 1 Цар. 16,14 и 23; Деян. 19,12 и 15.

[24] В древневерхненемецком языке слово "ecclesia" переводилось и как "*kirihha*", и как "*samanunga*", напротив, в средневерхненемецком – только как "*kirche*".

[25] Хотя Лютер и ошибочно связывает латинское слово "*curia*", – которое скорее связано с "*Quiris*" (квирит – почётное название полноправных римских граждан), – с греческим "κυρία " (госпожа), тем не менее, его утверждение о греческом происхождении немецкого слова" Kirche" (от греческого "κυριακη" – Господня) подтверждается позднейшими исследованиями; это одно из

старейших христианских слов-заимствований, попавших в Германию по Дунаю из Готского государства вместе с арианскими миссионерами.

[26] Выражение из пословицы, означающее утрату уважения в обществе.

[27] Бернар Клэрвоский (1090 – 1153), французский монах, причисленный к святым, видный мистик, первый аббат монастыря Клэрво с 1115 г.

[28] Жан Шарлье де Жерсон (1363 – 1429), французский теолог, канцлер Парижского университета с 1395 г., на церковных соборах выступал за обновление церкви.

[29] Ян Гус (ок. 1369 – 1415), чешский реформатор церкви, с 1402 г. проповедовал в Праге на родном языке, ректор Пражского университета в 1402 – 1403 гг. и 1409 – 1412 гг. Будучи отлучён от церкви, в 1414 г. прибыл под защитой императорской охранной грамоты на Констанцский собор, который постановил его сжечь.

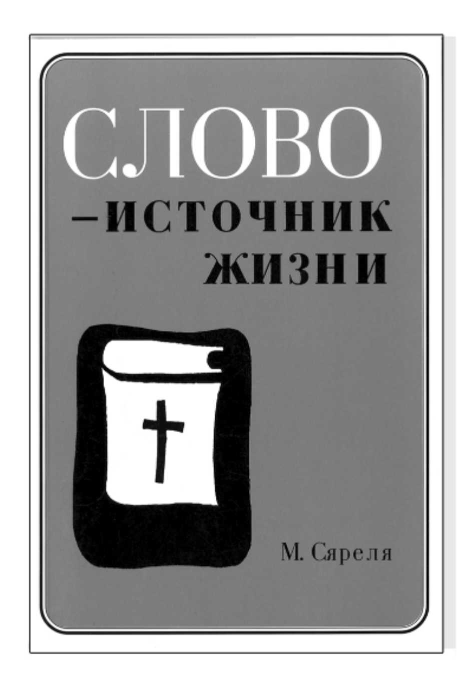
[30] Ср. с. 16,20; 118,1: "о двух таинствах наших".

[31] Отсюда введённая уже в 1523 г. в Виттенберге запись с собеседованием перед исповедью.

[32] 1 Кор.11,23–25; Мат. 26,26–28; Мар. 14,22–24; Лук. 22,19–20.

[33] Лук. 22,19; Мат. 26,26.

[34] Противоядие, средство против ядов животного происхождения.

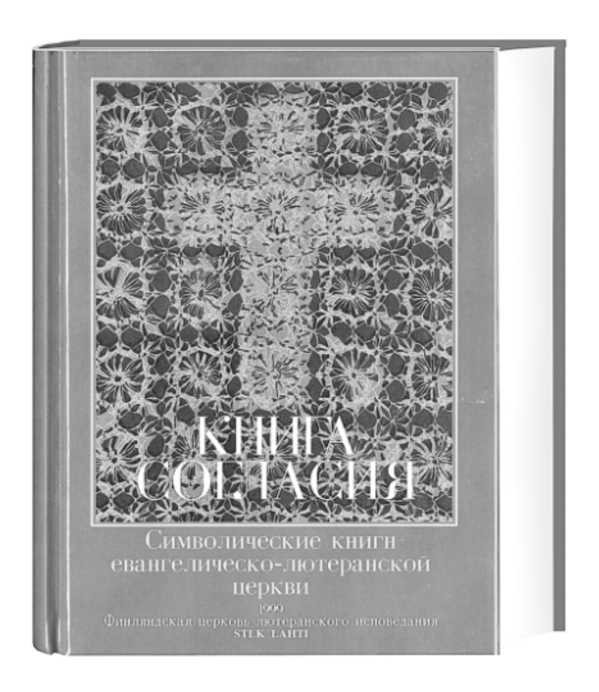

СЛОВО – ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Когда нас начинают интересовать и становятся важными для нас предметы веры, мы ищем ответы на многие вопросы, её касающиеся. Опыт доказал полезность данной книги в этом отношении. Она даёт ответы.

Книгу можно рекомендовать также и более сведущим в вопросах веры.

Автор разъясняет вопросы веры на основе Священного Писания ясным и всем понятным образом. Он не стремится к оригинальности и новизне, но желает оставаться на надёжном фундаменте христианства – слове Божием. Поэтому книга убеждает своего читателя.

КНИГА СОГЛАСИЯ

Ныне почти всё находится в состоянии брожения и перемен. Нам необходимы ясное основание Священного Писания для нашей веры и надёжная историческая база для нашего знания. Книга Согласия направляет нас к этим основам. Она даёт чёткую картину учения лютеранской церкви периода Реформации, которое по своей природе постоянно и неизменно.

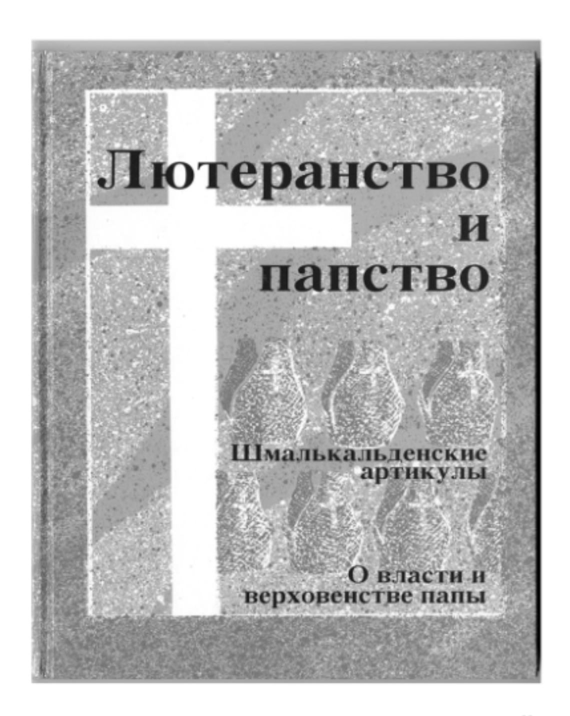
Стоит ознакомиться с этой классикой.

Книга представляет собой первый русский перевод оригинального издания Liber Concordiae 1580 года.

Истинно ли полученное в детстве крещение? Должны ли христиане крестить своих детей? Каково значение крещения? Является ли крещение всего лишь традицией или же в его основе лежит священное Писание?

В этой книге читатель найдёт ответы на подобные и многие другие вопросы, касающиеся крещения. О ней уже написано, в частности: "Отправной точкой книги служит объективный и компетентный анализ слова Писания, в котором автор проявляет как понимание исторических деталей, так и знание языка оригинала"; для автора "полученное в детстве крещение – не событие прошлого, не сухая догма, но всегда в употреблении пребывающее событие, фундаментальное для живой и подвижнической веры".

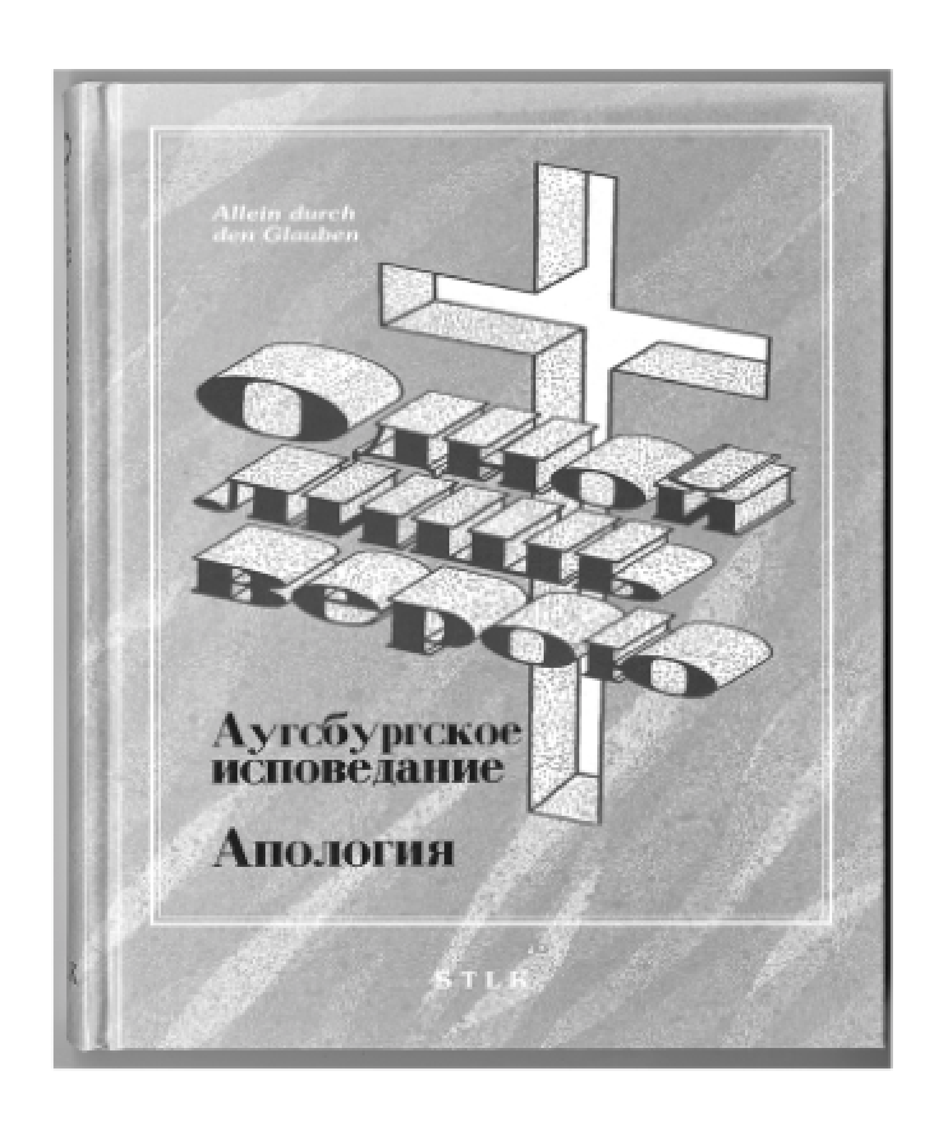

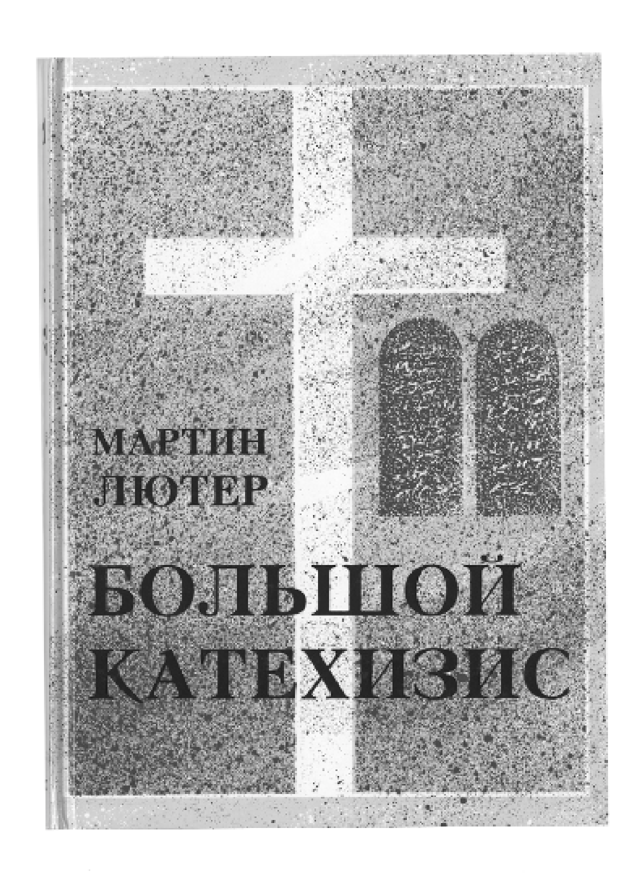
Эта книга, "Лютеранство и папство", содержит два важных лютеранских трактата, а именно, "Шмалькальденские артикулы" и "О власти и верховенстве папы". Оба они принадлежат к числу Символических книг лютеранства.

"Шмалькальденские артикулы" можно считать духовным завещанием реформатора церкви д-ра Мартина Лютера. Интересно и полезно узнать, в чём же на самом деле состояло его учение и каково было его отношение к папству.

"О власти и верховенстве папы" — также чрезвычайно важный и актуальный документ, в котором лютеранская церковь определила своё отношение к папству на основе Библии в свете многих положений христианского вероучения.

ISBN 951-9318-46-1

Allein durch
den Glauben
Одной лишь верою
Аугсбургское
исповедание
Апология
STLK

БОЛЬШОЙ КАТЕХИЗИС д-ра МАРТИНА ЛЮТЕРА. Перевод с немецкого. Главн. ред. Маркку СЯРЕЛЯ. Лахти: Финл. Церковь Лютеранского Исповедания STLK, 1996. 155 с. Тип. изд-ва ГУММЕРУС, ЮВЯСКЮЛЯ.

В этой книге Лютер возвещает Слово Божие и нам. Когда мы читаем его объяснения к заповедям Божиим, кажется, что он жил в наше время и знал наши грехи. И как утешительно слово Евангелия, которое Лютер доносит до нас.

В этой книге, опирающейся на тексты Священного Писания, изглачаются в форме вопросов и ответов главные принципы христианской веры. Книга будет полезна каждому, кто пожелает с ними ознакомиться.

Книга закладывает этические основы жизни и деятельности христианина в церкви и обществе. Прежде всего, она исполнена желания осветить в сердце человеческом путь к спасению в Иисусе Христе.

Желаем читателю провести с пользой благославенные минуты наедине с этой книгой.